

31
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ,
ЧАСТНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ
И ГОСУДАРСТВА

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) • 1937

W. H. H. H.
1937

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ф.ЭНГЕЛЬС

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ
ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
И ГОСУДАРСТВА

В связи с исследованиями Л. Г. Моргана

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) • 1937

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В настоящем издании книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» с предисловиями к 1 и 4-му изданиям печатается в новом переводе, в том виде, как она напечатана в Сочинениях Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. 1 и 2.

Партиздат ЦК ВКП(б)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ 1884 г.

Настоящей работой я в известной мере выполняю завещание. Сам Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с выводами своего — в известных пределах, я могу сказать, нашего — материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом за сорок лет перед этим, и на его основании пришел в своих сопоставлениях варварства и цивилизации в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс. И подобно тому как присяжные экономисты Германии годами с таким же усердием списывали «Капитал», с каким упорно замалчивали его, точно так же и представители «до-исторической» науки в Англии поступали с моргановским «Ancient Society»¹. Моя работа может лишь в слабой степени заменить то, что не суждено

¹ Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilisation [«Первобытное общество, или исследование о путях развития человечества от дикости через варварство к цивилизации»]. By Lewis H. Morgan. London, Macmillan and Co. 1877. Книга напечатана в Америке, и в Лондоне достать ее чрезвычайно трудно. Автор умер несколько лет тому назад [в 1881 г. — *Ред.*].

было выполнить моему покойному другу. Но в моем распоряжении имеются его подробные выписки из Моргана с критическими замечаниями, которые я в соответствующих местах воспроизвожу здесь.

Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории служит в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но оно, в свою очередь, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств существования, предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Ответственные учреждения людей, живущих в определенную историческую эпоху и в определенной стране, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны, труда, с другой — семьи. Чем меньше пока еще развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется доминирующее влияние на общественный строй уз родства. Между тем, в рамках этого расчленения общества, покоящегося на узах родства, все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с нею — частная собственность и обмен, различия в богатстве, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы сменяющихся поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость их обоих не приводит к полному перевороту. Столкновение новообразовавшихся общественных классов взрывает старое общество, покоящееся на родовых союзах; его место заступает новое общество, организованное в государство, подразделениями которого служат уже не родовые, а территориальные объединения, — общество, в котором семейные отношения

полностью подчинены отношениям собственности и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей предыдущей *писанной* истории.

Большая заслуга Моргана в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу нашей *писанной* истории и в родовых объединениях северо-американских индейцев нашел ключ к важнейшим загадкам древнейшей истории — греческой, римской и германской, к загадкам, которые до сих пор оставались неразрешимыми. Его сочинение — труд не одного дня. Около сорока лет работал он над своим материалом, пока не овладел им вполне. Но зато и книга его — одно из немногих выдающихся произведений нашего времени, начинающих новую эпоху в науке.

В нижеследующем изложении читатель в общем легко отличит, что принадлежит Моргану и что добавил я. В исторических отделах о Греции и Риме я не ограничился доводами Моргана и прибавил то, что находилось в моем распоряжении. Отделы о кельтах и германцах в основном принадлежат мне; Морган располагал тут данными почти только из вторых рук, а о германцах — кроме Тацита — лишь плохими либеральными фальсификациями г. Фримана. Освещение экономических вопросов, которое было достаточно для целей, поставленных Морганом, но для моих целей совершенно недостаточно, все переработано мною. Наконец, само собой разумеется, я отвечаю за все те выводы, которые сделаны без прямых ссылок на Моргана.

Ф. Э.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ.

К ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ СЕМЬИ

(Бахофен, Мак-Леннан, Морган)

Предыдущие издания этой книги, выходявшие большими тиражами, целиком разошлись почти полгода тому назад, и издатель давно уже просил меня подготовить новое издание. Более неотложные работы до сих пор мешали мне это сделать. Со времени появления первого издания прошло семь лет, и за эти годы изучение первобытных форм семьи достигло больших успехов. Поэтому необходимо было сделать здесь тщательные исправления и дополнения, тем более¹, что предположенное печатание настоящего текста по стереотипу лишит меня на некоторое время возможности вносить новые изменения.

Итак, я внимательно пересмотрел весь текст и сделал ряд добавлений, в которых, надеюсь, в достаточной мере учтено современное состояние науки. Кроме того, я даю ниже в этом предисловии краткий обзор развития истории семьи от Бахофена

¹ В «Neue Zeit» конец этой фразы сформулирован иначе: «...тем более, что новое издание должно выйти в таком тираже, который теперь становится обычным в немецкой социалистической литературе, но который в других областях немецкого книгоиздательства является большой редкостью». — *Red.*

до Моргана; я делаю это главным образом потому, что шовинистически настроенная английская школа первобытной истории попрежнему делает все возможное, чтобы замолчать переворот во взглядах на первобытную историю, произведенный открытиями Моргана, нисколько не стесняясь, однако, присваивать себе полученные Морганом результаты. Да и в других странах кое-где слишком усердно следуют этому английскому примеру.

Моя работа была переведена на разные языки. Прежде всего на итальянский: «L'origine della famiglia, della proprietà privata e dello stato, versione riveduta dall'autore, di Pasquale Martignetti», Benevento, 1885. Затем на румынский: «Origina Familiei, proprietatei private si a statu lui, traducere de Ioan Nadejde», в яском журнале «Contemporarul» с сентября 1885 г. по май 1886 г. Далее на датский: «Familjens, privatejendommens og Statens Oprindelse, Dansk, af Forfatteren gennemgaaet Udgave, besørget af Gerson Trier», Kjöbenhavn, 1888. Печатается французский перевод Анри Рава, сделанный с настоящего немецкого издания.

* * *

До начала шестидесятых годов говорить об истории семьи не приходится. Историческая наука в этой области целиком еще была под влиянием пятикнижия Моисея. Патриархальную форму семьи, изображенную там подробнее, чем где бы то ни было, не только считали безоговорочно самой древней формой, но и отождествляли — за вычетом многоженства — с современной буржуазной семьей, так что с этой точки зрения семья, собственно говоря, вообще не переживала никакого исторического развития; самое большее, допускалось, что в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений. Правда, кроме единобрачия было изве-

стно еще восточное многоженство и индийско-тибетское многомужество; но эти три формы нельзя было расположить в исторической последовательности, и они фигурировали рядом друг с другом без всякой взаимной связи. Что у отдельных народов древнего мира, как и у некоторых еще существующих дикарей, происхождение определяется не по отцу, а по матери, так что женская линия одна только и принимается во внимание; что у многих современных народов воспрещаются браки внутри определенных более или менее крупных групп, тогда еще ближе не исследованных, и что этот обычай встречается во всех частях света, — эти факты были, правда, известны, и такого рода примеров накапливалось все больше, но как к ним подойти, никто не знал, и даже еще в «Researches into the Early History of Mankind» etc. [«Исследования первобытной истории человечества» и т. д.] Э. Б. Тайлора (1865) они упоминаются просто как «странные обычаи», наряду с действующим у некоторых дикарей запрещением прикасаться к горящим дровам железным орудием и тому подобной религиозной чепухой.

Изучение истории семьи начинается с 1861 г., когда вышло в свет «Материнское право» Бахофена. Автор выставляет там следующие положения: 1) люди сначала жили в беспорядочном половом общении, которое он обозначает неудачным словом «гетеризм»; 2) такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, и поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии, по материнскому праву, — так это вначале и бывало у всех народов древности; 3) вследствие этого женщины, как матери, как единственные достоверно известные родители молодого поколения, пользовались высокою степенью уважения и почета, доходившей, по мнению Бахофена, до полного господства женщин (гинекократия); 4) переход к едино-

брачию, при котором женщина принадлежала исключительно одному мужчине, заключал в себе нарушение древнейшего религиозного завета (т. е. фактически нарушение исконного права остальных мужчин на эту женщину), нарушение, которое требовало искупления или же должно было быть возмещено тем, что женщина в течение некоторого времени отдавалась другим.

Доказательства этих положений Бахофен находит в многочисленных, с исключительным усердием собранных цитатах из древнеклассической литературы. Развитие от «гетеризма» к моногамии и от материнского права к отцовскому происходит, по его мнению, — в частности у греков, — вследствие дальнейшего развития религиозных идей, вследствие внедрения новых божеств, представителей новых воззрений, в традиционную группу богов, представлявших старые взгляды, так что последние все более и более оттесняются на задний план первыми. Таким образом, по Бахофену, не развитие действительных условий жизни людей, а религиозное отражение этих условий жизни в головах тех же людей вызывало исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины. Согласно этому Бахофен толкует «Орестейю» Эсхила как драматическое изображение борьбы между гибнущим материнским правом и возникающим в героическую эпоху и одерживающим победу отцовским правом. Ради своего любовника Эгиста, Клитемнестра убила своего супруга Агамемнона, вернувшегося с троянской войны; но Орест, сын ее и Агамемнона, мстит за убийство отца, убивая свою мать. За это его преследуют эриннии, демонические охранительницы материнского права, по которому убийство матери — тягчайшее, ничем не искупимое преступление. Но Аполлон, который через своего оракула побудил Ореста совершить это дело, и Афина, которую при-

зывают в качестве судьи, — оба божества, представляющие здесь новый отцовско-правовой строй, — защищают Ореста; Афина выслушивает обе стороны. Весь предмет спора сжато формулируется в прениях, происходящих между Орестом и эринниями. Орест ссылается на то, что Клитемнестра совершила двойное злодеяние, убив *своего* супруга и вместе с тем *его* отца. Почему же эриннии преследуют его, а не ее, гораздо более виновную? Ответ паразителен:

«С мужем, ею убитым, она в кровном родстве не была».

Убийство человека, не состоящего в кровном родстве, даже когда он — муж убившей его женщины, может быть искуплено, оно эринний нисколько не касается; их дело — преследовать убийства лишь среди родственников по крови, и тут, по материнскому праву, тягчайшим и ничем не искупимым является убийство матери. Но вот защитником Ореста выступает Аполлон; Афина ставит вопрос на голосование членов ареопага—афинских присяжных; голоса делятся поровну — за оправдание и за осуждение; тогда Афина, как председательница, подает свой голос за Ореста и объявляет его оправданным. Отцовское право одержало победу над материнским, «боги младшего поколения», как называют их сами эриннии, побеждают эринний, и в конце концов последние тоже соглашаются занять новый пост на службе новому порядку вещей.

Это новое, но совершенно правильное толкование «Орестей» представляет собою одно из прекраснейших и лучших мест во всей книге Бахофена, но оно в то же время доказывает, что он сам во всяком случае не меньше верит в эринний, Аполлона и Афины, чем в свое время верил Эсхил; а именно — он верит, что они в греческую героическую эпоху совершили чудо: ниспровергли материнское право, заме-

нив его отцовским. Ясно, что подобное представление, по которому религия оказывается решающим рычагом мировой истории, сводится в конечном счете к чистейшему мистицизму. Поэтому проштудировать толстый том Бахофена — работа трудная и далеко не всегда благодарная. Но все это не умаляет его заслуги как исследователя, проложившего новый путь; он первый отбросил фразу о неведомом первобытном состоянии с беспорядочными половыми отношениями, доказав вместо этого, что в древне-классической литературе есть множество следов того, что у греков и у азиатских народов действительно существовало до единобрачия такое положение, когда, вовсе не нарушая обычая, не только мужчина вступал в половое общение с несколькими женщинами, но и женщина — с несколькими мужчинами; что при своем исчезновении обычай этот оставил после себя тот след, что женщины должны были покупать свое право на единобрачие ценою временной отдачи себя другим мужчинам; что поэтому происхождение могло прежде определяться только по женской линии, от матери к матери; что это исключительное значение женской линии долго сохранялось еще и в период единобрачия при установленном или во всяком случае признанном отцовстве; и что это первоначальное положение матерей, как единственных достоверных родителей своих детей, обеспечивало им, а вместе с тем и женщинам вообще, такое высокое общественное положение, какого они потом уже никогда не занимали. Бахофен, правда, не сформулировал этих положений с такой ясностью, — этому помешало его мистическое мировоззрение. Но он их доказал, и это в 1861 г. означало настоящую революцию.

Толстый том Бахофена был написан по-немецки, т. е. на языке нации, которая в то время менее всего интересовалась первобытной историей современной

семьи. Поэтому книга осталась незамеченной. Ближайший преемник Бахофена на том же поприще, выступивший в 1865 г., ничего не слышал о нем.

Этим преемником был Дж. Ф. Мак-Леннан, прямой антипод своего предшественника. Вместо гениального мистика тут перед нами сухой юрист; вместо буйной поэтической фантазии — рассудочные комбинации выступающего в суде адвоката. Мак-Леннан находит у многих диких, варварских и даже цивилизованных народов древнего и нового времени такую форму заключения брака, при которой жених, один или со своими друзьями, должен будто бы насильственно похитить невесту у ее родных. Этот обычай является, повидимому, пережитком более раннего обычая, когда мужчины одного племени действительно насильно похищали себе жен на стороне, у других племен. Как же возник этот «брак посредством умыкания»? Пока мужчины могли находить достаточно жен в своем собственном племени, для такого брака не было никакого повода. Но очень часто мы находим, что у неразвитых народов существуют известные группы (к 1865 г. их еще часто отождествляли с самими племенами), внутри которых брак запрещен, так что мужчины вынуждены брать себе жен, а женщины мужей — вне этой группы; между тем у других существует обычай, требующий, чтобы мужчины известной группы брали себе жен только внутри своей собственной группы. Мак-Леннан называет первые группы экзогамными, вторые — эндогамными и устанавливает без дальнейших околичностей резкую противоположность между экзогамными и эндогамными («племенами»). И хотя его же собственное исследование экзогамии наталкивает его прямо носом на тот факт, что эта противоположность во многих случаях, если не большей частью или даже всегда, существует лишь в его воображении, он все же кладет ее в осно-

ву своей теории. Экзогамные племена могут, согласно этому, брать себе жен только из других племен, а это при непрерывной войне между племенами, обычной в период дикости, можно сделать лишь путем похищения.

Мак-Леннан спрашивает далее: откуда этот обычай экзогамии? Представления о кровном родстве и кровосмешительстве не имеют сюда никакого отношения: это — явления, которые развиваются лишь значительно позже. Другое дело — широко распространенный среди дикарей обычай убивать детей женского пола тотчас же после рождения. Это создает в каждом отдельном племени избыток мужчин, а как прямое следствие неизбежно получается, что несколько мужчин сообща обладают одной женой: многомужество. Отсюда, в свою очередь, следует, что знали мать ребенка, но не знали его отца, и поэтому счет родства велся лишь по женской линии и вовсе не велся по мужской: «материнское право». А вторым следствием недостатка женщин внутри племени, — недостатка, смягчаемого, но не устраняемого многомужеством, — именно и был систематический насильственный увод женщин чужих племен. «Так как экзогамия и многомужество вытекают из одной и той же причины, — из численного неравенства обоих полов, — то мы должны считать, что *все экзогамные расы практиковали сначала многомужество...* И поэтому мы должны считать бесспорным, что среди экзогамных рас первой системой родства была та, которая знает кровные узы лишь с материнской стороны» (Mac-Lennan. «Studies in Ancient History». 1886. Primitive Marriage, p. 124. [Мак-Леннан. «Очерки древней истории». 1886. Первобытный брак, стр. 124.]).

Заслуга Мак-Леннана состоит в том, что он указал на повсеместное распространение и большое значение того факта, который он называет экзогамией.

Он вовсе не *открыл* факт существования экзогамных групп, да и не понимал его. Не говоря уже о более ранних отдельных замечаниях многих наблюдателей, — они-то и были источниками для Мак-Леннана, — Латам («Descriptive Ethnology» [«Описательная этнология»], 1859) точно и верно описал этот порядок у индийских магаров и указал, что он повсеместно распространен и встречается во всех частях света, — это место цитирует сам Мак-Леннан. Да и наш Морган еще в 1847 году в своих письмах об ирокезах (в «American review») и в 1851 г. в «The League of the Iroquois» обнаружил у этого племени и верно описал тот же порядок, между тем как адвокатский ум Мак-Леннана, как мы видим, внес сюда гораздо больше путаницы, чем мистическая фантазия Бахофена в область материнского права. Дальнейшая заслуга Мак-Леннана состоит в том, что он признал порядок происхождения по материнскому праву первоначальным, хотя в этом отношении, как он сам позднее признал, Бахофен опередил его. Но и тут у него неясности; он постоянно говорит о «родстве только по женской линии» (Kinship through females only), постоянно применяя это выражение, правильное для более ранней ступени, также и к позднейшим ступеням развития, когда происхождение и право наследования, правда, считаются еще исключительно по женской линии, но родство признается и определяется и с мужской стороны. Это — ограниченность юриста, который, создав себе твердую правовую формулу, продолжает применять ее в неизменном виде и к таким условиям, в которых она уже успела стать неприменимой.

Однако при всей своей правдоподобности теория Мак-Леннана представлялась самому ее автору, повидимому, не очень-то обоснованной. Во всяком случае он сам обращает внимание на «тот поразительный факт, что форма (многого) похищения жен

наиболее отчетливо и определенно выражена как раз у тех народов, у которых господствует *мужское* родство (т. е. происхождение по мужской линии)» (стр. 140). И далее: «Удивительно, что детоубийство, насколько нам известно, никогда не практикуется систематически там, где экзогамия и старейшая форма родства существуют рядом» (стр. 146). Оба эти факта прямо противоречат его способу объяснения, и он может противопоставить им лишь новые, еще более запутанные гипотезы.

Тем не менее, его теория встретила в Англии большое одобрение и сочувствие; Мак-Леннана все считали здесь основоположником истории семьи и высшим авторитетом в этой области. Его противоположение экзогамных и эндогамных «племен», несмотря на то, что был установлен ряд исключений и видоизменений, оставалось все же общепризнанной основой господствовавших воззрений и превратилось в шоры, лишившие возможности свободно рассматривать исследуемую область, а тем самым и сделать какой-нибудь решительный шаг вперед. В противовес переоценке Мак-Леннана, вошедшей в обычай в Англии, а по английскому примеру и в других странах, следует подчеркнуть, что своим противопоставлением экзогамных и эндогамных «племен», основанным на чистом недоразумении, он причинил больше вреда, чем принес пользы своими открытиями.

Между тем вскоре начало всплывать все больше и больше фактов, не уместившихся в стройные рамки его теории. Мак-Леннан знал лишь три формы брака: многоженство, многомужество и единобрачие. Но уж раз на этот пункт было направлено внимание, стало появляться все больше доказательств, что у неразвитых народов существовали такие формы брака, когда несколько мужчин обладали сообща несколькими женщинами; и *Леббок* («The Origin of Civilization» [«Происхождение цивилизации»], 1870)

признал этот групповой брак (communal marriage) историческим фактом.

Вслед затем, в 1871 г., выступил Морган с новым и во многих отношениях решающим материалом. Он убедился, что действующая у ирокезов своеобразная система родства встречается у всех туземцев Соединенных Штатов и, следовательно, распространена на целом континенте, хотя она прямо противоречит степеням родства, фактически вытекающим из принятой там системы брака. Он убедил американское союзное правительство собрать, на основе им самим составленного вопросника и таблиц, сведения о системах родства у других народов и из ответов увидел: 1) что американско-индейская система родства действует также у многочисленных племен в Азии, а в несколько видоизмененной форме — в Африке и в Австралии; 2) что система эта находит свое полное объяснение в форме группового брака, находящегося как раз в стадии отмирания на Гаваях и на других австралийских островах; и 3) что наряду с этой формой брака на тех же островах действует, однако, и такая система родства, которая может быть объяснена только еще более примитивной, ныне вымершей формой группового брака. Собранные сведения вместе со своими выводами из них он опубликовал в своей работе «Systems of Consanguinity and Affinity» [«Системы кровного родства и свойства»], 1871, и тем самым перенес спор в несравненно более широкую область. Исходя из систем родства и восстанавливая соответствующие им формы семьи, он открыл новый путь исследования и возможность дальше заглянуть в предисторию человечества. Восторжествовав этот метод, и изящные построения Мак-Леннана разлетелись бы в прах.

Мак-Леннан встал на защиту своей теории в новом издании «Primitive Marriage» («Studies in Ancient History», 1875). Сам комбинируя историю семьи чрез-

вычайно искусственно, исключительно при помощи гипотез, он требует от Леббока и Моргана не только доказательств для каждого их утверждения, но к тому же таких неопровержимых доказательств, какие обязательны в шотландском суде. И это делает человек, который из тесной связи между дядей по матери и сыном сестры у германцев (Tacitus, Germania, с. 20), из рассказа Цезаря о том, что у бриттов по десять или двенадцать мужчин имеют общих жен, и из всех других рассказов древних писателей об общности жен у варваров, не колеблясь, делает вывод, что у всех этих народов господствовало многомужество! Можно подумать, что слушаешь прокурора, который сам позволяет себе полную свободу при обработке материала для обвинения, но зато от защитника требует формальнейших юридически обоснованных доказательств каждого слова.

Групповой брак — чистейшая выдумка, утверждает он, оказываясь тем самым далеко позади Бахофена. Моргановы системы родства — по его мнению — простые правила общественной вежливости, что доказывается тем фактом, что и к чужим, к белым, индейцы обращаются со словом «брат» или «отец». Это все равно, как если бы кто-нибудь вздумал утверждать, что обозначения отец, мать, брат, сестра — просто ничего не значащие формы обращения, потому что католических духовных лиц и настоятелей также называют отцами и матерями, а монахи и монахини и даже масоны и члены английских цеховых союзов на торжественных заседаниях обращаются друг к другу со словами «брат» и «сестра». Словом, защита Мак-Леннана была очень слаба.

Но оставался еще один пункт, в котором он был неуязвим. Противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами», на которой покоилась вся его система, не только не была поколеблена, но пользовалась даже всеобщим признанием, как крае-

угольный камень всей истории семьи. Допускали, что попытка Мак-Леннана объяснить эту противоположность недостаточна и противоречит фактам, перечисленным им самим. Но самая эта противоположность — существование двух взаимно-исключающих видов самостоятельных и независимых племен, из которых одни брали себе жен внутри собственно-го племени, тогда как другим это было абсолютно воспрещено, считалось неоспоримой истиной. Сравни, например, Giraud-Teulon. «Origines de la famille» [Жиро-Талон. «Происхождение семьи»] (1874) и даже Lubbock. «Origin of Civilization» [Леббок. «Происхождение цивилизации»] (4-е издание, 1882).

Этому вопросу посвящено главное сочинение Морганна: «Ancient Society» [«Древнее общество»] (1877), — сочинение, которое положено в основу предлагаемой работы. То, что в 1871 г. Морган лишь смутно предчувствовал, тут развито с полной отчетливостью. Эндогамия и экзогамия вовсе не составляют противоположности; существование экзогамных «племен» до сих пор нигде не доказано. Но в ту эпоху, когда господствовал еще групповой брак, — а он, по всей вероятности, в свое время господствовал повсеместно, — племя расчленялось на ряд родственных по материнской линии групп, родов, внутри которых господствовало строгое запрещение браков, так что мужчины одного рода могли, правда, брать себе жен внутри племени и, как правило, так и делали, но не могли брать себе жен внутри своего рода. Таким образом, если род был строго экзогамным, то племя, охватывающее совокупность родов, было в такой же мере эндогамным. Этим был окончательно ниспровергнут последний остаток искусственных построений Мак-Леннана.

Но Морган этим не удовольствовался. Род американских индейцев послужил ему, далее, к тому, чтобы сделать второй решительный шаг вперед в

исследуемой им области. В этом роде, организованном по материнскому праву, он открыл первичную форму, из которой развился позднейший род, организованный по отцовскому праву,— тот род, который мы находим у античных культурных народов.

Греческий и римский роды, бывшие до того загадкой для всех историков, были объяснены из индейского рода, и тем самым была найдена новая основа для всей первобытной истории.

Это открытие первичного материнско-правового рода, как стадии, предшествовавшей отцовско-правовому роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии. Оно дало Моргану возможность впервые сделать набросок истории семьи, в котором, поскольку позволял известный до сих пор материал, были в общих чертах предварительно установлены по крайней мере классические ступени развития. Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Материнско-правовой род стал той точкой опоры, вокруг которой вращается вся эта наука; со времени его открытия стало известно, в каком направлении и что изучать и как нужно группировать полученные результаты. А в соответствии с этим теперь в этой области достигают куда более быстрых успехов, чем до появления книги Моргана.

Открытия Моргана признаны, или, вернее, присвоены, теперь всеми исследователями первобытной истории также и в Англии. Но почти ни у кого из них мы не найдем открытого признания, что именно Моргану мы обязаны этой революцией во взглядах. В Англии его книгу по возможности замалчивают, а от него самого отделяются лишь снисходительной похвалой за его *прежние* работы; к отдельным част-

ностям его изложения яро придираются, а о его действительно великих открытиях упорно молчат. Первое издание Ancient Society разошлось; в Америке для подобных вещей нет надлежащего сбыта; в Англии эту книгу, повидимому, систематически затирали, и единственное издание этого создавшего эпоху труда, еще имеющееся в книжной торговле, — немецкий перевод.

В чем причина этой холодности, в которой трудно не видеть заговора молчания, особенно если иметь в виду многочисленные цитаты, приводимые просто из вежливости, и другие доказательства солидарности, которыми пестрят писания наших признанных исследователей первобытной истории? Уж не в том ли, что Морган — американец, и для английских исследователей первобытной истории очень неприятно, что при всем их усердии в собирании материала, заслуживающем всяческого признания, они по части общих точек зрения, необходимых для сводки и группировки этого материала, словом, по части идей, вынуждены опираться на двух гениальных иностранцев, на Бахофена и Моргана? С немцем можно было бы еще примириться, но с американцем! По отношению к американцу каждый англичанин становится патриотом, чему в Соединенных Штатах я видел забавные примеры. А вдобавок к этому Мак-Леннан был, так сказать, официально признанным основателем и вождем английской школы первобытной истории; о его искусственных исторических построениях, ведущих от детоубийства через многомужество и через брак посредством умыкания к материнско-правовой семье, об этих построениях уже стало в области первобытной истории хорошим тоном говорить не иначе, как с величайшим почтением; малейшее сомнение в существовании абсолютно исключających друг друга экзогамных и эндогамных «племен» считалось дерзкой ересью; таким обра-

зом, Морган, рассеявший все эти священные догмы, как дым, совершил в некотором роде святотатство. К тому же он рассеял их такими доводами, которые достаточно было высказать, чтобы они тотчас стали очевидными для всех; так что почитатели Мак-Леннана, беспомощно шатавшиеся до сих пор между экзогамией и эндогамией, должны были в сущности ударить себя по лбу и воскликнуть: как же мы могли быть так глупы, что сами этого давно не заметили!

И если бы даже этих преступлений было недостаточно, чтобы официальная школа холодно отвернулась от Моргана, то он переполнил чашу тем, что не только подверг цивилизацию, общество товарного производства, основную форму нашего современного общества, критике, заставляющей вспомнить о Фурье, но и говорил о будущем преобразовании этого общества такими словами, которые мог бы сказать Карл Маркс. Морган вполне заслужил поэтому, чтобы Мак-Леннан с возмущением бросил ему упрек в том, что «исторический метод ему совершенно антипатичен», и чтобы женевский профессор господин Жиро-Тэлон повторил этот упрек и в 1884 г. Ведь этот самый господин Жиро-Тэлон еще в 1874 г. («*Origines de la famille*») беспомощно бродил в лабиринте мак-леннановой экзогамии, откуда его вывел только Морган.

Дальнейших успехов, которыми обязана Моргану первобытная история, я не могу здесь касаться; все необходимое на этот счет отмечено в моей работе. Четырнадцать лет, истекших со времени появления главного труда Моргана, очень обогатили наш материал по истории первобытных человеческих обществ; к антропологам, путешественникам и профессиональным исследователям первобытной истории присоединились представители сравнительной юриспруденции, которые внесли отчасти новый материал, отчасти новые точки зрения. Некоторые отдельные

гипотезы Моргана были при этом поколеблены или даже опровергнуты. Но вновь собранный материал нигде не привел к вытеснению его главных основных взглядов другими. Порядок, внесенный им в первобытную историю, в основных чертах сохраняет силу до сих пор. Можно даже сказать, что Морган завоевывает себе все более общее признание в такой же мере, в какой стараются утаить, что именно он сделал этот великий шаг вперед¹.

Ф. Энгельс.

Лондон, 16 июня 1891 г.

¹ На обратном пути из Нью-Йорка, в сентябре 1888 г., я встретился с бывшим депутатом конгресса от Рочестерского избирательного округа, знавшим Льюиса Моргана. К сожалению, он мог рассказать о нем не много. Морган жил в Рочестере в качестве частного лица, занятого лишь своей научной работой. Брат его, полковник, служил в Вашингтоне в военном министерстве; при помощи этого брата ему удалось заинтересовать правительство своими исследованиями и издать несколько своих работ на государственные средства; мой собеседник во время своего пребывания депутатом конгресса тоже, по его словам, неоднократно хлопотал об этом.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ,
ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
И ГОСУДАРСТВА

І. ДОИСТОРИЧЕСКИЕ СТУПЕНИ КУЛЬТУРЫ

Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предисторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительно разросшийся материал не заставит внести изменения, предложенная им группировка, несомненно, останется в силе.

Из трех главных эпох — дикости, варварства, цивилизации — его, само собою разумеется, занимают только две первые и переход к третьей. Каждую из этих двух эпох он подразделяет на низшую, среднюю и высшую ступень сообразно с успехами в производстве средств существования, потому что, говорит он, «искусство в этом производстве имеет решающее значение для степени человеческого превосходства и господства над природой; из всех живых существ только человеку удалось добиться почти неограниченного господства над производством продовольствия. Все великие эпохи человеческого прогресса более или менее непосредственно совпадают с эпохами расширения источников существования». — Наряду с этим идет развитие семьи, но оно не дает таких ярких признаков для деления периодов.

1. ДИКОСТЬ

1. *Низшая ступень.* Детство человеческого рода. Люди находились еще в местах своего первоначального пребывания, в тропических или субтропических лесах. Они жили, частью по крайней мере, на деревьях; только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей. Пищей служили им плоды, орехи, корни; развитие членораздельной речи — главное достижение этого периода. Из всех народов, ставших известными в исторический период, уже ни один не находился в этом первобытном состоянии. И хотя это состояние длилось, вероятно, много тысячелетий, однако доказать его на основании прямых свидетельств мы не можем; но, признав происхождение человека из царства животных, мы должны допустить такое переходное состояние.

2. *Средняя ступень.* Начинается с употребления в пищу рыбы (куда мы относим также раков, ракушек и других водяных животных) и с применения огня. То и другое взаимно связано, так как рыбная пища делается вполне пригодной к употреблению лишь при помощи огня. Но с этой новой пищей люди стали независимыми от климата и местности; следуя по течению рек и по морским берегам, они могли даже в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности. Грубо выделанные, неотшлифованные каменные орудия раннего каменного века, так называемые палеолитические, целиком или большею частью относящиеся к этому периоду, распространены по всем материкам и являются доказательством этих передвижений. Заселение новых зон и неустанное инстинктивное стремление к поискам, в связи с обладанием огнем, добывавшимся трением, доставило новые средства питания: таковы крахмалистые корни и клубни, испе-

ченные в горячей золе или пекарных ямах (земляных печах); дичь, которая, с изобретением первого оружия, дубины и копья, становилась случайной добавочной пищей. Исключительно охотничьих народов, как они описываются в книгах, т. е. таких, которые живут *только* охотой, никогда не существовало; для этого добыча от охоты слишком ненадежна. Вследствие длительной необеспеченности источников питания на этой ступени, повидимому, возникло людоедство, которое затем сохраняется надолго. Австралийцы и многие полинезийцы и теперь еще стоят на этой средней ступени дикости.

3. *Высшая ступень.* Начинается с изобретения лука и стрел, благодаря которым дичь стала постоянной пищей, а охота — одной из нормальных отраслей труда. Лук, тетива и стрелы составляют уже очень сложный инструмент, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и изощренные умственные силы, следовательно, и одновременное знакомство со многими другими изобретениями. Сравнивая друг с другом народы, которые знают уже лук и стрелы, но еще не знают гончарного искусства (с него Морган начинает переход к варварству), мы действительно встречаем уже некоторые зачатки расселения деревнями, известную степень овладения производством средств существования: деревянные сосуды и утварь, ручное ткачество (без ткацкого станка) из мочала, плетеные корзины из лыка или камыша, шлифованные (неолитические) каменные орудия. Огонь и каменный топор дают уже по большей части возможность делать лодки из цельного дерева, а местами — бревна и доски для постройки жилища. Все эти достижения мы встречаем, например, у северо-западных индейцев Америки, которые хотя и знают лук и стрелы, но не знают еще гончарного дела. Для эпохи дикости лук и стрелы

были таким же решающим оружием, каким железный меч был для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации.

2. ВАРВАРСТВО

1. *Низшая ступень.* Начинается с введения гончарного искусства. Во многих случаях можно доказать, что оно произошло из обмазывания плетеных или деревянных сосудов глиною с целью сделать их огнеупорными. И так, вероятно, было везде. При этом скоро нашли, что формованная глина служит этой цели и без внутреннего сосуда.

До сих пор мы могли считать, что этот ход развития был всеобщим, что именно так шло развитие у всех народов определенного периода, независимо от их местопребывания. Но с наступлением варварства мы достигли такой ступени, когда приобретает значение различие в природных условиях обоих великих материков. Отличительной чертой периода варварства является приручение и разведение животных и возделывание растений. Но восточный материк, так называемый Старый свет, обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих — только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим: кукурузой. Вследствие этого различия в природных условиях население каждого полушария идет с этих пор своим особым путем, и пограничные столбы, обозначающие отдельные ступени развития, становятся разными для каждого из обоих случаев.

2. *Средняя ступень.* На востоке она начинается с приручения домашних животных, на западе —

с разведения съедобных растений при помощи орошения и с употребления для построек адобов (высушенного на солнце кирпича-сырца) и камня.

Мы начинаем с запада, так как здесь, до завоевания европейцами, дальше этой ступени нигде не пошли.

У индейцев, находившихся на низшей ступени варварства (к ним принадлежали все жившие к востоку от Миссисипи), к тому времени, когда они были открыты, существовала уже некоторая огородная культура кукурузы и, может быть, тыкв, дынь и других огородных растений, составлявших весьма существенную часть их питания; они жили в деревянных домах, в обнесенных тыном деревнях. Северо-западные племена, особенно обитавшие в бассейне Колумбии, стояли еще на высшей ступени дикости и не знали ни гончарного искусства, ни культуры каких бы то ни было растений. Напротив, индейцы так называемых пуэбло¹ в Новой Мексике, мексиканцы, обитатели Центральной Америки и перуанцы стояли ко времени завоевания на средней ступени варварства: они жили в похожих на крепости домах из кирпича-сырца (адобов) или камня, разводили в искусственно орошаемых огородах кукурузу и различные другие, в зависимости от местоположения и климата, питательные растения, служившие им главными источниками питания, и даже приручили некоторых животных: мексиканцы — индюка и других птиц, перуанцы — ламу. К тому же они были знакомы с обработкой металлов, за исключением железа, и поэтому все еще не могли обходиться

¹ Пуэбло — по-испански деревенская община. Индейцы пуэбло живут в штатах Колорадо, Юта, Нов. Мексика и Аризона (САСШ) в С. Мексике. Их поселения представляют «города скал», напоминающие соты. Индейцы-пуэбло были земледельцами огороднического типа со сложной общинной системой орошения. — *Ред.*

без оружия и орудий из камня. Испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное развитие.

На востоке средняя ступень варварства началась с приручения животных, дающих молоко и мясо, между тем как культура растений, повидимому, еще очень долго в течение этого периода оставалась здесь неизвестной. Приручение и разведение скота и образование крупных стад дали, повидимому, арийцам и семитам возможность выделиться из прочей массы варваров. У европейских и азиатских арийцев¹ названия животных еще общие, названия же культурных растений — почти всегда разные.

Образование стад привело к пастушеской жизни в пригодных для этого местах: у семитов — на покрытых травой равнинах Евфрата и Тигра, у арийцев — на равнинах Индии, Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, Дона и Днепра. Впервые приручение животных было достигнуто, повидимому, на границах таких пастбищ. Позднейшим поколениям кажется поэтому, что пастушеские народы происходили из местностей, которые не только не могли быть колыбелью человечества, но, напротив, были почти необитаемы для их диких предков и даже для людей, стоявших на низшей ступени варварства. Наоборот, после того как эти варвары средней ступени привыкали к пастушеской жизни, им никогда не могло притти в голову с заливных лугов речных долин добровольно вернуться в лесные районы, в которых обитали их предки. И даже когда семиты и арийцы были отес-

¹ *Арийцы* — термин, применявшийся в середине прошлого века для обозначения того культурно-языкового единства, которому в современной науке присвоен условный термин *индо-европейского*. Важнейшие ветви индо-европейцев: индо-иранцы (индусы, персы и др.), греки, древние римляне и нынешние романские народы, германские народы, славяне, летто-литовцы и др. — *Ред.*

нены дальше, на север и запад, они не могли направиться в западно-азиатские и европейские лесистые места раньше, чем разведение злаков не дало им возможности прокармливать свой скот, особенно зимою, на этой менее благоприятной почве. Более чем вероятно, что разведение злаков было вызвано здесь, прежде всего, потребностью в корме для скота и только впоследствии получило значение для питания людей.

Обильному мясному и молочному питанию арийцев и семитов и особенно благоприятному влиянию его на развитие детей следует, быть может, приписать выдающееся развитие обеих этих рас. Действительно, у индейцев пуэбло Новой Мексики, вынужденных кормиться почти исключительно растительной пищей, мозг меньше, чем у индейцев, стоящих на низшей ступени варварства, но больше питающихся мясом и рыбою. Во всяком случае, на этой ступени людоедство постепенно исчезает и сохраняется лишь как религиозный акт или, что здесь почти то же, как колдовство.

3. *Высшая ступень.* Начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию через изобретение буквенного письма и применение его для записей. Эта ступень, самостоятельно пройденная, как уже сказано, лишь на восточном полушарии, более богата успехами производства, чем все предыдущие ступени, вместе взятые. К ней принадлежат греки героической эпохи, италийские племена незадолго до основания Рима, германцы времен Тацита, норманны времен викингов ¹.

¹ Греки в IX столетии, племена Италии в VIII—VII столетии до нашей эры, германцы — в I, норманны — в IX столетии нашей эры. *Викинги* (варяги, норманны) — воины и мореходы из скандинавских стран, совершавшие в средние века набеги на другие страны (Англию, Францию, Южную Италию, Россию). — *Ред.*

Прежде всего мы впервые встречаем здесь соху с железным лемехом, движимую силой животных; благодаря ей стала возможной обработка земли в крупном размере, обработка полей, а вместе с тем и практически не ограниченное для тогдашних условий увеличение жизненных припасов; затем — корчевка леса и расчистка его под пашню и луг, что опять-таки в широких размерах невозможно было производить без железного топора и железной лопаты. Вместе с тем пошло быстрое размножение населения, и оно становилось густым на небольших пространствах. До обработки полей только исключительные условия могли собрать полмиллиона людей под единым центральным руководством; этого, вероятно, никогда и не случалось.

Полный расцвет высшей ступени варварства выступает перед нами в поэзии Гомера, особенно в «Илиаде»¹. Усовершенствованные железные орудия, кузнечный мех, ручная мельница, гончарный круг, приготовление масла и вина, развитая обработка металлов, переходящая в художественное ремесло, повозка и боевая колесница, постройка судов из бревен и досок, зачатки архитектуры как искусства, города с зубчатыми стенами и башнями, гомеровский эпос и вся мифология — вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию. Сравнивая с этим данное Цезарем и даже Тацитом описание германцев, стоявших в начале той самой ступени культуры, из которой готовились перейти в высшую гомеровские греки, мы видим, какое богатое развитие производства обнимает высшая ступень варварства.

¹ *Илиада* — древнегреческая эпическая поэма, возникшая в IX столетии до нашей эры. В этой эпической поэме описывается осада греками города Трои (в Малой Азии), рисуется военный и общественный быт древних греков так называемой героической эпохи. — *Ред.*

Набросанная здесь мною, по Моргану, картина развития человечества через дикость и варварство к зачаткам цивилизации уже достаточно богата новыми и, что еще важнее, неоспоримыми чертами, так как они взяты непосредственно из производства. И все же эта картина покажется бледною и жалкою по сравнению с тою, которая развернется перед нами в конце нашего странствования; лишь тогда будет возможно вполне осветить переход от варварства к цивилизации и разительную противоположность между ними обоими. Пока же мы можем обобщить моргановскую классификацию таким образом: дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственные произведения человека служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период, когда обучаются способам, как с помощью человеческой деятельности увеличить производство продуктов природы. Цивилизация — период, когда обучаются дальнейшей обработке продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства.

II. СЕМЬЯ

Морган, проведший большую часть своей жизни среди ирокезов, которые и теперь еще живут в штате Нью-Йорк, и усыновленный в одном из их племен (в племени сенека), обнаружил, что действующая у них система родства противоречила их фактическим семейным отношениям. У них господствовал тот легко расторгаемый обеими сторонами брак, который Морган обозначает как «парную семью». Потомство такой супружеской пары было поэтому всем известно и общепризнано: не могло быть сомнения относительно того, к кому следует применять наименования отец, мать, сын, дочь, брат, сестра. Но фактическое употребление этих выражений этому противоречит. Ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом. Детей же своих сестер он называет своими племянниками и племянницами, а они его — дядей. Наоборот, ирокезка называет детей своих сестер, наряду со своими собственными детьми, своими сыновьями и дочерьми, а те называют ее матерью. Детей же своих братьев она называет своими племянниками и племянницами, а сама называется их теткой. Точно так же дети братьев, как и дети сестер, называют друг друга братьями и сестрами. Напротив, дети женщины и дети ее брата называют друг

друга двоюродными братьями и сестрами. И это — не пустые слова, а выражения действительно господствующих взглядов на близость и дальность, на одинаковость и неодинаковость кровного родства; эти взгляды служат основой вполне разработанной системы родства, которая в состоянии выразит несколько сот различных родственных отношений отдельного индивидуума. Более того: эта система полностью имеет силу не только у всех американских индейцев (до сих пор не обнаружено ни одного исключения), но действует также почти без изменения у древнейших обитателей Индии, дравидских племен Декана и племен гаура в Индостане. Обозначения родства у тамиллов Южной Индии и у сенека-ирокезов штата Нью-Йорк одинаковы еще и теперь более чем для двухсот различных родственных отношений. И у этих индийских племен, как и у всех американских индейцев, родственные отношения, вытекающие из существующей формы семьи, также находятся в противоречии с системой родства.

Как же это объяснить? При той решающей роли, какую играет родство в общественном строе у всех диких и варварских народов, нельзя одними фразами устранить эту так широко распространенную систему. Система, общепризнанная в Америке, существующая также в Азии у народов совершенно другой расы, встречающаяся часто в более или менее видоизмененных формах повсюду в Африке и Австралии, — такая система требует исторического объяснения; от нее нельзя отделаться словами, как это пытался сделать, например, Мак-Леннан. Обозначения: отец, сын и дочь, брат, сестра — отнюдь не почетные названия только, а влекут за собою вполне определенные, весьма серьезные взаимные обязательства, совокупность которых составляет существенную часть общественного строя этих народов.

И объяснение нашлось. На Сандвичевых островах (Гавайи) существовала еще в первой половине настоящего века форма семьи, в которой были точно такие отцы и матери, братья и сестры, сыновья и дочери, дяди и тетки, племянники и племянницы, какие требуются американско-древне-индийской системой родства. Но удивительно! Система родства, действовавшая на Гавайских островах, в свою очередь не совпадала с фактически существовавшей там формой семьи. А именно, там все без исключения дети братьев и сестер считаются братьями и сестрами и общими детьми не только своей матери и ее сестер или своего отца и его братьев, а всех братьев и сестер своих родителей без различия. Если, следовательно, американская система родства предполагает уже не существующую в Америке более примитивную форму семьи, которую мы еще действительно находим на Гавайских островах, то, с другой стороны, гавайская система родства указывает на еще более первобытную форму семьи, существования которой мы, правда, уже нигде не можем доказать, но которая *наверное* существовала, так как иначе не могла бы возникнуть соответствующая система родства. «Семья, — говорит Морган, — активный элемент; она никогда не стоит на месте, а переходит от более низкой формы к более высокой, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны, лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, сделанный семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда радикально изменилась семья». «И точно так же, — прибавляет Маркс, — обстоит дело с политическими, юридическими, религиозными, философскими системами вообще». В то время как семья продолжает жить, система родства окостеневает, и в то время как последняя продолжает существовать в силу привычки,

семья перерастает ее рамки. Но с такою же достоверностью, с какой Кювье по найденным около Парижа сумчатым костям скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там когда-то жили вымершие сумчатые животные, — с такою же достоверностью можем мы по дошедшей до нас из исторического прошлого системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи.

Только что упомянутые системы родства и формы семьи отличаются от господствующих теперь тем, что у каждого ребенка несколько отцов и матерей. В американской системе родства, которой соответствует гавайская семья, брат и сестра не могут быть отцом и матерью одного и того же ребенка; гавайская же система родства, наоборот, предполагает семью, в которой это было правилом. Здесь перед нами ряд семейных форм, прямо противоречащих тем, которые до сих пор обычно считались единственно существующими. Традиционное представление знает только единобрачие, наряду с ним многоженство мужчины да еще, пожалуй, многомужество женщины и при этом, как и подобает морализирующему филистеру, умалчивает, что практика негласно, но бесцеремонно претупает границы предписанного официальным обществом. Изучение первобытной истории, напротив, показывает нам отношения, при которых мужчины живут в многоженстве, а их жены одновременно — в многомужестве, и поэтому дети тех и других считаются общими детьми их всех; отношения, которые, в свою очередь, до своего окончательного перехода в единобрачие, претерпевают целый ряд изменений. Эти изменения таковы, что круг, охватываемый общими брачными узами, первоначально очень широкий, все более и более суживается, пока, в конце концов, не остается только одиночная пара, преобладающая в настоящее время.

Воссоздавая таким образом историю семьи в обратном порядке, Морган, в согласии с большинством своих коллег, приходит к выводу, что существовало первобытное состояние, когда внутри племени господствовали ничем не ограниченные половые сношения, так что каждая женщина принадлежала каждому мужчине и равным образом каждый мужчина — каждой женщине. О таком первобытном состоянии говорили еще в прошлом веке, но только общими фразами; Бахофен первый, — и в этом одна из его крупных заслуг, — отнесся серьезно к этому вопросу и искал следов этого состояния в исторических и религиозных преданиях. Мы знаем теперь, что найденные им следы возвращают нас вовсе не к общественной ступени беспорядочных половых сношений, а к гораздо более поздней форме, к групповому браку. Та примитивная общественная ступень, если она действительно существовала, относится к столь отдаленной эпохе, что едва ли можно рассчитывать найти среди социальных ископаемых, у отсталых дикарей, *прямые* доказательства ее существования в прошлом. Заслуга Бахофена в том и заключается, что он выдвинул этот вопрос на первый план исследовательской работы ¹.

¹ Называя это первобытное состояние *гетеризмом*, Бахофен показал этим, как мало он понимал, что именно он открыл или, вернее, угадал. Гетеризмом греки называли, когда ввели в употребление это слово, сношения мужчин, холостых или живущих в единобрачии, с незамужними женщинами; при этом предполагается всегда существование определенной формы брака, вне которой происходят эти сношения, и уже включается, по крайней мере как возможность, проституция. В ином смысле это слово никогда не употреблялось, и в этом смысле употребляю его и я вместе с Морганом. Свои в высшей степени важные открытия Бахофен повсюду до невероятия затемнял мистическими представлениями, воображив, будто источником исторически возникавших отношений между мужчиной и женщиной были каждый раз религиозные представления людей, а не условия их действительной жизни.

С недавнего времени вошло в моду отрицать эту начальную ступень половой жизни человека. Хотят избавить человечество от этого «позора». И при этом ссылаются не только на отсутствие какого-либо прямого доказательства, но по преимуществу на пример прочего животного мира; в этой области Летурно («Évolution du mariage et de la famille» [«Эволюция брака и семьи»], 1888) собрал множество фактов, показывающих, что совершенно беспорядочные половые сношения свойственны и здесь низкой ступени развития. Однако из всех этих фактов я могу только вывести заключение, что они абсолютно ничего не доказывают в отношении человека и его доисторических условий жизни. Длительное парное сожителство у позвоночных животных достаточно объясняется физиологическими причинами: например, у птиц тем, что самка нуждается в помощи в период высиживания яиц; встречающиеся у птиц примеры строгой моногамии ничего не доказывают в отношении людей, так как люди происходят не от птиц. Если строгая моногамия составляет вершину всяческой добродетели, то пальма первенства по праву принадлежит ленточной глисте, которая в каждом из своих 50—200 проглоттид, или члеников тела, имеет полный женский и мужской половой аппарат и всю свою жизнь проводит в том, что в каждом из этих члеников сама с собой совокупляется. Если же мы ограничимся млекопитающими животными, то найдем здесь все формы половой жизни — беспорядочные сношения, подобие группового брака, многоженство, единобрачие; недостает только многомужества, которое могли осуществить только люди. Даже наши ближайшие родственники, четверорукие, обнаруживают всевозможные различия в группировке самцов и самок; если же взять еще более узкие рамки и рассмотреть только четырех человекоподобных обезьян, то тут Летурно в состоянии только сказать, что у них встре-

чается то моногамия, то полигамия, между тем как Соссюр, по Жиро-Тэлону, утверждает, что они единобрачны. Новейшие утверждения Вестермарка («The History of Human Marriage» [«История человеческого брака»], London, 1891) о единобрачии человекоподобных обезьян также еще далеко не могут служить доказательствами. Словом, имеющиеся данные таковы, что честный Летурно признается: «Впрочем, у млекопитающих животных совсем нет строгого соответствия между степенью умственного развития и формой полового общения». А Эспинас («Des sociétés animales» [«Общества животных»], 1877) прямо говорит: «Стая — это высшая социальная группа, которую мы можем наблюдать у животных. Она состоит, *повидимому*, из семей, но уже с самого начала семья и стая находятся в антагонизме, они развиваются в обратном соотношении».

Как уже видно из сказанного выше, мы о семейных и других общественных группах человекообразных обезьян ничего определенного не знаем; сведения прямо противоречивы. Это и не удивительно. Как противоречивы и как сильно нуждаются в критической проверке и отсеве даже сведения, которые мы имеем о диких человеческих племенах! А общества обезьян еще гораздо труднее наблюдать, чем общества людей. Пока, следовательно, мы должны отвергнуть всякие заключения, сделанные на основании таких абсолютно недостоверных сообщений.

Напротив, приведенное выше указание Эспинаса дает нам более прочную точку опоры. Стая и семья у высших животных не дополняют одна другую, а противоположны друг другу. Эспинас очень хорошо показывает, как ревность самцов в период течки ослабляет всякую общественную связь в стае или временно ее разрывает. «Там, где семья тесно сплочена, стаи образуются только как редкое исключе-

ние. Напротив, там, где господствуют свободные половые сношения, или полигамия, стая образуется почти сама собою... Чтобы могла образоваться стая, семейные узы должны ослабнуть, и особь должна снова стать свободною. Поэтому мы так редко встречаем у птиц организованные стаи... Напротив, у млекопитающих мы находим до известной степени организованные общества именно потому, что особь здесь не поглощается семьей... Для чувства стадной общности не может поэтому быть при его возникновении большего врага, чем чувство семейной общности. Скажем прямо: если развилась более высокая общественная форма, чем семья, то это могло случиться только благодаря тому, что она растворила в себе семьи, претерпевшие основательное изменение, причем не исключается, что именно благодаря этому те же семьи впоследствии находят возможность снова организоваться при бесконечно более благоприятных условиях) (Эспинас. Цит. соч., цитировано у Жиротелона: «Origines du mariage et de la famille» [«Происхождение брака и семьи»], 1884, стр. 518—520).

Отсюда видно, что общества животных имеют, правда, известную ценность для умозаключений о человеческих обществах, но — только отрицательно-го характера. У высших позвоночных животных известны, насколько мы знаем, лишь две формы семьи: многоженство и одиночная пара; в обоих случаях допускается лишь *один* взрослый самец, лишь *один* супруг. Ревность самца, одновременно связывающая и ограничивающая животную семью, противопоставляет ее стае; стая, высшая форма общежития, в одних случаях становится невозможной, в других расшатывается или распадается на время течки, в лучшем случае задерживается в своем дальнейшем развитии из-за ревности самцов. Одного этого достаточно для доказательства, что животная семья и первобытное человеческое общество — вещи несо-

местимые, что первобытные люди, поднимавшиеся из животного состояния, или совсем не знали семьи, или, самое большее, знали такую, какая у животных не встречается. Такое безоружное животное, как формирующийся человек, могло еще в небольшом числе пробиться и в условиях изоляции, когда высшую форму общения составляет отдельная пара, как, по мнению Вестермарка, опирающегося на рассказы охотников, живут гориллы и шимпанзе. Для того чтобы в процессе развития выйти из животного состояния и осуществить величайший прогресс, какой только происходит в природе, требовалось еще кое-что: недостаток сил отдельной особи для самозащиты надо было возместить объединенной силой и коллективными действиями орды. Из тех условий, в которых в настоящее время живут человекообразные обезьяны, переход к человеческому состоянию был бы прямо необъясним; эти обезьяны производят скорее впечатление отклонившихся боковых линий, обреченных на постепенное вымирание и, во всяком случае, клонящихся к упадку. Одно этого достаточно, чтобы отказаться от всяких параллелей между формами семьи у них и у первобытных людей. Взаимная же терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности были первым условием для образования таких больших и прочных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека. И действительно, что находим мы в качестве древнейшей, наиболее первобытной формы семьи, существование которой в истории мы можем неоспоримо доказать и которую можно и теперь еще кое-где изучать? Групповой брак, форму, при которой целые группы мужчин и целые группы женщин взаимно принадлежат друг другу и которая оставляет очень мало места для ревности. И далее, на позднейшей ступени развития мы находим в виде исключения форму многожества, ко-

торая еще резче противоречит всем чувствам ревности и потому неизвестна животным. Но известные нам формы группового брака сопровождаются столь своеобразными и сложными условиями, что с необходимостью указывают на более ранние, более простые формы полового общения, а вместе с тем, в конечном счете, на соответствующий переходу от животного состояния к человеку период беспорядочных половых сношений; поэтому ссылки на браки у животных возвращают нас к тому пункту, от которого они должны были нас раз навсегда увести.

Но что же это значит: беспорядочные половые сношения? Это значит, что запретительные ограничения нашего или более раннего времени силы не имели. Мы уже видели, как пало ограничение, обусловленное ревностью. Если что-либо установлено прочно, так это то, что ревность — чувство, развившееся относительно поздно. То же самое можно сказать относительно представления о кровосмешении. Не только брат и сестра были первоначально мужем и женою, но и половые сношения между родителями и детьми еще в настоящее время допускаются у многих народов. Банкрофт («The Native Races of the Pacific Coast of North America» [«Туземцы тихоокеанского побережья Северной Америки»], 1875, т. I) свидетельствует о существовании таких отношений у кавиатов в Беринговом проливе и у кадиаков близ Аляски, у тинне во внутренней части британской Северной Америки; Летурно дает сводку таких же фактов у индейцев-чиппевей, у кукусов в Чили, у караибов, каренов в Индо-Китае, не говоря уже о рассказах древних греков и римлян о парфянах, персах, скифах, гуннах и т. д. Пока не было открыто кровосмешение (а это — открытие, и притом в высшей степени ценное), половые сношения между родителями и детьми не могли вызывать большего отвращения, чем вообще сношения между лицами,

принадлежащими к разным поколениям, а это ведь и теперь случается в самых филистерских странах, не возбуждая большого ужаса; даже старые «девы» в возрасте за шестьдесят лет, если они достаточно богаты, выходят иногда замуж за молодых мужчин лет тридцати. Если же отнять у известных нам наиболее ранних форм семьи связанные с ними представления о кровосмешении, — представления, совершенно отличные от наших и часто прямо противоречащие им, — то мы получим форму полового общения, которое можно обозначить только как беспорядочное. Беспорядочное — в том смысле, что еще не существовало ограничений, установленных впоследствии обычаем. Но отсюда еще отнюдь не следует необходимость беспорядочных сношений в повседневной практике. Соединение на время отдельными парами, как это теперь бывает в большинстве случаев даже в групповом браке, отнюдь не исключается. И если Вестермарк, самый последний из отрицавших такое первобытное состояние, называет браком всякий случай, когда оба пола остаются в парном сожительстве до рождения детеныша, то следует сказать, что такого рода брак вполне мог иметь место при состоянии беспорядочных половых сношений, отнюдь не противореча беспорядочности, т. е. отсутствию ограничений, созданных обычаем. Правда, Вестермарк исходит из взгляда, что «беспорядочность включает подавление индивидуальных склонностей», так что «ее самой подлинной формой является проституция». Мне же, наоборот, кажется, что никакого понимания первобытных условий не может быть до тех пор, пока их рассматривают через очки дома терпимости. Мы вернемся к этому вопросу при рассмотрении группового брака.

Согласно Моргану, из этого первобытного состояния беспорядочных половых сношений, вероятно, весьма рано развилась:

1. *Кровнородственная семья* — первая ступень семьи. Здесь брачные группы разделены по поколениям: все деды и бабушки в пределах семьи являются друг для друга мужьями и женами, равно как и их дети, т. е. отцы и матери; равным образом дети последних образуют третий круг общих супругов, а их дети, правнуки первых, — четвертый круг. Таким образом, в этой форме семьи исключаются взаимные супружеские права и обязанности (говоря современным языком) только между предками и потомками, между родителями и детьми. Братья и сестры — родные, двоюродные, троюродные и т. д. — все считаются между собою братьями и сестрами и *уже в силу этого* мужьями и женами друг друга. Родственные отношения брата и сестры на этой ступени семьи включают в себя взаимное половое общение как нечто само собою разумеющееся¹. Типичным примером подобной семьи было бы такое потомство пары, у которого в каждом последующем поколении все являются между собой братьями и сестрами и как раз поэтому также и мужьями и женами друг друга.

Кровнородственная семья вымерла. Даже наиболее дикие народы, о которых рассказывает история, не дают нам ни одного бесспорного примера ее. Но признать, что такая семья *наверное* существовала, заставляет нас гавайская система родства, остающаяся в силе еще и поныне во всей Полинезии и выстраивающая такие степени кровного родства, какие

¹ В одном письме, написанном весной 1882 г., Марко в самых резких выражениях отзывается о полном искажении первобытной эпохи в вагнеровском тексте «Нибелунгов». «Слыхано ли было когда-нибудь, чтобы брат обнимал сестру как супругу?» Этим вагнеровским «богам сладострастия», которые совсем по-современному придают своим любовным похождениям большую пикантность некоторой дозой кровосмешательства, Маркс отвечает: «В первобытную эпоху сестра была женой, и это было нравственно». (Примечание к 4-му изданию.) Некий французский друг и почитатель Вагнера

могут возникнуть лишь при этой форме семьи; признать это заставляет нас все дальнейшее развитие семьи, предполагающее существование этой формы как необходимой первоначальной ступени.

2. *Семья «пучалу»*. Если первый прогресс в организации семьи состоял в том, что из взаимного полового общения были исключены родители и дети, то второй состоял в исключении сестер и братьев. Этот прогресс, ввиду большего возрастного равенства участвующих лиц, был бесконечно важнее, но и труднее, чем первый. Он совершался постепенно, начавшись, вероятно, исключением из полового общения родных братьев и сестер (т. е. с материнской стороны), сперва в отдельных случаях, постепенно становясь правилом (на Гавайских островах бывали исключения еще в настоящем столетии) и кончая запреще-

.....

не согласен с этим примечанием и замечает, что уже в более древней «Эдде», из которой исходил Вагнер, в «Эгисдрекке», Локи так упрекает Фрейю: «Перед богами объяла ты собственного брата». Отсюда будто бы следует, что брак между братом и сестрой уже тогда был запрещен. Но «Эгисдрекка» служит выражением того времени, когда вера в старые мифы была окончательно сломлена; это — чисто лукиановского типа сатира на богов. Если Локи-Мефистофель делает в ней Фрейе такой упрек, то это скорей говорит против Вагнера. Притом несколькими стихами дальше Локи говорит Ниорду: «Со своей сестрой породил ты (такого) сына» (*vidh systur thinni gattu slikan mög*). Правда, Ниорд не аз, а ван, и в саге Инглинга он говорит, что браки между братьями и сестрами обычны в стране ванов, чего не было у азов. Это может служить признаком того, что ваны более древние боги, чем азы. Во всяком случае, Ниорд живет среди азов, как среди себе подобных, и потому «Эгисдрекка» служит скорее доказательством того, что в эпоху возникновения норвежских саг о богах брак между братьями и сестрами, по крайней мере между богами, не возбуждал еще ни малейшего возмущения. Если же оправдывать Вагнера, то, пожалуй, лучше сослаться вместо «Эдды» на Гете, который в балладе о боге и баядерке делает подобную же ошибку относительно религиозной обязанности женщины отдаваться в храмах, слишком сближая этот обычай с современной проституцией.

нием брака даже в боковых линиях, т. е., по нашему обозначению, для детей, внуков и правнуков родных братьев и сестер; он служит, по мнению Моргана, «прекрасной иллюстрацией того, как действует принцип естественного подбора». Не подлежит сомнению, что племена, у которых кровосмешение было ограничено этой прогрессивной мерой, должны были развиваться быстрее и полнее, чем племена, у которых брак между братьями и сестрами существовал как правило и требовался обычаем. А как сильно сказалось влияние этого прогресса, доказывает учреждение *рода*; будучи его непосредственным следствием и далеко опережая первоначальную цель, род образует основу общественного порядка большинства, если не всех, варварских народов земли, и из него мы в Греции и Риме переходим непосредственно в эпоху цивилизации.

Каждая первоначальная семья должна была распадаться самое позднее через несколько поколений. Первобытное коммунистическое общее хозяйство, которое еще долго господствует на средней ступени варварства без всяких исключений, определяло максимальные размеры семейной группы, изменявшиеся в зависимости от условий, но для каждой данной местности более или менее определенные. Но как только возникло представление о непозволительности половых отношений между детьми одной матери, это должно было сказываться при дроблениях старых и при основании новых общин людей, живущих вместе и сообща ведущих свое хозяйство (*Hausgemeinden*) (эти общины не обязательно совпадали с семейной группой). Ряд сестер или несколько таких групп сестер становились ядром одной общины, их родные братья — ядром другой. Таким или подобным путем из кровнородственной семьи произошла семья, названная Морганом «пуналуа». По гавайскому обычаю известное число сестер, родных

или более дальних степеней родства (двоюродных, троюродных и т. д.), были общими женами своих общих мужей, из числа которых, однако, исключались их братья; эти мужья называли уже друг друга не братьями, им было больше уже не обязательно быть братьями, а «пуналуа», т. е. близкий товарищ, так сказать, *associé* [член товарищества]. Равным образом ряд братьев, родных или более дальних степеней родства, состоял в общем браке с известным числом женщин, но только не своих сестер, причем эти женщины называли друг друга «пуналуа». Таков классический вид семейной формации (*Familienformation*), которая впоследствии допускала ряд видоизменений и главной отличительной чертой которой была взаимная общность мужей и жен внутри определенного семейного круга, из которого, однако, были исключены братья жен, сперва родные, а позднее и более дальних степеней родства, а следовательно также и сестры мужей.

Вот эта форма семьи и воспроизводит перед нами с совершенной точностью степени родства, которые нашли свое выражение в американской системе. Дети сестер моей матери все еще являются и ее детьми, равно как дети братьев моего отца также и его детьми, и все они для меня братья и сестры; но дети братьев моей матери теперь являются ее племянниками и племянницами, дети сестер моего отца — его племянниками и племянницами, а для меня они все мои двоюродные братья и двоюродные сестры. В самом деле, в то время как мужья сестер моей матери все еще остаются ее мужьями, а равным образом жены братьев моего отца — его женами, — юридически, если не всегда фактически, — осуждение обществом половых сношений между родными братьями и сестрами вело к разделению детей братьев и сестер, до сих пор без различия признававшихся братьями и сестрами, на два класса: одни остаются

между собой попрежнему братьями и сестрами (дальних степеней родства), другие — в одном случае дети брата, в другом дети сестры — *не могут уже* быть братьями и сестрами, не могут уже иметь общих родителей — ни общего отца, ни общей матери, ни их обоих вместе; здесь поэтому впервые возникает необходимость в разряде племянников и племянниц, двоюродных братьев и сестер, который был бы лишен всякого смысла при прежнем семейном строе. Американская система родства, которая представляется чистой бессмыслицей при всякой форме семьи, в основу которой положен тот или иной вид единобрачия, находит себе разумное объяснение и естественное обоснование, вплоть до своих мельчайших подробностей, в семье «пуналуа». По крайней мере, в такой же степени, в какой была распространена эта система родства, должна была существовать также семья «пуналуа» или какая-нибудь подобная ей форма.

Об этой форме семьи, действительное существование которой на Гавайских островах доказано, мы получили бы, вероятно, сведения из всей Полинезии, если бы благочестивые миссионеры, подобно блаженной памяти испанским монахам в Америке, способны были усмотреть в подобных противохристианских отношениях нечто большее, чем простую «мерзость»¹. Когда Цезарь рассказывает нам о бриттах, находившихся тогда на средней ступени варварства, что «у них каждые десять или двенадцать человек имеют общих жен, причем большей частью —

¹ Следы беспорядочных половых сношений, которые Бахофен, по его мнению, открыл и которые он назвал «*Surpriseung*», относятся, как теперь с полной достоверностью установлено, к групповому браку. «Если Бахофен находит эти браки «пуналуа» «беззаконными», то человек той эпохи признал бы большинство нынешних браков между близкими и отдаленными родственниками с отцовской или материнской стороны кровосмесительными, как браки между кровными братьями и сестрами» (*Маркс*).

братья с братьями и родители с детьми», то это лучше всего объясняется существованием у них группового брака. У матерей периода варварства не бывает по десять-двенадцать достаточно взрослых сыновей, у которых могли бы быть общие жены, тогда как при американской системе родства, которая соответствует семье «пуналуа», бывает много братьев, так как все двоюродные и более отдаленные братья каждого мужчины являются его братьями. Говоря о «родителях с детьми», Цезарь, повидимому, ошибался; правда, при этой системе не абсолютно исключена возможность нахождения в одной брачной группе отца и сына или матери и дочери, но зато не допускается нахождение в ней отца и дочери или матери и сына. Точно так же эта или ей подобная форма группового брака легче всего объясняет рассказы Геродота и других древних писателей об общности жен у диких и варварских народов. Это относится и к тому, что сообщают Ватсон и Кей («The People of India» [«Население Индии»]) о тихурах в Ауде (к северу от Ганга): «Они живут сообща (т. е. в половом отношении), почти без всякого разбора, большими общинами, и если двое между ними считаются мужем и женою, то эта брачная связь только номинальная».

Непосредственно из семьи «пуналуа», повидимому, возник в громадном большинстве случаев институт *рода*. Правда, исходным моментом для него могла служить также и австралийская система классов: у австралийцев имеются роды, но у них еще нет семьи «пуналуа», а более грубая форма группового брака.

При всех формах групповой семьи неизвестно, кто отец ребенка, но известно, кто его мать. Если она и называет *всех* детей общей семьи своими и по отношению к ним несет материнские обязанности, то она все же знает своих родных детей среди остальных. Отсюда ясно, что раз существует групповой

брак, то происхождение может быть установлено лишь с *материнской* стороны, а потому признается только *женская линия*. Так действительно бывает у всех диких народов и у всех народов, стоящих на низшей ступени варварства; и вторая крупная заслуга Бахофена состоит в том, что он первый это открыл. Это исключительное признание происхождения с материнской стороны и развившиеся отсюда с течением времени отношения наследования он называет материнским правом; в интересах краткости я сохраняю это обозначение; но оно неудачно, так как на этой ступени развития общества еще нельзя говорить о праве в юридическом смысле.

Если мы теперь возьмем из семьи «пуналуа» за образец одну из двух ее групп, а именно группу сестер — родных и более дальних степеней родства, т. е. происходящих от родных сестер в первом, втором или более отдаленном поколении, вместе с их детьми и их братьями — родными и более дальних степеней родства с материнской стороны (которые, согласно нашему предположению, *не состоят их мужьями*), то перед нами будет тот именно круг лиц, из которых впоследствии составляется род в своей первоначальной форме. Все они имеют одну общую родоначальницу; в силу своего происхождения от нее все женские потомки каждого поколения являются сестрами. Но мужья этих сестер уже не могут быть их братьями, следовательно, не могут происходить от этой родоначальницы, следовательно, не входят в состав этой кровнородственной группы, позднейшего рода; дети их, однако, принадлежат к этой группе, потому что решающую роль играет только происхождение с материнской стороны как единственно достоверное. Лишь только установили запрет полового общения между всеми братьями и сестрами, даже между самыми отдаленными родственниками боковых линий с материнской сто-

роны, указанная группа превратилась в род, т. е. конституировалась как твердо установленный круг кровных родственников по женской линии, которые не могут вступать в брак, и этот род с этих пор все более и более укрепляется другими общими общественными и религиозными учреждениями и отличается от других родов того же племени. Об этом более подробно в дальнейшем. Но если мы видим, что род не только неизбежно, но как нечто само собой разумеющееся развивается из семьи «пуналуа», то следует признать почти несомненным существование в прошлом этой формы семьи у всех народов, у которых могут быть обнаружены родовые учреждения, т. е. почти у всех варварских и культурных народов.

Когда Морган писал свою книгу, наши сведения о групповом браке были еще весьма скудны. Кое-что было известно о групповых браках у организованных в классы австралийцев, и, кроме того, Морган уже в 1871 г. опубликовал дошедшие до него сведения о гавайской семье «пуналуа». Семья «пуналуа» давала, с одной стороны, полное объяснение господствующей у американских индейцев системе родства, которая послужила Моргану исходным пунктом всех его исследований; она, с другой стороны, служила готовым отправным пунктом, из которого можно было вывести род, основанный на материнском праве; она представляла собой, наконец, гораздо более высокую ступень развития, чем австралийские классы. Понятно поэтому, что Морган видел в ней ступень развития, которая необходимо предшествовала парному браку, и приписывал ей всеобщее распространение в древнейшее время. С тех пор мы ознакомились с целым рядом других форм группового брака и знаем теперь, что Морган в этом пункте зашел слишком далеко. Но ему все же посчастливилось натолкнуться в своей семье

«пуналуа» на высшую, классическую форму группового брака, на ту именно форму, которая проще всего объясняет переход к более высокой форме.

Обогащением наших сведений о групповом браке мы больше всего обязаны английскому миссионеру Лоримеру Файсону, который в течение многих лет изучал эту форму семьи на ее классической почве — в Австралии. Низшую ступень развития он обнаружил у австралийских негров в районе Маунт Гамбир в Южной Австралии. Здесь все племя разделено на два больших класса — кроки и кумите. Половые сношения внутри каждого из этих классов строго запрещены; напротив, каждый мужчина одного класса уже от рождения является мужем каждой женщины другого класса, а последняя — его женой. Не отдельные индивидуумы, а целые группы считаются состоящими в браке, класс с классом. И следует отметить, что ни различие в возрасте, ни близкое кровное родство нигде в Австралии не служит препятствием для половых сношений, за исключением ограничения, обусловленного разделением на два экзогамных класса. Для любого кроки каждая женщина кумите является по праву его женой; но так как его собственная дочь, как дочь женщины кумите, по материнскому праву, также кумите, то она в силу этого от рождения является женой каждого кроки, а следовательно, и женой своего отца. Во всяком случае, классовая организация в том виде, в каком мы ее знаем, не ставит этому препятствий. Таким образом, или эта организация возникла в ту пору, когда, при всем неясном стремлении ограничить кровосмешение, люди не видели еще ничего ужасного в половом общении между родителями и детьми, — и в таком случае система классов возникла непосредственно из состояния беспорядочных половых сношений, — или же половое общение между родителями и детьми было уже воспрещено обычаем, когда

возникли классы, и в таком случае современное состояние указывает на существование перед тем кровнородственной семьи и представляет первый шаг к ее преодолению. Последнее кажется более вероятным. Насколько мне известно, никем не приводятся примеры полового общения между родителями и детьми в Австралии, а более поздняя форма экзогамии, основанный на материнском праве род, также, как правило, предполагает молчаливо запрещение такого общения как нечто уже существовавшее при возникновении рода.

Система *двух* классов встречается, помимо района Маунт Гамбир в Южной Австралии, также по реке Дарлинг, далее к востоку и на северо-востоке, в Квинсленде, и, таким образом, широко распространена. Она исключает лишь браки между братьями и сестрами, между детьми братьев и детьми сестер с материнской стороны, так как они принадлежат к одному классу; дети сестры и брата, напротив, могут вступать в брак друг с другом. Дальнейший шаг в сторону запрещения кровосмешения мы видим у камиларои по течению Дарлинга в Новом Южном Уэльсе, где два первоначальных класса распались на четыре, причем каждый из этих четырех классов целиком состоит в браке с каким-нибудь определенным другим классом. Первые два класса от рождения являются друг для друга супругами; в зависимости от того, принадлежит ли мать к первому или второму классу, ее дети попадают в третий или четвертый класс; дети последних двух классов, в свою очередь состоящих в брачных отношениях, входят в состав первого и второго классов. Таким образом, одно поколение всегда принадлежит к первому и второму классу, следующее за ним — к третьему и четвертому, третье поколение — снова к первому и второму. В соответствии с этим дети брата и сестры (с материнской стороны) не могут быть му-

жем и женой, но зато ими могут быть внуки брата и сестры. Этот своеобразно сложный порядок еще более усложняется позднейшим, правда, вклиниванием в него рода, основанного на материнском праве. Но мы не можем входить здесь в подробности. Мы видим, таким образом, что стремление воспрепятствовать кровосмешению проявляется все снова и снова, действуя, однако, инстинктивно и ощупью, без ясного сознания цели.

Групповой брак, который здесь, в Австралии, представляет собою еще классовый брак, массовое супружество целого класса мужчин, часто рассеянных по всему матеруку, со столь же широко распространенным классом женщин, — этот групповой брак, при ближайшем рассмотрении, выглядит отнюдь не так ужасно, как его рисует привыкшая к проституции фантазия наших филистеров. Напротив, прошло много лет, пока стали только догадываться о его существовании, причем совсем недавно снова стали его оспаривать. Поверхностному наблюдателю он представляется в виде непрочного единобрачия, а в некоторых случаях — в виде многоженства с практикуемой время от времени неверностью. Нужно посвятить этому целые годы, как это сделали Файсон и Хауитт, чтобы открыть регулирующий закон в практике этих брачных отношений, в которых обыкновенный европеец склонен видеть нечто подобное тому, что существует у него на родине, закон, в силу которого чужой австралийский негр, ва тысячи километров от своих родных мест, среди людей, говорящих на незнакомом ему языке, всё-таки нередко в каждом лагере, в каждом племени находит себе женщин, готовых без сопротивления и возмущения отдаться ему, а человек, обладающий несколькими женами, уступает одну из них на ночь своему гостю. Там, где европеец усматривает безнравственность и беззаконие, на самом деле гос-

подстывает строгий закон. Эти женщины принадлежат к брачному классу гостя, и потому они от рождения являются его женами; тот же самый нравственный закон, который соединяет их друг с другом, воспрещает, под угрозой общественного осуждения, всякое половое общение вне принадлежащих друг другу брачных классов. Даже там, где женщин похищают, что часто и во многих местностях бывает правилом, закон о классах тщательно соблюдается. *

При похищении женщин проявляются уже, впрочем, признаки перехода к единобрачию, по крайней мере в форме парного брака: когда молодой человек похитил или увел с помощью своих друзей девушку, они все поочередно вступают с нею в половое общение, но затем она признается женою того молодого человека, который организовал похищение. И, наоборот, если похищенная женщина убежит от мужа и ею завладеет другой мужчина, она становится женою последнего, а первый утрачивает свои права на нее. Наряду и внутри продолжающего существовать группового брака возникают, таким образом, исключительные отношения, соединение отдельных пар на более или менее продолжительное время, а наряду с этим и многоженство, так что и здесь групповой брак начинает отмирать, и вопрос лишь в том, что раньше сойдет со сцены под влиянием европейцев — групповой брак или австралийские негры, которые его придерживают.

Брак целыми классами, как он господствует в Австралии, представляет собою, во всяком случае, весьма низкую и первоначальную форму группового брака, тогда как семья «пуналуа», насколько нам известно, является высшей ступенью его развития. Первый, повидимому, соответствует уровню общественного развития бродячих дикарей, вторая предполагает уже сравнительно устойчивые поселения коммунистических общин и непосредственно ведет к

следующей, более высокой ступени развития. Между обеими этими формами брака мы, без сомнения, обнаружим еще ряд промежуточных ступеней; здесь перед нами пока еще только открытая, едва затронутая область исследования.

3. *Парная семья*. Некоторое подобие парного брака, на более или менее продолжительный срок, имело место уже в групповом браке или еще раньше; мужчина имел главную жену (едва ли еще можно говорить о любимой жене) среди многих жен, и он был для нее главным мужем среди других. Это обстоятельство в значительной степени сбивало с толку миссионеров, которые усматривают в групповом браке то беспорядочную общность жен, то произвольное нарушение супружеской верности. Но такое основанное на обычае сочетание пар должно было все более и более упрочиваться, чем больше развивался род и чем многочисленнее становились классы «братьев» и «сестер», между которыми брак был теперь невозможен. Данный родом толчок к запрещению браков между кровными родственниками вел еще дальше. Так, мы находим, что у ирокезов и у большинства других стоящих на низшей ступени варварства индейцев брак воспрещен между *всеми* родственниками, которых насчитывает их система, а таковых несколько сот видов. При такой растущей запутанности запрещений брака групповые браки становились все более и более невозможными; они вытеснялись *парной семьей*. На этой ступени мужчина живет с одной женой, однако так, что многоженство и случайная неверность остаются правом мужчин, хотя первое, в силу экономических причин, редко имеет место; в то же время от женщин на все время сожителства требуется в большинстве случаев строжайшая верность, и за прелюбодеяние их карают жестоко. Брачные узы, однако, легко могут быть расторгнуты любой

из сторон, а дети, как и прежде, принадлежат только матери.

В этом все дальше проводимом исключении кровных родственников из брачного союза тоже продолжает действовать естественный подбор. Как говорит Морган, «браки между членами родов, не состоящих в кровном родстве, порождали физически и умственно более крепкую расу; смешивались два прогрессирующих племени, у новых поколений череп и мозг естественно увеличивались, пока они не объединяли в себе способностей обоих племен». Племена с родовым строем должны были, таким образом, одержать верх над отставшими или своим примером увлечь их за собою.

Развитие семьи в первобытную эпоху состоит, следовательно, в постепенном суживании того круга, который первоначально охватывает все племя и внутри которого господствует брачная общность между обоими полами. Путем последовательного исключения сперва более близких, затем все более отдаленных родственников, наконец даже просто свойственников, всякий вид группового брака становится, в конце концов, практически невозможным, и в результате остается одна брачная пара, пока еще непрочно соединенная, та молекула, с распадением которой прекращается брак вообще. Уже из этого видно, как мало общего имела с возникновением единобрачия индивидуальная половая любовь в современном смысле этого слова. Еще больше доказывает это практика всех народов, стоящих на этой ступени развития. Тогда как при прежних формах семьи у мужчин никогда не было недостатка в женщинах, а, напротив, их скорее было более чем достаточно, теперь женщины стали редки, и их приходилось искать. Поэтому со времени возникновения парного брака появляются похищение и покупка женщин, служащие широко распространенными

симптомами — но все же не более как симптомами — происшедшей, лежащей гораздо глубже перемены; однако на основании этих симптомов, относящихся только к способам добывания жен, педантичный шотландец Мак-Леннан сочинил особые виды семьи — «брак умыканием» и «брак посредством купли». И в других случаях заключение брака у американских индейцев и у других племен (на той же ступени развития) совершается не самими заинтересованными лицами, которых часто и не спрашивают, а их матерями. Часто, таким образом, бывают просватаны двое совершенно не знакомых друг другу лиц, и им сообщают о заключенной сделке только тогда, когда наступает время для бракосочетания. Перед свадьбой жених делает подарки родителям невесты (т. е. ее родственникам со стороны матери, но не отцу и его родственникам); эти подарки считаются выкупом за уступаемую девушку. Брак может быть расторгнут по желанию каждого из супругов, но у многих племен, например у ирокезов, общественное мнение все более и более высказывается против такого расторжения брака; при раздорах между супругами посредническую роль берут на себя сородичи обеих сторон, и только в том случае, если их вмешательство не помогает, брак расторгается, причем дети остаются у жены и обеим сторонам предоставляется право вступить в новый брак.

Парная семья, сама по себе слишком слабая и слишком неустойчивая, чтобы вызвать потребность в собственном домашнем хозяйстве или только желание обзавестись им, отнюдь не упраздняет унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства. Но коммунистическое домашнее хозяйство означает господство в доме женщин, так же как исключительное признание родной матери, при невозможности с уверенностью знать

родного отца, означает высокое уважение к женщинам, т. е. к матерям. Одним из самых нелепых представлений, унаследованных нами от эпохи просвещения XVIII столетия; является мнение, что будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины. Женщина у всех диких и у всех варварских племен, стоявших на низшей, средней и отчасти также высшей ступени варварства, не только пользуется свободой, но и занимает весьма почетное положение. Каково это положение еще при парном браке — может засвидетельствовать Артур Райт, проведший много лет миссионером среди прокезов племени сенека. Он говорит: «Что касается их семей, то в те времена, когда они еще жили в старых длинных домах (коммунистические хозяйства нескольких семейств)... там всегда преобладал один клан (род), так что женщины брали мужей из других кланов (родов)... Обычно господствовала в доме женская половина; запасы были общими; но горе тому несчастному мужу или любовнику, который был слишком ленив или недовонок и не вносил своей доли в общий запас. Сколько бы ни было у него в доме детей и принадлежащего ему имущества, все равно он каждую минуту мог ждать приказа связать свой узел и убираться прочь. И он не смел даже пытаться оказать сопротивление; дом превращался для него в ад, ему не оставалось ничего другого, как вернуться в свой клан (род) или же вступить в новый брак в другом клане, что в большинстве случаев и происходило. Женщины были большой силой в кланах (родах), да и везде вообще. Случалось, что они не останавливались перед смещением вождя и разжалованием его в рядовые».

Коммунистическое домашнее хозяйство, в котором все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам, служит реальной осно-

вой того повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщины, открытие которого составляет третью заслугу Бахофена. В дополнение, замечу еще, что сообщения путешественников и миссионеров относительно того, что женщины у диких и варварских народов обременены чрезмерной работой, отнюдь не противоречат сказанному выше. Разделение труда между обоими полами обуславливается не положением женщины в обществе, а совсем другими причинами. Народы, у которых женщины должны работать гораздо больше, чем им полагается по нашим представлениям, часто питают к женщинам гораздо больше подлинного уважения, чем наши европейцы. Дамы эпохи цивилизации, которой оказывают внешнее почтение и которой чужд всякий действительный труд, находится в бесконечно более низком общественном положении, чем выполняющая тяжелый труд женщина эпохи варварства, которая считалась у своего народа действительной дамой (lady, frowa, Frau — госпожа) и по характеру своего положения таковой и была.

Более обстоятельное изучение стоящих еще на высшей ступени дикости северо-западных и, в особенности, южно-американских народов должно решить вопрос, совершенно ли вытеснен теперь групповой брак в Америке парным браком. О последних рассказывают так много различных примеров разнузданности в половых сношениях, что здесь едва ли возможно допустить полное преодоление старого группового брака. Во всяком случае, еще не все его следы исчезли. По меньшей мере у сорока североамериканских племен мужчина, вступающий в брак со старшей сестрой, имеет право взять в жены также и всех ее сестер, достигших установленного возраста, — остаток общности мужей для целой группы сестер. А о жителях полуострова Калифорнии (высшая ступень дикости) Банкрофт рассказывает, что

у них бывают празднества, на которые сходятся вместе несколько «племен» в целях беспорядочного полового общения. Это, очевидно, роды, которые в этих празднествах сохраняют смутное воспоминание о том времени, когда женщины одного рода имели своими общими мужьями всех мужчин другого рода, и наоборот. Такой же обычай господствует еще в Австралии. У некоторых народов более старые мужчины, вожди и колдуны-жрецы, используют общность жен в своих интересах и монополизируют большинство женщин в свою пользу, но за это они должны в определенные праздники и во время больших народных собраний допускать ранее существовавшую общность и позволять своим женам развлекаться с молодыми людьми. Целый ряд примеров таких периодических сатурналий¹, когда на короткий срок вновь вступает в силу старое свободное половое общение, приводит Вестермарк на стр. 28—29 своей книги: у племен го, сантал, пандша и котар в Индии, у некоторых африканских народов и т. д. Станным образом Вестермарк делает отсюда тот вывод, что это пережиток не группового брака, которого он не признает, а общего первобытному человеку с другими животными периода течки.

Мы подходим здесь к четвертому великому открытию Бахофена, к открытию широко распространенной переходной формы от группового брака к парному. То, что Бахофен изображает как искупление за нарушение старых заповедей богов, — искупление, ценой которого женщина приобретает право на целомудрие, — в действительности представляет собою только мистическое выражение выкупа, которым женщина откупается от существовавшей в старые времена общности мужей и приобретает право отдаваться только *одному* мужчине. Этот выкуп со-

¹ Сатурналии — древнеримский праздник. — *Ред.*

стоит во временной отдаче себя: вавилонские женщины должны были раз в год отдаваться мужчинам в храме Милитты; другие народы Передней Азии посылали своих девушек на целые годы в храм Анаитис, где они должны были предаваться свободной любви со своими избранниками, прежде чем получить право на вступление в брак; подобные обычаи, облеченные в религиозную оболочку, встречаются почти у всех азиатских народов между Средиземным морем и Гангом. Искупительная жертва, играющая роль выкупа, становится с течением времени все легче, как это уже заметил Бахофен: «Ежегодно повторявшееся жертвоприношение уступает место жертве однократной, гетеризм замужних женщин заменяется гетеризмом девушек; вместо того, чтобы практиковать его во время брака, им занимаются до брака; вместо того, чтобы отдаваться без разбору всякому, отдаются только определенным лицам» («Mutterrecht» [«Материнское право»], стр. XIX). У других народов религиозная оболочка отсутствует: у некоторых — фракийцев, кельтов и др. в древности, у многих коренных обитателей Индии, у малайских народов, у тихоокеанских островитян и у многих американских индейцев еще в настоящее время — девушки пользуются до своего замужества величайшей половой свободой. Так преимущественно обстоит дело в южной Америке почти всюду, что может засвидетельствовать каждый, кто проникал в глубь материка. Так Агассиз («A Journey in Brazil» [«Путешествие в Бразилию»], Boston and London, 1868, стр. 266) рассказывает следующее об одной богатой семье индейского происхождения. Когда он познакомился с дочерью, он спросил о ее отце, полагая, что это муж ее матери, который участвовал в это время в качестве офицера в войне с Парагваем, но мать с улыбкой ответила: *naõ tem pai, é filha da fortuna*, — у нее нет отца, она — случайное дитя.

«Так всегда говорят индейские женщины и метиски без стыда и стеснения о своих внебрачных детях; и это вовсе не исключение, исключением, повидимому, является скорее обратное. Дети... часто знают только свою мать, потому что все заботы и ответственность падают на нее; о своем отце они ничего не знают, да и жене, повидимому, никогда не приходит в голову, что она или ее дети имеют к нему какие-либо притязания». То, что здесь цивилизованному человеку представляется странным, согласно материнскому праву и при существовании группового брака является попросту общим правилом.

У других же народов друзья и родные жениха или свадебные гости предъявляют во время самой свадьбы унаследованное от древних времен право на невесту, причем жених оказывается последним в очереди; так было в древности на Балеарских островах и у африканских авгилов, а у бареа в Абиссинии практикуется и в настоящее время. У других народов опять-таки какое-нибудь должностное лицо, предводитель племени или рода, касик, шаман, жрец, князь, или как бы он ни назывался, является представителем общины и осуществляет у невесты право первой ночи. Вопреки всем новоромантическим усилиям смягчить этот факт, это *jus primae noctis* [право первой ночи] существует еще и поныне как пережиток группового брака у большинства обитателей Аляски (Банкрофт. «Native Races» [«Туземные племена»], I, 81), у таху в Северной Мексике (там же, стр. 584) и у других народов; и оно существовало, — по крайней мере в странах, которые были первоначально кельтскими, где оно осталось непосредственно от группового брака, — в течение всего средневековья, например в Арагоне. В то время как в Кастилии крестьянин никогда не был крепостным, в Арагоне царило гнуснейшее крепостное право вплоть до декрета Фердинанда Католика от

1486 г. В этом документе сказано: «Мы постановляем и объявляем, что вышеупомянутые господа (senyors, бароны)... не имеют также права, когда крестьянин берет себе жену, спать с нею первую ночь или, в знак своего господства, переступить в свадебную ночь, когда жена ляжет в постель, через эту постель и упомянутую женщину; не имеют также права вышеупомянутые господа пользоваться дочерью или сыном крестьянина против их воли, будь то за плату или без платы». (Цитировано по каталонскому оригиналу у Sugenheim, «Leibeigenschaft», Petersburg [Зугенгейм, «Крепостное право», Петербург], 1861, стр. 35.)

Бахофен, далее, безусловно прав, когда настойчиво утверждает, что переход от того, что он называет «гетеризмом» или «Sumpfzeugung», к единобрачию совершился главным образом благодаря женщинам. Чем больше с развитием экономических условий жизни, с разложением, следовательно, первобытного коммунизма и увеличением плотности населения унаследованные издревле отношения между полами утрачивали свой наивный, первобытный характер, тем больше они должны были казаться женщинам унижительными и тягостными; тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или длительный брак лишь с одним мужчиной. От мужчин этот прогресс не мог исходить уже потому, что им вообще никогда, даже вплоть до настоящего времени, не приходило в голову отказываться от удобства фактического группового брака. Только после того как женщинами был осуществлен переход к парному браку, мужчины смогли ввести строгую моногамию, — разумеется, только для женщин.

Парная семья возникла на рубеже между дикостью и варварством, большей частью уже на высшей ступени дикости, в отдельных случаях только на низшей ступени варварства. Это — характерная

форма семьи для периода варварства, как групповой брак — для дикости, а моногамия ¹—для цивилизации. Для того чтобы парная семья развилась дальше в прочную моногамию, нужны были другие причины, кроме действовавших до сих пор. Группа была сведена в парном браке к своей последней единице, ее двухатомной молекуле, к одному мужчине и одной женщине. Естественный подбор завершил свое дело путем все дальше проводимых изъятий из брачного общения; в этом направлении для него уже ничего не оставалось делать. И если бы, следовательно, не начали действовать новые *общественные* движущие силы, то не было бы причины, в силу которой из парного брака должна была бы возникнуть новая форма семьи. Но такие движущие силы появились и стали действовать.

Мы покидаем теперь Америку, эту классическую почву парной семьи. Нет таких признаков, которые позволяли бы заключить, что здесь развилась более высокая форма семьи, что здесь до открытия и завоевания когда-либо существовала где-нибудь прочная моногамия. Другое дело — в Старом свете.

Здесь приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения. Вплоть до низшей ступени варварства постоянное богатство состояло почти только из жилища, одежды, грубых украшений и орудий для добывания и приготовления пищи: лодки, оружия, домашней утвари простейшего вида. Пищу приходилось изо дня в день добывать вновь. Теперь же развивающиеся пастушеские народы, — арийцы в индийском Пятиречьи и в области Ганга, а также в еще гораздо более богатых в ту пору водою степях бассейна Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, семиты по Евфрату

¹ *Моногамия* — единобрачие. — *Ред.*

и Тигру, — приобрели в стадах лошадей, верблюдов, ослов, рогатого скота, овец, коз и свиней, имущество, которое требовало только надзора и самого примитивного ухода, для того чтобы оно размножалось все в большем и большем количестве и доставляло обильнейшую молочную и мясную пищу. Все прежние способы добывания пищи отступили теперь на задний план; охота, бывшая раньше необходимостью, стала теперь роскошью.

Но кому принадлежало это новое богатство? Первоначально, несомненно, роду. Однако уже рано должна была развиться частная собственность на стада. Трудно сказать, был ли в глазах автора так называемой первой книги Моисея патриарх Авраам владельцем своих стад в силу собственного права, как глава семейной общины, или же в силу своего положения фактически наследственного главы рода. Несомненно лишь то, что мы не должны представлять его себе собственником в современном смысле этого слова. Столь же несомненно, далее, что в самом начале достоверной истории мы всюду находим стада в обособленном владении глав семейств, совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов.

Дело в том, что теперь изобретено было также и рабство. На низшей ступени варварства раб был бесполезен. Поэтому американские индейцы обращались с побежденными врагами совсем не так, как с ними поступали на более высокой ступени. Мужчин они убивали или же принимали как братьев в племя победителей; женщин они брали в жены или, иначе говоря, также принимали их в число членов своего племени вместе с их уцелевшими детьми. Рабочая сила человека на этой ступени еще не дает заметного избытка над расходами по ее содержанию. С введением скотоводства, обработки металлов, тка-

чества и, наконец, обработки полей положение изменилось. Подобно тому как жены, которых раньше добывать было так легко, стали теперь меновой стоимостью и предметом купли, точно так же случилось и с рабочей силой, в особенности после того, как стада окончательно перешли во владение семьи. Семья размножалась не так быстро, как скот. Для надзора за скотом требовалось теперь больше людей; для этой цели можно было воспользоваться военнопленным врагом, который к тому же мог размножаться, как тот же скот.

Переход таких богатств в частное владение отдельных семей и их быстрый рост нанес сильнейший удар обществу, основанному на парном браке и на материнском праве. Парный брак ввел в семью новый элемент. Рядом с родной матерью он поставил достоверного родного отца, который, к тому же, вероятно, был даже более достоверен, чем иные современные «отцы». Согласно существовавшему тогда разделению труда в семье; на долю мужа выпадало добывание пищи и необходимых для этого орудий труда, следовательно и право собственности на последние; в случае расторжения брака он брал их с собою, а за женой оставалась ее домашняя утварь. В силу обычая тогдашнего общества муж был поэтому также собственником нового источника пищи—скота, а впоследствии и нового орудия труда—рабов. Но по обычаю того же общества его дети не могли ему наследовать, так как с наследованием дело обстояло следующим образом.

Согласно материнскому праву, следовательно до тех пор, пока происхождение считалось только по женской линии, и согласно первоначальному порядку наследования, умершему члену рода наследовали его сородичи. Имущество должно было оставаться в роде. При незначительном количестве входящих в его состав предметов, оно на практике, вероятно, всегда

переходило к ближайшим сородичам, следовательно — к кровным родственникам со стороны матери. Но дети умершего мужчины принадлежали не к его роду, а к роду своей матери; они наследовали матери первоначально вместе с остальными ее кровными родственниками, позднее, возможно, — в первую очередь; но своему отцу они не могли наследовать, так как не принадлежали к его роду, в котором его имущество должно было оставаться. Таким образом, после смерти владельца стад его стада должны были переходить прежде всего к его братьям и сестрам и к детям его сестер или же к потомству сестер его матери. Его собственные дети оказывались лишенными наследства.

Таким образом, по мере того как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и порождали, с другой стороны, стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить обычный порядок наследования в пользу своих детей. Но это не удавалось, пока происхождение устанавливалось по материнскому праву. Последнее надо было отменить, и оно было отменено. Это было совсем не так трудно, как это нам теперь представляется. Ведь эта революция, будучи одной из самых радикальных революций, пережитых человечеством, не должна была касаться ни одного из живых членов рода. Все его члены могли оставаться тем, чем они были раньше. Достаточно было простого решения, что на будущее время потомство мужских членов рода должно оставаться в нем, тогда как потомство женщин должно быть исключено из него и перейти в род своего отца. Этим отменялось определение происхождения по женской линии и наследование по материнскому праву и вводилось определение происхождения по мужской линии и право наследования по отцу. Мы ничего не знаем о том, как

и когда эта революция произошла у культурных народов. Она целиком относится к доисторической эпохе. Но что такая революция *произошла*, более чем достаточно доказано собранными именно Бахофеном многочисленными остатками материнского права; как легко она совершается, мы видим у целого ряда индейских племен, где она произошла только недавно и еще происходит под влиянием отчасти растущего богатства и изменившегося образа жизни (переселение из лесов в степи), отчасти под моральным воздействием цивилизации и миссионеров. Из восьми племен бассейна Миссури шесть ведут происхождение и признают наследование по мужской линии и два еще по женской линии. У племен шоуни, майами и делаваров укоренился обычай называть детей одним из родовых имен отцовского рода и таким путем приобщать их к отцовскому роду, чтобы они могли наследовать своему отцу. «Врожденная человеку казуистика — изменять вещи, меняя их название, и находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию, когда непосредственный интерес служит для этого достаточным побуждением!» (*Маркс*). Из-за этого происходила безнадежная путаница, которая могла быть устранена и действительно отчасти была устранена переходом к отцовскому праву. «Этот переход вообще кажется самым естественным» (*Маркс*). Что могут сказать нам специалисты по сравнительному правоведению относительно того, как совершался этот переход у культурных народов Старого света, — конечно, почти только гипотезы, — об этом см. *М. Ковалевский*, «Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété» [«Очерк происхождения и развития семья и собственности»], Stockholm, 1890.

Ниспровержение материнского права было *всемирно-историческим* поражением *эсенского* пола.

Муж захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была превращена в слугу, рабу его похоти, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, как оно особенно обнаруживается у греков героической и — еще более — классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено.

Первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин проявляется в возникающей теперь промежуточной форме патриархальной семьи. Она означает главным образом не многоженство, о котором ниже, а «организацию некоторого числа свободных и несвободных лиц в семью, подчиненную отцовской власти главы семьи. У семитов этот глава семьи живет в многоженстве, несвободные имеют жен и детей, а цель всей организации состоит в уходе за стадами в пределах определенной территории». Существенным является включение в состав семьи несвободных и отцовская власть; поэтому законченным типом этой формы семьи служит римская семья. Слово *familia* [семья] первоначально означает не идеал современного филистера, состоящий из сентиментальности и домашней грызни; у римлян оно первоначально даже не относится к супругам и их детям, а только к рабам. *Famulus* значит домашний раб, а *familia* — все рабы, принадлежащие одному человеку. Еще во времена Гая *familia* [семья], *id est patrimonium* [т. е. наследство], передавалась по завещанию. Выражение это было придумано римлянами для обозначения нового общественного организма, глава которого был господином жены и детей и некоторого числа рабов, располагая в силу римской отцовской власти по отношению ко всем им правом жизни и смерти. «Таким образом, это слово не старше одетой в железную броню семей-

ной системы латинских племен, возникшей после введения обработки полей и узаконения рабства и отделения арийских италиков от греков». Маркс к этому прибавляет: «Современная семья содержит в зародыше не только рабство (*servitus*), но и крепостничество, так как она с самого начала имеет отношение к земледельческим повинностям. Она содержит в миниатюре все противоположности, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве».

Такая форма семьи означает переход от парного брака к моногамии. Чтобы обеспечить верность жены, а следовательно и происхождение детей от определенного отца, жена отдается в безусловную власть мужа; если он ее убивает, он только осуществляет свое право.

С патриархальной семьей мы вступаем в область писанной истории и вместе с тем в ту область, где сравнительное правоведение может оказать нам значительную помощь. И действительно, оно привело здесь к значительному шагу вперед. Мы обязаны Максиму Ковалевскому («Tableau etc. de la famille et de la propriété» [«Очерк происхождения и развития семьи и собственности»], Stockholm, 1890, стр. 60—100) доказательством того, что патриархальная большая семья (*patriarchalische Hausgenossenschaft*), какую мы теперь еще встречаем в Сербии и Болгарии под названием «задруга» (означает примерно содружество) или «братство» и в видоизмененной форме у восточных народов, явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира. По крайней мере для культурных народов Старого света, для арийцев и семитов, это представляется доказанным.

Юго-славянская задруга представляет собою наилучший живой образец такой семейной общины.

Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (домачина), который представляет ее перед внешним миром, имеет право отчуждать мелкие предметы, ведет кассу и несет ответственность как за нее, так и за правильный ход всего хозяйства. Он избирается и отнюдь не обязательно должен быть старейшим. Женщины и их работы подчинены руководству домохозяйки (домачицы), которой обыкновенно бывает жена домачина. Она также играет важную, часто решающую роль при выборе мужей для девушек общины. Но высшая власть в общине сосредоточена в семейном совете, в собрании всех взрослых членов, как женщин, так и мужчин. Перед этим собранием отчитывается домохозяин; оно принимает окончательные решения, чинит суд над членами, выносит постановления о более значительных покупках и продажах, а именно земли и т. п.

Только около десяти лет тому назад было доказано существование таких больших семейных общин и в России; теперь все признают, что они столь же глубоко коренятся в русских народных обычаях, как и сельская община. Они упоминаются в древнейшем русском своде законов, в «Правде» Ярослава, под тем же самым названием (вервь), как в далматских законах; их можно также найти в польских и чешских исторических источниках.

Согласно Гейслеру («Institutionen des deutschen Rechts» [«Учреждения германского права»]) и у германцев хозяйственной единицей первоначально служит не отдельная семья в современном смысле, а большая семья («Hausgenossenschaft»), состоящая из нескольких поколений или из отдельных семей и

притом довольно часто включающая в свой состав и несвободных. Римская семья также сводится к этому типу, и в соответствии с этим в последнее время подвергают сильному сомнению как абсолютную власть домохозяина, так и бесправие по отношению к нему остальных членов семьи. У кельтов также, повидимому, существовали подобные семейные общины в Ирландии; во Франции они удержались в Ниверне до Великой революции под названием *parçonneries*, а во Франшконтэ они и до настоящего времени еще не совсем исчезли. В районе Луана [Louhans] (департамент Соны и Луары) встречаются большие крестьянские дома с общим высоким, доходящим до самой крыши центральным залом и расположенными вокруг него спальнями, в которые поднимаются по лестницам в 6—8 ступенек и где живет несколько поколений одной и той же семьи.

В Индии большая семья с совместной обработкой земли упоминается уже у Непарха в эпоху Александра Великого и существует до сих пор в той же местности, в Пенджабе, и на всем северо-западе страны. На Кавказе Ковалевский сам мог доказать ее существование. В Алжире она еще существует у кабиллов. Она встречалась, повидимому, даже в Америке; ее находят в «*calpulli*»¹, которую Сурита описывает в старой Мексике; напротив, Кунов («*Ausland*» № 42—44, 1890) довольно ясно доказал, что в Перу во время его завоевания существовало нечто вроде марки (причем замечательно, что эта марка также называлась *marca*) с периодическими переделами обработанной земли, следовательно с индивидуальной обработкой земли.

Во всяком случае патриархальная большая семья с общинным землевладением и совместной обработкой приобретает теперь совсем не то значение, что

¹ *Calpulli* — семейная община ацтеков. — *Ред.*

раньше. Мы уже не можем подвергать сомнению важную переходную роль, которую она играла у культурных и некоторых других народов Старого света в период между матриархальной и индивидуальной семьей. В последующем изложении мы еще вернемся к сделанному Ковалевским дальнейшему выводу, что она была также переходной ступенью, из которой развилась сельская община или марка с индивидуальной обработкой и с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахотной земли и лугов.

Относительно семейной жизни внутри этих больших семей следует заметить, что по крайней мере в России об отцах семейств известно, что они сильно злоупотребляют своим положением по отношению к молодым женщинам общины, особенно к своим снохам, из которых часто образуют гарем; русские народные песни весьма красноречивы на этот счет.

Прежде чем перейти к моногамии, быстро развивающейся с падением материнского права, скажем еще несколько слов о многоженстве и многомужестве. Обе эти формы брака могут быть только исключениями, так сказать историческими предметами роскоши, за исключением разве случая, когда бы они в какой-либо стране встречались рядом одна с другой, чего, как известно, не бывает. Так как, следовательно, исключенные из многоженства мужчины не могли искать утешения у женщин, оставшихся излишними от многомужества, число же мужчин и женщин, независимо от социальных учреждений, до сих пор было почти одинаковым, то ни та, ни другая форма брака не могла стать общепризнанной. Действительно, многоженство мужчины было, очевидно, результатом рабства и было доступно только отдельным лицам, занимавшим исключительное положение. В семитической патриархальной семье в многоженстве живет только сам патриарх и,

самое большое, некоторые из его сыновей, остальные должны довольствоваться одной женой. Так обстоит дело еще в настоящее время по всему Востоку; многоженство — привилегия богатых и знатных и жены достаются главным образом путем покупки рабынь; масса народа живет в моногамии. Такое же исключение представляет многомужество в Индии и Тибете; его, несомненно, небезыңтересное происхождение из группового брака еще подлежит более тщательному изучению. Впрочем, в своей практике многомужество, повидимому, гораздо более терпимо, чем ревнивый режим магометанских гаремов. Так, по крайней мере, у наиров в Индии каждые трое, четверо и более мужчин имеют, правда, одну общую жену, однако каждый из них может наряду с этим иметь совместно с другими тремя и более мужчинами вторую жену, потом третью, четвертую и т. д. Удивительно, что Мак-Леннан, описывая эти брачные клубы, члены которых могут одновременно состоять в нескольких клубах, не открыл новой категории *клубного брака*. Этот обычай брачных клубов отнюдь, впрочем, не является подлинным многомужеством; напротив, как уже заметил Жиро-Тэлон, это просто особая (*spezialisierte*) форма группового брака; мужчины живут в многоженстве, женщины — в многомужестве.

4. *Моногамная семья*. Она возникает из парной семьи, как выяснено выше, на рубеже между средней и высшей ступенью варварства; ее окончательная победа служит одним из признаков начала цивилизации. Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети в качестве прямых наследников должны наследовать имущество отца. Она отличается от парного брака гораздо большей прочно-

стью брачных уз, которые теперь уже не расторгаются по желанию любой из сторон. Теперь уже, по общему правилу, только муж может их расторгнуть и развестись со своей женой. Право на супружескую неверность остается обеспеченным за ним и теперь, по крайней мере, обычаем (Code Napoleon¹ определенно предоставляет такое право мужу, пока он не вводит сожительницу под семейный кров), и по мере дальнейшего общественного развития оно осуществляется все шире; если же жена вспомнит о былой половой практике и вздумает вернуться к ней, то подвергается более строгой каре, чем когда-либо.

Во всей своей суровости новая форма семьи выступает перед нами у греков. Тогда как, по замечанию Маркса, положение богинь в мифологии рисует нам более ранний период, когда женщины пользовались еще более свободным и почетным положением, мы в героический период застаем женщину уже приниженной господством мужчины и конкуренцией рабынь. Достаточно прочесть в «Одиссее», как Телемак обрывает свою мать и заставляет ее молчать. Захваченные в плен молодые женщины становятся у Гомера жертвой чувственности победителей: военачальники поочередно и в соответствии со своим рангом выбирают самых красивых из них; вся «Илиада», как известно, построена на споре между Ахиллесом и Агамемноном из-за такой рабыни. При каждом сколько-нибудь значительном гомеровском герое упоминается захваченная в плен девушка, с которой он делит палатку и ложе. Этих девушек берут также с собою на родину и в супружеский дом, как, например, у Эсхила Агамемнон поступает с Кассандрой; прижитые с такими рабынями сыновья полу-

¹ Собрание гражданских законов, изданное Наполеоном в 1804 г. — *Ред.*

чают небольшую долю отцовского наследства и признаются свободными гражданами; Тевкр является таким внебрачным сыном Теламона и может называть себя по отцу. От законной жены требуется, чтобы она со всем этим мирилась, сама же строго соблюдала целомудрие и супружескую верность. Хотя греческая женщина героической эпохи пользуется большим уважением, чем женщина эпохи цивилизации, все же она, в конце концов, служит для мужчины только матерью его законных детей, его главной домоправительницей и надсмотрщицей над рабынями, которых он по своему усмотрению может делать и действительно делает своими наложницами. Существование рабства рядом с моногамией, присутствие молодых красивых рабынь, находящих в полном распоряжении *мужчины*, придало моногамии с самого начала ее специфический характер, сделав ее моногамией *только для женщины*, но не для мужчины. Такой характер она сохраняет и в настоящее время.

У позднейших греков следует проводить различие между дорянами и ионянами. У первых, классическим образцом которых служит Спарта, существуют брачные отношения во многом еще более архаические, чем изображенные у Гомера. В Спарте существует парный брак, видоизмененный государством в соответствии с местными воззрениями и во многих отношениях еще напоминающий групповой брак. Бездетные браки расторгаются: царь Анаксандрид (за 650 лет до нашей эры), имевший бездетную жену, взял вторую и держал два хозяйства; около того же времени царь Аристон, у которого были две бесплодные жены, взял третью, но зато отпустил одну из первых. С другой стороны, несколько братьев могли иметь общую жену; человек, которому нравилась жена его друга, мог делить ее с ним, и признавалось приличным предоставлять свою жену в распоряжение

здорового «жеребца», как выразился бы Бисмарк, даже если тот не принадлежал к числу сограждан. Из одного места у Плутарха, где спартанка направляет к своему мужу поклонника, который домогается ее любви, можно заключить — согласно Шёману — о еще большей свободе нравов. Действительное нарушение супружеской верности, неверность жён за спиной мужа, было поэтому неслыханным делом. С другой стороны, Спарта, по крайней мере в лучшую свою эпоху, не знала домашних рабов, крепостные илоты жили обособленно в имениях, поэтому у спартиатов было меньше соблазна пользоваться их женщинами. Естественно поэтому, что в силу всех этих условий женщины в Спарте занимали гораздо более почетное положение, чем у остальных греков. Спартанские женщины и избранная часть афинских гетер были в Греции единственными женщинами, о которых древние говорят с уважением и мнения которых они признают заслуживающими упоминания.

Совершенно иное положение у ионян, для которых характерны Афины. Девушек учили лишь прясть, ткать и шить, самое большее — немного читать и писать. Они жили почти затворницами, пользовались обществом лишь других женщин. Помещение для женщин находилось в обособленной части дома, в верхнем этаже или во флигеле, куда мужчины, в особенности чужие, не легко проникали и куда женщины удалялись при посещении дома мужчинами. Женщины не выходили из дома без сопровождения рабыни; дома они буквально были под стражей; Аристофан упоминает о молосских собаках, которых держали для устрашения нарушителей супружеской верности, а в азиатских городах для надзора за женщинами держали евнухов, которые уже во время Геродота фабриковались на о. Хиосе для продажи и, согласно Ваксмуту, не для одних только вар'

варов. У Эврипида жена обозначается словом *oiketea*, как вещь для работы по хозяйству (слово это среднего рода), и для афинянина она действительно была, помимо деторождения, не чем иным, как старшей служанкой. Муж предавался своим гимнастическим упражнениям, общественным делам, от участия в которых жена была отстранена; он, кроме того, имел еще часто к своим услугам рабынь, а в период расцвета Афин — широко распространенную проституцию, которой, во всяком случае, покровительствовало государство. Именно на почве этой проституции развились в Греции единственные выдающиеся женщины, которые своим умом и художественным вкусом так же возвышались над общим уровнем женщин древности, как спартанки своим характером. Но то обстоятельство, что нужно было сперва сделаться гетерой, чтобы стать женщиной, служит самым строгим осуждением афинской семьи.

Эта афинская семья с течением времени сделалась образцом, по которому устраивали свой домашний быт не только остальные ионяне, но постепенно и все греки материка и колоний. Однако, вопреки всему этому затворничеству и надзору, гречанки довольно часто находили случай обманывать своих мужей, а последние, стыдившиеся обнаружить хотя бы какое-нибудь чувство любви к своим женам, всячески развлекались любовными похождениями с гетерами; но унижение жен мстило за себя и унижало самих мужчин, пока они, в конце концов, не погрязли в противоестественной любви к мальчикам и не опозорили своих богов, так же как и самих себя, мифом о Ганимеде.

Таково было происхождение моногамии, насколько мы можем проследить его у самого цивилизованного и наиболее развитого народа древности. Оно отнюдь не было плодом индивидуальной половой любви, с которою оно не имело абсолютно ничего

общего, так как браки попрежнему оставались браками по расчету. Оно было первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия, именно победа частной собственности над первоначальной, естественно выросшей общей собственностью. Господство мужа в семье и рождение детей, которые могли быть только от него и должны были наследовать его имущество, — такова была исключительная цель индивидуального брака, открыто признававшаяся греками. Вообще же он был для них бременем, обязанностью по отношению к богам, государству и собственным предкам, которую приходилось выполнять. В Афинах закон предписывал не только вступление в брак, но и выполнение мужчиной определенного минимума так называемых супружеских обязанностей.

Таким образом, индивидуальный брак появляется в истории отнюдь не в качестве примирения между мужчиной и женщиной и еще меньше в качестве высшей формы брака. Напротив. Он означает порабощение одного пола другим, провозглашение неведомой до тех пор во всей предыдущей истории взаимной враждебности полов. В одной старой, ненапечатанной рукописи, составленной Марксом и мною в 1846 г.¹, я нахожу следующие слова: «Первое разделение труда было между мужчиной и женщиной для производства детей». К этому я могу теперь добавить: первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой в индивидуальном браке, а первый классовый гнет совпадает с порабощением женского пола мужским. Индивидуальный брак был крупным историческим прогрессом, но вместе с тем он открывает, наряду с рабством и част-

¹ Имеется в виду «Немецкая идеология». См. *Маркс и Энгельс*, Сочинения, т. IV. — *Ред.*

ным богатством, ту продолжающуюся до сих пор эпоху, когда всякий прогресс в то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и оттеснения других. Это та клеточка цивилизованного общества, по которой мы уже можем изучать природу вполне развивающихся внутри последнего противоположностей и противоречий.

Старая относительная свобода половых отношений отнюдь не исчезла с победой парного или даже индивидуального брака. «Старая система брака, введенная в более тесные границы постепенным вымиранием групп «пуналуа», все еще служила той средой, в которой развивалась семья, и тормозила ее развитие вплоть до возникновения цивилизации... она исчезла, наконец, в новой форме гетеризма, которая и в цивилизации преследует людей, точно мрачная тень, лежащая на семье». Под гетеризмом Морган понимает существующее *наряду с индивидуальным браком* внебрачное половое общение мужей с незамужними женщинами, которое, как известно, процветает в самых различных формах на протяжении всего периода цивилизации и все более и более превращается в явную проституцию. Этот гетеризм ведет свое происхождение непосредственно от группового брака, от искупительной жертвы женщин, которой они покупали себе право на целомудрие. Отдача себя за деньги была первоначально религиозным актом; она происходила в храме богини любви, и деньги шли сперва в сокровищницу храма. Гиеродулы [рабыни, прислуживавшие в храмах] Анаитис в Армении, Афродиты в Коринфе, а также состоявшие при храмах священные танцовщицы Индии, так называемые баядерки (искаженное португальское *bailadeira* — танцовщица), были первыми проститутками. Отдача себя мужчине, бывшая первоначально обязанностью каждой женщины, впоследствии

практиковалась только этими жрицами, замещающими всех остальных. У других народов гетеризм ведет свое происхождение от предоставлявшейся девушкам до брака половой свободы, — также, следовательно, является остатком группового брака, только дошедшим до нас другим путем. С появлением имущественного неравенства, т. е. уже на высшей ступени варварства, появляется местами, наряду с рабским трудом, и труд наемный и одновременно, как необходимый его спутник, профессиональная проституция свободных женщин рядом с принудительной отдачей себя рабынь. Таким образом, наследство, завещанное групповым браком цивилизации, двойственно, как и все, что порождено цивилизацией, — двойственно, двусмысленно, раздвоенно, противоречиво; с одной стороны — моногамия, а с другой — гетеризм вместе с его крайней формой — проституцией. Гетеризм — ведь это такое же общественное учреждение, как и всякое другое; он обеспечивает дальнейшее существование старой половой свободы в пользу мужчин. На деле не только терпимый, но и свободно практикуемый, особенно господствующими классами, гетеризм осуждается на словах. Но это осуждение на самом деле направляется не против причастных к нему мужчин, а только против женщин; их презирают и выбрасывают из общества, чтобы, таким образом, снова провозгласить, как основной закон общества, безусловное господство мужчин над женским полом.

Но вместе с этим развивается второе противоречие внутри самой моногамии. Рядом с мужем, скрывающим свое существование гетеризмом, стоит покинутая жена. Одна сторона противоречия немислима без другой, как немисливо сохранить в руке целое яблоко, съев перед тем его половину. Однако не таково, повидимому, было мнение мужчин, пока жены не вразумили их. Вместе с индиви-

дуальным браком появляются два неизменных, ранее неизвестных характерных общественных типа: постоянный любовник жены и муж-рогоносец. Мужчины одержали победу над женщинами, но увенчать победителей великодушно взялись побежденные. Рядом с индивидуальным браком и гетеризмом неустрашимым общественным явлением сделалось и прелюбодеяние, запрещенное, строго наказуемое, но неискоренимое. Достоверность происхождения детей от законного отца, как и раньше, основывалась самое большее на нравственном убеждении, и, чтобы разрешить неразрешимое противоречие, кодекс Наполеона ввел ст. 312: «L'enfant conçu pendant le mariage a pour père le mari»: отцом ребенка, зачатого во время брака, является муж. Таков конечный результат трех тысяч лет существования индивидуального брака.

Таким образом, в тех случаях, когда индивидуальная семья остается верна своему историческому происхождению и когда в силу исключительного господства мужа получает ясное выражение конфликт между мужчиной и женщиной, эта индивидуальная семья дает нам в миниатюре картину тех же антагонизмов и противоречий, в которых идет жизнь общества, разделенного со времени цивилизации на классы, общества, которое не в состоянии разрешить и преодолеть эти противоречия и антагонизмы. Я говорю здесь, разумеется, лишь о тех случаях индивидуального брака, когда супружеская жизнь действительно протекает согласно предписаниям первоначального характера этого учреждения, но когда жена восстает против господства мужа. Что не все браки так протекают, об этом никто не знает лучше немецкого филистера, который так же не умеет обеспечить за собою господство в доме, как и в государстве, и его жена поэтому с полным правом берет в свои руки бразды правления, которые ему не по

плечу. Но ему, тем не менее, кажется, что он гораздо выше своего французского товарища по несчастью, которому чаще, чем ему самому, приходится куда хуже.

Впрочем, индивидуальная семья отнюдь не везде и не во всякое время принимала такую классически резкую форму, какую она имела у греков. У римлян, которые в качестве будущих завоевателей мира обладали более широким, хотя и менее утонченным взглядом, чем греки, жена пользовалась большей свободой и уважением. Римлянин считал, что супружеская верность достаточно обеспечена предоставленной ему властью над жизнью и смертью его жены. Кроме того, жена могла здесь наравне с мужем при желании расторгнуть брак. Но наибольший прогресс в развитии индивидуального брака, несомненно, совершился с выступлением на исторической арене германцев, именно потому, что у них, вероятно ввиду их бедности, моногамия, повидимому, в то время еще не вполне развилась из парного брака. Мы приходим к этому заключению на основании следующих трех обстоятельств, упоминаемых Тацитом. Во-первых, при всей святости брака, — «они довольствуются одной женой, женщины живут огражденные целомудрием», — у них все же имело распространение многоженство среди знати и племенных вождей, подобно тому, что мы встречали у американцев, у которых существовал парный брак. Во-вторых, переход от материнского права к отцовскому мог совершиться у них только незадолго перед тем, так как брат матери — ближайший сородич мужского пола по материнскому праву — признавался еще у них чуть ли не более близким родственником, чем собственный отец; это также соответствует точке зрения американских индейцев, у которых Маркс, как он часто говорил, нашел ключ к пониманию нашего собственного прошлого. Наконец, в-третьих, женщины у герман-

цев пользовались большим уважением и значительным влиянием на общественные дела, что стоит в прямом противоречии с отличающим моногамию господством мужчин. Почти во всем этом германцы не отличаются от спартанцев, у которых, как мы видели, парный брак также не вполне еще был изжит. Таким образом, и в этом отношении вместе с германцами приобрел мировое господство совершенно новый элемент. Новая моногамия, развившаяся на развалинах римского мира после смешения народов, облекла власть мужа в более мягкие формы и дала женщинам, по крайней мере с внешней стороны, более почетное и свободное положение, какого никогда не знала классическая древность. Только в силу этого могли создаться условия для развития из моногамии — внутри ее, наряду с нею и вопреки ей, смотря по обстоятельствам, — величайшего нравственного прогресса, которым мы ей обязаны: современной индивидуальной половой любви, которая предыдущей истории была неизвестна.

Этот прогресс, однако, несомненно был вызван тем обстоятельством, что германцы переживали еще период парной семьи и перенесли в моногамию, насколько это представлялось возможным, соответствующее первой положение женщины, а отнюдь не каким-то сказочным, чудесным предрасположением германцев к чистоте нравов, которое в сущности сводится к тому, что парный брак в действительности свободен от резких нравственных противоречий, присущих моногамии. Напротив, нравы германцев в период переселений, в особенности на юго-восток, к степным черноморским кочевникам, глубоко пали, и они восприняли у последних, кроме их искусства верховой езды, также и отвратительные противоестественные пороки, о чем определенно свидетельствует Аммиан относительно тайфалов и Прокопий — относительно герулов.

Но если из всех известных форм семьи моногамия была единственной формой, при которой могла развиться современная половая любовь, то это не значит, что последняя развилась в ней исключительно или преимущественно как любовь супругов друг к другу. Самая природа прочного индивидуального брака с господством мужа исключала это. У всех исторически активных, т. е. у всех господствующих классов, заключение брака оставалось тем, чем оно было со времени парного брака, — сделкой, которую устраивали родители. И первая появившаяся в истории форма половой любви, как страсть, и притом доступная каждому человеку (по крайней мере, из господствующих классов), как высшая форма полового влечения, — что и составляет ее специфический характер, — эта первая ее форма, рыцарская любовь средних веков, отнюдь не была супружеской любовью. Наоборот! В своем классическом виде, у провансальцев¹, рыцарская любовь прямо стремится к нарушению супружеской верности, и поэты это воспевают. Цвет провансальской поэзии любви составляли «альбы» (albas) [т. е. песни зарри]². Яркими красками изображают они, как рыцарь лежит в постели своей красоти, чужой жены, а снаружи стоит страж, который возвещает рыцарю о наступлении рассвета (alba), чтобы он мог ускользнуть незамеченным; сцена расставания — самый яркий момент в песне. Французы севера, а равным образом и бравые немцы тоже усвоили этот род поэзии вместе с соответствующей ему манерой рыцарской любви, а наш старый Вольфрам фон-Эшенбах оставил три чудесные песни на ту же щекотливую тему, которые мне нравятся больше, чем его три длинные героические поэмы.

¹ *Прованс* — провинция на юге Франции. — *Ред.*

² По-немецки *Tagelieder*. — *Ред.*

Вступление в брак в современной нам буржуазной среде происходит двояким образом. В католических странах родители попережнему подыскивают юному буржуазному сынку подходящую жену, и, разумеется, в результате этого происходит наиболее полное развитие присущего моногамии противоречия: пышный расцвет гетеризма со стороны мужа, пышный расцвет супружеской неверности со стороны жены. Католическая церковь, надо думать, отменила развод, лишь убедившись, что против супружеской неверности, как против смерти, нет никаких лекарств. В протестантских странах, напротив, молодому человеку из буржуазной среды, по общему правилу, предоставляется большая или меньшая свобода в выборе жены из своего класса; поэтому для заключения брака может служить поводом некоторая степень любви, как это, приличия ради, постоянно и предполагается в духе протестантского лицемерия. Здесь гетеризм практикуется мужем не столь энергично, а неверность жены встречается не так часто. Но так как при каждой форме брака люди остаются тем же, чем были до него, а граждане протестантских стран в большинстве своем филистеры, то эта протестантская моногамия, даже если брать лучшие случаи, все же приводит в среднем только к невыносимо скучному супружескому сожителству, которое называют семейным счастьем. Лучшим зеркалом обоих этих видов брака служит роман: для католического — французский, для протестантского — немецкий. В том и другом «он получает»: в немецком молодой человек — девушку, во французском муж — рога. Не всегда при этом ясно, кто из них оказывается в худшем положении. Поэтому-то скука немецкого романа ужасает французского буржуа не менее, чем «безнравственность» французского романа — немецкого филистера. Впрочем, в последнее время, с тех пор как «Берлин становится мировым

городом», немецкий роман начинает менее робко говорить о давно хорошо известном там гетеризме и супружеской неверности.

Но и в том и в другом случае брак обуславливается классовым положением сторон и поэтому всегда бывает браком по расчету. Этот брак по расчету в обоих случаях довольно часто обращается в самую откровенную проституцию — иногда обеих сторон, а гораздо чаще жены, которая отличается от обычной куртизанки только тем, что отдает в наем свое тело не сдельно, как наемная работница, а раз навсегда продает его в рабство. И ко всем бракам по расчету относятся слова Фурье: «Как в грамматике два отрицания дают одно утверждение, так и в брачной морали две проституции составляют одну добродетель». Половая любовь может стать правилом в отношениях к женщине и действительно им становится только среди угнетенных классов, следовательно, в настоящее время — в среде пролетариата, независимо от того, официально признаны или не признаны эти отношения. Но в таких случаях бывают устранены также все основы классической моногамии. Здесь нет никакой собственности, для сохранения и наследования которой как раз и созданы моногамия и господство мужчин; здесь нет поэтому никакого побуждения для осуществления господства мужчин. Более того, здесь нет и средств для этого: гражданское право, которое охраняет это господство, существует только для имущих и для их взаимоотношений с пролетариями; оно стоит денег и вследствие бедности рабочего не имеет никакого значения для отношений рабочего к его жене. Здесь решающую роль играют совсем другие личные и общественные отношения. И, кроме того, с тех пор как крупная промышленность заставила женщину выйти из дома на рынок труда и на фабрику и довольно часто превращает ее в кормилицу семьи, лишены всякой

почвы последние остатки господства мужа в пролетарском жилище, кроме разве некоторой грубости в обращении с женами, укоренившейся со времени появления моногамии. Таким образом, семья пролетария уже не моногамна в строгом смысле этого слова, даже при самой страстной любви и неизменной верности обеих сторон и несмотря на всевозможные церковные и светские благословения. Поэтому и постоянные спутники моногамии, гетеризм и супружеская неверность, играют здесь совершенно ничтожную роль; жена фактически вернула себе право на расторжение брака, и когда стороны не могут ужиться, они предпочитают разойтись. Одним словом, пролетарский брак моногамен в этимологическом ¹ значении этого слова, но отнюдь не в историческом его смысле.

Наши юристы, впрочем, считают, что прогресс законодательства все больше отнимает у женщин всякое основание для жалоб. Законодательства современных цивилизованных стран все более признают, в-первых, что брак, для того чтобы быть действительным, должен представлять собой договор, добровольно заключенный обеими сторонами, и, во-вторых, что обе стороны во время брачного сожительства должны иметь одни и те же взаимные права и обязанности. Если бы эти оба требования были последовательно проведены, то у женщин было бы все, чего они только могут желать.

Эта чисто юридическая аргументация совершенно совпадает с тою, какую пользуется радикальный буржуа-республиканец, призывая пролетария к спокойствию. Трудовой договор будто бы добровольно заключен обеими сторонами. Но его считают заключенным добровольно потому, что закон *на бумаге*

¹ Т. е. по буквальному значению слова «моногамия» — единобрачие. — *Ред.*

признает обе стороны равными. Закону нет никакого дела до действительного экономического положения обеих сторон — его не касается ни власть, которую различное классовое положение дает одной стороне, ни нажим, производимый этой властью на другую сторону. И на время действия трудового договора обе стороны опять-таки якобы равноправны, коль скоро ни одна из сторон не заявила о прямом отказе от договора. Закону нет дела и до того, что экономическое положение заставляет рабочего отказываться даже от последней видимости равноправия.

В отношении брака даже самый прогрессивный закон вполне удовлетворяется, если заинтересованные стороны формально засвидетельствовали свое добровольное вступление в брак. Что происходит за юридическими кулисами, где разыгрывается действительная жизнь, как получается это добровольное согласие, — об этом закон и юрист могут не беспокоиться. А между тем самое простое сравнение права различных стран должно было бы показать юристу, что из себя представляет это добровольное согласие. В странах, где закон обеспечивает детям наследование обязательной части имущества родителей, где они, следовательно, не могут быть лишены наследства, — в Германии, в странах с французским правом и других, — дети при вступлении в брак связаны согласием родителей. В странах английского права, где родительского согласия при вступлении в брак законом не требуется, родители располагают полной свободой при завещании своего имущества, они могут при желании лишать своих детей наследства. Ясно, что, несмотря на это и даже именно поэтому, свобода при вступлении в брак у классов, у которых есть что наследовать, в Англии и Америке фактически ничуть не больше, чем во Франции и Германии.

Не лучше обстоит дело с юридическим равнопра-

вием мужчины и женщины в браке. Правовое неравенство обоих, унаследованное нами от прежних общественных отношений, — не причина, а результат экономического угнетения женщины. В старом коммунистическом домашнем хозяйстве, охватывавшем много брачных пар с их детьми, вверенное женщинам ведение этого хозяйства было столь же общественно необходимым промыслом, как и добывание мужчинами средств пропитания. С возникновением патриархальной семьи и еще более — моногамной индивидуальной семьи положение изменилось. Ведение домашнего хозяйства утратило свой общественный характер. Оно перестало интересовать общество; оно стало *частной службой*; жена сделалась главной служанкой, была устранена от участия в общественном производстве. Только крупная промышленность нашего времени вновь открыла ей — да и то лишь пролетарке — путь к общественному производству. При этом дело складывается так, что, если она выполняет свои обязанности на частной службе в семье, она остается исключенной из общественного производства и ничего не может зарабатывать, а если она хочет участвовать в общественном труде и иметь самостоятельный заработок, то не в состоянии выполнять свои семейные обязанности. И в этом отношении положение женщины одинаково как на фабрике, так и во всех отраслях труда, вплоть до медицины и адвокатуры. Современная индивидуальная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины, а современное общество — это масса, состоящая только из индивидуальных семей, его молекул. Муж в настоящее время должен в большинстве случаев промышлять, кормить семью, по крайней мере в среде имущих классов, и это дает ему господствующее положение, которое ни в каких специальных юридических привилегиях не нуждается. Он в семье — буржуа, жена

представляет пролетариат. Но в области промышленности специфический характер тяготеющего над пролетариатом экономического гнета выступает со всей своей резкостью только после того, как устранены все основанные на законе особые привилегии класса капиталистов и установлено полное юридическое равноправие обоих классов; демократическая республика не уничтожает противоположности обоих классов, она, напротив, лишь создает почву, на которой завершается борьба, вызываемая этой противоположностью. Равным образом, своеобразный характер господства мужа над женой в современной семье и необходимость, а также способ установления действительного общественного равенства для обоих только тогда выступают в полном освещении, когда они юридически будут вполне равноправны. Тогда обнаружится, что освобождение женщины предполагает своим первым предварительным условием возвращение всего женского пола к общественному труду и что это требует, в свою очередь, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества.

* * *

Итак, мы имеем три главные формы брака, в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Дикости соответствует групповой брак, варварству — парный брак, цивилизации — моногамия, дополняемая супружеской неверностью и проституцией. Между парным браком и моногамией на высшей ступени варварства мужья получают в свое распоряжение рабынь, и появляется многоженство.

Как показало все наше изложение, своеобразие прогресса, который проявляется в этой последовательной смене форм, заключается в том, что половой свободы группового брака все более и более лишаются

женщины, но не мужчины. И действительно, групповой брак фактически существует для мужчин и по настоящее время. То, что со стороны женщины считается преступлением и влечет за собою тяжелые правовые и общественные последствия, считается для мужчины чем-то почетным или, в худшем случае, незначительным моральным пятном, которое носят с удовольствием. Но чем больше традиционный гетеризм изменяется в наше время под воздействием капиталистического товарного производства и приспосаблиется к последнему, чем больше он превращается в неприкрытую проституцию, тем большую деморализацию он несет с собою. При этом он деморализует мужчин гораздо больше, чем женщин. Проституция развращает среди женщин только тех несчастных, которые становятся ее жертвами, да и их далеко не в той степени, как это обычно полагают. В противоположность этому она опошляет характер всей мужской половины человеческого рода. Так, будучи долгое время женихом, молодой человек в девяти случаях из десяти проходит настоящую школу супружеской неверности.

Но мы идем навстречу общественному перевороту, когда существовавшие до сих пор экономические основы моногамии столь же неминуемо исчезнут, как и основы ее дополнения — проституции. Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках — притом в руках мужчины — и из необходимости передать эти богатства по наследству детям этого мужчины, а не другого. Для этого была нужна моногамия жены, а не мужа, так что эта моногамия жены отнюдь не препятствовала явной или тайной полигамии мужа. Но предстоящий общественный переворот сведет к минимуму все это беспокойство о том, кому передать наследство, превратив в общественную собственность, по меньшей мере, неизмеримо большую часть прочных, переда-

ваемых по наследству богатств — средства производства. Так как, однако, моногамия обязана своим происхождением экономическим причинам, то не исчезнет ли она, когда исчезнут эти причины?

Можно не без оснований ответить, что она не только не исчезнет, но, напротив, только тогда полностью осуществится. Вместе с превращением средств производства в общественную собственность исчезнет также и наемный труд, пролетариат, а следовательно, и необходимость для известного числа женщин, которое можно статистически подсчитать, отдаваться за деньги. Проституция исчезнет, а моногамия, вместо того чтобы прекратить свое существование, станет, наконец, действительностью также и для мужчин.

Положение мужчин, таким образом, во всяком случае сильно изменится. Но и в положении женщин, *всех* женщин, произойдет значительная перемена. С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную промышленность. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество будет одинаково заботиться о всех детях, брачных и внебрачных. Благодаря этому отпадет боязнь «последствий», которая в настоящее время служит самым существенным общественным моментом, — моральным и экономическим, — мешающим девушке, не обращая внимания ни на что, отдаться любимому мужчине. Не будет ли это достаточной причиной для постепенного развития беспорядочных половых сношений, а вместе с тем и большей снисходительности общественного мнения к девицкой чести и женской стыдливости? И, наконец, разве мы не видели, что в современном мире моногамия и проституция хотя и противоположности, но противоположности нераз-

делимые, полюсы одного и того же общественного порядка? Может ли исчезнуть проституция, не увлекая за собой в пропасть и моногамию?

Здесь вступает в действие новый момент, который ко времени развития моногамии едва существовал лишь в зародыше, — индивидуальная половая любовь.

До средних веков не может быть и речи об индивидуальной половой любви. Что физическая красота, близкие отношения, одинаковые склонности и т. п. пробуждали у людей различного пола стремление к половому общению, что как для мужчин, так и для женщин не было совершенно безразлично, с кем они вступали в эти интимные отношения, — разумеется само собой. Но от этого до нашей половой любви еще бесконечно далеко. На протяжении всей древности браки заключались не заинтересованными сторонами, а их родителями, и первые спокойно мирились с этим. Та скромная доля супружеской любви, которую знает древность, — не субъективная склонность, а объективная обязанность, не основа брака, а дополнение к нему. Любовные отношения в современном смысле имеют место в древности лишь вне официального общества. Пастухи, любовные радости и страдания которых нам воспевают Феокрит и Мосх, «Дафнис и Хлоя» Лонга, — рабы, не принимающие участия в делах государства, в сфере жизни свободного гражданина. Но помимо любовных связей среди рабов мы встречаем любовные связи только как продукт распада гниющего древнего мира, и притом связи с женщинами, которые также стоят вне официального общества, с гетерами, т. е. чужестранками или вольноотпущенницами: в Афинах — накануне их гибели, в Риме — во время империи. Если же любовные связи действительно устанавливались между свободными гражданами и гражданами, то только ради прелюбодеяния. А для древнего

классического певца любви, старого Анакреона, полова́я любовь в нашем смысле была настолько безразлична, что для него безразличен был даже пол любимого существа.

Наша полова́я любовь существенно отличается от простого влечения, от эроса древних. Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; поэтому женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как во времена античного эроса ее отнюдь не всегда спрашивали. Во-вторых, полова́я любовь знает такую степень интенсивности и продолжительности, при которой необладание и разлука представляются обеим сторонам большим, если не величайшим, несчастьем; они идут на большой риск, ставят на карту свою жизнь, чтобы только обладать друг другом, что в древности бывало разве только в случаях супружеской неверности. И, наконец, возникает новый нравственный критерий для оценки половой связи: спрашивают не только о том, была ли она в браке или вне брака, но и о том, по взаимной ли любви или нет? Понятно, что в феодальной или буржуазной практике с этим новым критерием обстоит не лучше, чем со всеми другими критериями нравственности, — с ним не считаются. Но к нему и не хуже относятся, чем к другим: он так же, как и те, признается в теории, на бумаге. А большего и требовать пока нельзя.

Средневековье начинается с того, на чем остановился древний мир в своих зачатках половой любви, — с прелюбодеяния. Мы описали уже рыцарскую любовь, создавшую песни утренней зари. От этой любви, стремящейся к разрушению брака, до любви, которая должна положить ему основание, лежит еще далекий путь, который рыцарство до конца пройти не могло. Даже переходя от легкомысленных романских народов к добродетельным германцам, мы находим в песне о Нибелунгах, что Кримгильда, хотя

она тайне влюблена в Зигфрида не меньше, чем он в нее, однако на слова Гунтера, что он просватал ее за рыцаря, имени которого он не называет, отвечает просто: «Вам не нужно меня просить; как вы мне прикажете, так я всегда и буду поступать; кого вы, государь, дадите мне в мужья, с тем я охотно обручусь». Ей совсем в голову не приходит, что в данном случае вообще может быть принята во внимание ее любовь. Гунтер сватается за Брунгильду, а Этцель за Кримгильду, которых они ни разу не видели; точно так же в «Гудруне» сватается Зигебант ирландский за норвежскую Уту, Гетель из Гегелингена — за Гильду ирландскую, наконец, Зигфрид морландский, Гартмут орманский и Гервиг зееландский. — за Гудруну; и только последняя свободно решает в пользу Гервига. По общему правилу, невесту для молодого князя подыскивают его родители, если они еще живы; в противном случае он это делал сам, советуясь с крупными ленниками, мнение которых во всех таких случаях пользовалось большим весом. Да иначе и быть не может. Для рыцаря или барона, как и для самого владетельного князя, женитьба — политический акт, случай для увеличения своего могущества при помощи новых связей; решающую роль должны были играть интересы династии, а отнюдь не личные симпатии. Как при таких условиях могло в вопросе о браке последнее слово принадлежать любви?

То же самое было у цехового гражданина средневековых городов. Уже одни охранявшие его привилегии, снабженные различными оговорками цеховые правила, искусственные границы, отделявшие его юридически в одном случае — от других цехов, в другом — от его же товарищей по цеху, в третьем — от его подмастерьев и учеников, достаточно суживали круг, в котором он мог искать себе подходящую жену. И которая из невест была наиболее подходя-

щей — решало при этой запутанной системе безусловно не его индивидуальное желание, а семейный интерес.

Таким образом, в огромном большинстве случаев заключение брака до самого конца средних веков оставалось тем, чем оно было с самого начала, — делом, которое решалось без участия непосредственно заинтересованных сторон. Вначале люди появлялись на свет уже состоящими в браке — в браке с целой группой другого пола. В позднейших формах группового брака сохранялось, вероятно, такое же положение, только при все большем сужении группы. При парном браке, как правило, матери договариваются относительно браков своих детей; в данном случае также решающую роль играют соображения о новых родственных связях, которые должны обеспечить молодой паре более прочное положение в роде и племени. А когда вместе с преобладанием частной собственности над общественной и заинтересованностью в наследовании господствующее положение заняли отцовское право и моногамия, заключение брака стало целиком зависеть от соображений экономического характера. *Форма* брака посредством купли исчезает, но по существу этот брак все шире распространяется, так что получает оценку не только женщина, но и мужчина — не по своим личным качествам, а по своему имуществу. В практике господствующих классов с самого начала считалось недопустимым, чтобы в качестве основания для брака взаимная склонность сторон преобладала над всеми другими. Нечто подобное знали лишь романтики да угнетенные классы, которые в счет не шли.

Таково было то положение, какое застало капиталистическое производство, которому со времени географических открытий мировая торговля и мануфактура подготавливали мировое господство. Надо полагать, что этот способ заключения браков был для

него самым подходящим, и это действительно так и было. Однако — ирония мировой истории неисчерпаема — именно капитализму суждено было пробить здесь решающую брешь. Превращая все в товары, он уничтожил все исконные отношения, завещанные прошлым, на место унаследованных обычаев, исторического права он поставил куплю и продажу, «свободный» договор. Английский юрист Г. С. Мэн полагал, что сделал величайшее открытие, сказав, что весь наш прогресс, сравнительно с предыдущими эпохами, состоит в переходе *from status to contract* — от унаследованного порядка к порядку, устанавливаемому свободным договором, что, впрочем, — поскольку это вообще правильно, — было уже сказано в «Коммунистическом манифесте».

Но заключать договоры могут люди, которые в состоянии свободно располагать своей личностью, действиями и имуществом и равноправны по отношению друг к другу. Создание таких «свободных» и «равных» людей именно и было одним из главнейших дел капиталистического производства. Хотя это вначале происходило только полусознательно и вдобавок облакалось в религиозную оболочку, все же со времени лютеровской и кальвиновской реформации было твердо установлено положение, что человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли, и что нравственным долгом является сопротивление всякому принуждению к безнравственному поступку. Но как согласовалось это с прежней практикой заключения браков? Согласно буржуазному пониманию, брак был договором, правовой сделкой, и притом самой важной из всех, так как она на всю жизнь определяла судьбу тела и души двух человек. В ту пору формально сделка эта, правда, заключалась добровольно; без согласия сторон она не могла состояться. Но слиш-

ком хорошо было известно, как получалось это согласие и кто фактически заключал брак. Между тем, если требовалось действительно свободное решение при заключении других договоров, то почему не требовать его и при заключении брака? Разве двое молодых людей, которым предстояло соединиться, не имели права свободно располагать самими собою, своим телом и его органами? Разве благодаря рыцарству не вошла в моду половая любовь и разве, в противоположность рыцарской любви, связанной с прелюбодеянием, супружеская любовь не была ее правильной буржуазной формой? Но если долг супругов любить друг друга, то разве не должны были любящие сочетаться браком друг с другом и ни с кем другим? И разве это право любящих не стояло выше права родителей, родственников и иных обычных брачных маклеров и сводников? И если право свободной личной критики бесцеремонно вторглось в сферу церкви и религии, то как могло оно остановиться перед невыносимым притязанием старшего поколения распоряжаться телом, душой, имуществом, счастьем и несчастьем младшего поколения?

Все эти вопросы должны были выдвигаться в такое время, когда были ослаблены все старые узы общества и поколеблены все унаследованные представления. Мир сразу сделался почти в десять раз больше; вместо четвертой части полушария теперь весь земной шар лежал перед взором западно-европейцев, которые спешили завладеть остальными семью восьмыми. И вместе со старинными тесными границами родины пали также и тысячелетние рамки предписанного средневекового мышления. Внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт. Какое значение могли иметь репутация порядочности и унаследованные от ряда поколений почетные цеховые привилегии для молодого человека, которого

манили к себе богатства Индии, золотые и серебряные рудники Мексики и Потози¹? То было для буржуазии время странствующего рыцарства; она переживала также свою романтику и свои любовные мечтания, но по-буржуазному, преследуя в конечном счете буржуазные цели.

Обстоятельства сложились так, что растущая буржуазия, в особенности в протестантских странах, где больше всего был поколеблен существующий порядок, все больше и больше стала признавать свободу при заключении договора также и для брака и осуществила ее вышеописанным образом. Брак оставался классовым браком, но в пределах класса за сторонами была признана известная степень свободы выбора. И на бумаге, в теории морали и в поэтическом изображении, не было ничего, что было бы столь незыблемо прочно установлено, как безнравственность всякого брака, не покоящегося на взаимной половой любви и на действительном согласии супругов. Одним словом, брак по любви был провозглашен правом человека, и притом не только *droit de l'homme* [правом мужчины], но, как исключение, и *droit de la femme* [правом женщины].

Но это право человека в одном отношении отличалось от всех остальных так называемых прав человека. Тогда как эти последние на практике ограничивались господствующим классом, буржуазией, и прямо или косвенно сводились на-нет для угнетенного класса, пролетариата, здесь снова сказалась ирония истории. Господствующий класс остается поработенным известными экономическими влияниями, и поэтому только в исключительных случаях в его среде бывают действительно свободно заклю-

¹ *Потози* — богатая рудниками область в Боливии (в Южной Америке). — *Ред.*

чаемые браки, тогда как в среде угнетенного класса они, как мы видели, являются правилом.

Полная свобода при заключении браков может, таким образом, стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранил все побочные экономические соображения, оказывающие еще в настоящее время столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше другого мотива, кроме взаимной склонности.

Так как половая любовь по своей природе требует единобрачия, но это единобрачие в наших условиях осуществляется одной только женщиной, то брак, основанный на половой любви, по природе своей — индивидуальный брак. Мы видели, насколько прав был Бахофен, усматривая в успешном переходе от группового брака к индивидуальному преимущественно дело женщин; только дальнейший переход от парного брака к моногамии следует приписать мужчинам; исторически он по существу привел к ухудшению положения женщин и облегчению неверности мужчин. Поэтому, если только отпадут экономические соображения, в силу которых женщины мирились с этой обычной неверностью мужчин, — забота о своем собственном существовании и еще более о будущем своих детей, — то достигнутое благодаря этому равноправие женщины, судя по всему прежнему опыту, будет в бесконечно более сильной степени способствовать действительной моногамии мужчин, чем полиандрии¹ женщин.

Но при этом от моногамии безусловно отпадут те характерные черты, которые навязаны ей ее возникновением из отношений собственности, а именно, во-первых, господство мужчины и, во-вторых,

¹ Многомужеству. — *Ред.*

нерасторжимость брака. Господство мужчины в браке есть простое следствие его экономического господства и само собою исчезнет вместе с последним. Нерасторжимость брака — это отчасти следствие экономического положения, при котором возникла моногамия, отчасти традиция того времени, когда связь этого экономического положения с моногамией воспринималась еще неясно, в искаженных религией представлениях. Она уже в настоящее время нарушается в тысячах случаев. Если нравственный брак — только брак по любви, то только такой, в котором любовь продолжает существовать. Но длительность сильной индивидуальной половой любви весьма различна у разных индивидов, в особенности у мужчин, и раз чувство совершенно иссякло или его вытеснила новая страстная любовь, то развод становится благодеянием как для обеих сторон, так и для общества. Надо только избавить людей от ненужной грязи бракоразводного процесса.

Таким образом, то, что мы можем теперь предположить о формах половых отношений после предстоящего устранения капиталистического производства, отличается преимущественно отрицательным характером, ограничиваясь в большинстве случаев тем, что отпадает. Но что появится нового? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или другие средства социальной власти, и поколение женщин, которым никогда не придется отдаваться мужчине из-за каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, или отказываться отдалиться любимому мужчине из боязни экономических последствий. Когда появятся эти люди, им будет совершенно безразлично, чего ожидают от них теперь; они будут знать сами, как им поступать, и сами

выработают соответственно этому общественное мнение о поступках каждого в отдельности — точка.

Вернемся, однако, к Моргану, от которого мы порядочно удалились. Историческое изучение развивавшихся в период цивилизации общественных учреждений выходит за рамки его книги. Судьбы моногамии в течение этого периода поэтому занимают его совсем немного. Он также усматривает в дальнейшем развитии моногамии известный прогресс, приближение к полному равноправию полов, не считая, однако, эту цель уже достигнутой. Но, говорит он, «если признать тот факт, что семья последовательно прошла через четыре формы и находится теперь в пятой, то возникает вопрос, долго ли продержится эта форма в будущем? Ответ возможен только один — она должна развиваться вместе с развитием общества, изменяться в той же мере, в какой изменяется общество, так же, как и до сих пор. Она продукт общественного строя и будет отражением его культурного состояния. Так как моногамная семья за период с начала цивилизации заметно улучшилась, особенно в новейшее время, то можно, по меньшей мере, предполагать, что она способна к дальнейшему совершенствованию, пока не будет достигнуто равенство полов. Если же моногамная семья в отдаленном будущем окажется неспособной выполнять требования общества, то невозможно заранее предсказать, какова будет ее преемница».

III. ИРОКЕЗСКИЙ РОД

Мы переходим теперь к другому открытию Морган, имеющему, по меньшей мере, такое же значение, как и воссоздание первобытной формы семьи на основании систем родства. Морган доказал, что родовые союзы внутри племени американских индейцев, обозначаемые названиями животных, по существу тождественны с *genea* греков и *gentes* римлян; что американская форма — первоначальная, а греко-римская — позднейшая, производная; что вся общественная организация первобытных греков и римлян с ее родом, фратрией и племенем находит точную параллель в организации американско-индейской; что род представляет собой учреждение, общее для всех варваров, вплоть до их перехода к цивилизации и даже еще позднее (насколько можно судить на основании имеющихся источников). Доказавши все это, Морган сразу разъяснил труднейшие участки древнейшей греческой и римской истории и одновременно с этим неожиданно вскрыл перед нами основные черты общественного устройства первобытной эпохи до возникновения *государства*. Каким простым ни кажется это открытие, когда оно уже известно, все же Морган сделал его только в последнее время; в своей предыдущей книге, вышедшей в 1871 г., он еще не проник в

эту тайну, раскрытие которой на некоторое время заставило приумолкнуть вообще столь самоуверенных английских историков первобытной эпохи.

Латинское слово *gens*, которое Морган везде употребляет для обозначения этого родового союза, происходит, как и греческое равнозначщее *genos*, от общеарийского корня *gan* (по-немецки *kan*, так как здесь, по общему правилу, вместо арийского *g* должно стоять *k*), означающего «рождать». *Gens*, *genos*, санскритское *dschanas*, готское (по указанному выше правилу) *kuni*, древне-норманское и англо-саксонское *kun*, английское *kin*, средне-верхне-немецкое *künne* означает одинаково род, происхождение. Но латинское *gens* и греческое *genos* употребляются специально для обозначения такого родового союза, который гордится общим предком (в данном случае общим родоначальником) и объединяется в особую группу известными общественными и религиозными учреждениями, причем происхождение и природа этой группы оставались, тем не менее, до сих пор неясными для всех наших историков.

Мы уже видели выше, при рассмотрении семьи «пуналуа», каков состав рода в его первоначальной форме. Он состоит из всех лиц, которые путем брака «пуналуа» и в силу неизбежно господствующих в нем представлений образуют признанное потомство одной определенной родоначальницы — основательницы рода. Так как при этой форме семьи отец не может быть установлен с достоверностью, то признается только женская линия. Так как братья не могут жениться на своих сестрах, а только на женщинах другого происхождения, то в силу материнского права прижитые с этими чужими женщинами дети оказываются вне рода. Таким образом, внутри родового союза остается лишь потомство *дочерей* каждого поколения; потомство *сынозей*

переходит в роды своих матерей. Чем же становится эта кровнородственная группа, после того как она конституируется как особая группа по отношению к другим подобным группам внутри племени?

В качестве классической формы этого первобытного рода Морган берет род ирокезов, особенно род племени сенека. В этом племени восемь родов под названиями животных: 1) волк, 2) медведь, 3) черепаха, 4) бобр, 5) олень, 6) кулик, 7) цапля, 8) сокол. В каждом роде существуют следующие обычаи:

1. Род выбирает своего «сахема» (старшину для мирного времени) и вождя (военачальника). Сахем должен был выбираться из состава самого рода, и его должность была наследственной в роде, так как по освобождении она должна была немедленно снова замещаться; военачальника можно было избрать и не из членов рода, а временно должность его могла оставаться никем не занятой. Сахемом никогда не избирали сына предыдущего сахема, так как у ирокезов господствовало материнское право, и сын, следовательно, принадлежал к другому роду, но часто избирали его брата или сына сестры. В выборах участвовали все — мужчины и женщины. Но выборы подлежали утверждению со стороны остальных семи родов, и только после этого избранный торжественно вводился в должность общим советом всего союза ирокезов. Значение этого акта видно будет из дальнейшего. Власть сахема внутри рода была отеческая, чисто морального порядка; средствами принуждения он не располагал. Вместе с тем он по должности состоял членом совета племени сенека, а также и общего совета союза ирокезов. Военачальник мог распоряжаться лишь во время военных походов.

2. Род по своему усмотрению смещает сахема и военачальника. Это опять-таки решается совместно

мужчинами и женщинами. Смещенные должностные лица становятся после этого простыми воинами, подобно другим, частными лицами. Впрочем, совет племени может сместить и сахема, даже против воли рода.

3. Никто из членов рода не может брать жену внутри рода. Таково основное правило рода, та связь, которая его скрепляет; это — отрицательное выражение того весьма положительного кровного родства, в силу которого объединяемые им индивидуумы только и становятся родом. Открытием этого простого факта Морган впервые вскрыл сущность рода. Как мало до сих пор понимали сущность рода, показывают прежние сообщения о дикарях и варварах, где различные группировки, из которых образуется родовой строй, без понимания и без разбора смешивают в одну кучу под названиями: племя, клан, тум и пр., причем нередко о них говорится, что внутри такой группировки брак воспрещается. Это и создало безнадежную путаницу, среди которой Мак-Леннан выступил в роли Наполеона, чтобы водворить в ней порядок властным приговором: все племена делятся на такие, внутри которых брак воспрещен (экзогамные), и такие, в которых он дозволяется (эндогамные). Запутав таким образом окончательно вопрос, он пустился затем в глубокомысленнейшие исследования, какой же из его нелепых классов более древний — экзогамия или эндогамия. Эта бессмыслица рассеялась сама собою после открытия рода, основанного на кровном родстве, и вытекающей из этого невозможности брака между его членами. — Само собою разумеется, что на той ступени развития, на которой мы застаем прокезов, запрещение брака внутри рода нерушимо соблюдается.

4. Имущество умерших переходило к остальным сородичам, оно должно было оставаться в роде.

При незначительном количестве предметов, которые мог оставить после себя ирокез, его наследство делили между собою его ближайшиe сородичи; в случае смерти мужчины — его родные братья и сестры и брат матери; в случае смерти женщины — ее дети и родные сестры, но не братья. По той же причине муж и жена не могли наследовать друг другу, а также дети — отцу.

5. Сородичи обязаны были оказывать друг другу помощь, защиту и в особенности помогать мстить за обиду, нанесенную чужими. В деле защиты своей безопасности индивидуум полагался на род и мог это делать; тот, кто оскорблял его, оскорблял весь род. Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной мести, безусловно признававшейся ирокезами. Если кто-нибудь из чужого рода убивал сородича, весь род убитого был обязан кровной мстью. Сперва делалась попытка к соглашению; совет рода убийцы собирался и делал совету рода убитого предложение покончить дело миром, большей частью изъявляя сожаление и предлагая значительные подарки. Если предложение принималось, то дело считалось улаженным. В противном случае потерпевший род назначал одного или нескольких мстителей, которые были обязаны выследить и умертвить убийцу. Если это выполнялось, род убитого не имел права жаловаться, дело признавалось поконченным.

6. Род имеет определенные имена или серии имен, пользоваться которыми во всем племени может только он один, так что имя отдельного члена также указывает, к какому роду он принадлежит. С родовым именем неразрывно связаны и родовые права.

7. Род может усыновлять посторонних и таким путем принимать их в члены всего племени. Военнопленные, которых не убивали, становились, таким образом, в силу усыновления родом, членами пле-

мени сенека и приобретали тем самым все родовые и племенные права. Усыновление происходило по предложению отдельных членов рода: мужчин, которые принимали чужака как брата или сестру, и женщин, принимавших его в качестве своего ребенка; для утверждения такого усыновления необходимо было торжественное принятие в род. Часто отдельные, в силу исключительных условий ослабевшие роды вновь укреплялись путем массового усыновления из другого рода, с согласия последнего. У ирокезов торжественное принятие в род происходило в публичном заседании совета племени, что фактически превращало это торжество в религиозную церемонию.

8. Трудно установить у индейских родов наличие особых религиозных празднеств; но религиозные церемонии индейцев более или менее связаны с родом. Во время шести ежегодных религиозных празднеств ирокезов сахемы и военачальники отдельных родов по своей должности причислялись к «блюстителям веры» и выполняли жреческие обязанности.

9. Род имеет общее место погребения. У ирокезов штата Нью-Йорк, стесненных со всех сторон белыми, оно теперь исчезло, но раньше существовало. У других индейцев оно еще сохранилось; так, например, у тускарора, состоящих в близком родстве с ирокезами, несмотря на то, что они христиане, на кладбище есть особый ряд для каждого рода, так что мать хоронят в одном ряду с детьми, но не отца. Да и у ирокезов весь род умершего участвует в погребении, заботится о могиле, надгробных речах и т. п.

10. Род имеет совет — демократическое собрание всех взрослых членов рода, мужчин и женщин, располагающих равным правом голоса. Этот совет выбирал и смещал сахемов и военачальников, а

также и остальных «блюстителей веры»; он выносил постановления о выкупе (вире) или кровной мести за убитых сородичей; он принимал чужих в состав рода. Одним словом, он был верховной властью в роде.

Таковы права типичного индейского рода. «Все его члены — свободные люди, обязанные охранять свободу друг друга; обладая равными личными правами, — ни сахем, ни военачальник не претендуют ни на какие преимущества; они составляют братство, соединенное кровными узами. Свобода, равенство, братство, хотя это никогда не было сформулировано, были основными принципами рода, а род, в свою очередь, был единицей целой общественной системы, основой организованного индейского общества. Этим объясняется непреклонное чувство независимости и личного достоинства, которое каждый должен признать за индейцами».

Ко времени открытия Америки индейцы всей Северной Америки были организованы в роды на началах материнского права. Только у немногих племен, как, например, у дакота, роды пришли в упадок, а у некоторых других, каковы племена оджибва, омаха, они были организованы по отцовскому праву.

У очень многих индейских племен, насчитывающих более пяти или шести родов, мы встречаем организацию особых групп, по три, четыре и более родов в каждой; Морган называет такую группу фратрией (братством), точно передавая индейское название соответственно его греческому подобию. Так, у племени сенека — две фратрии; в первую входят роды 1—4, во вторую — роды 5—8. Более близкое ознакомление обнаруживает, что эти фратрии большей частью представляют первоначальные роды, на которые сперва распадалось племя; при запрещении браков внутри рода каждое племя по необходимости

должно было охватывать по крайней мере два рода, чтобы самостоятельно существовать. По мере размножения племени каждый род, в свою очередь, распался на два или более родов, которые теперь становились самостоятельными, тогда как первоначальный род, в который входят все дочерние роды, продолжает существовать как фратрия. У племени сенека и у большинства других индейцев роды одной фратрии считаются братскими родами, тогда как другие — двоюродными, — обозначения, имеющие в американской системе родства, как мы видели, весьма реальное и выразительное значение. Первоначально ни один сенека не мог жениться внутри своей фратрии, но этот обычай уже давно потерял свое значение и ограничивается только родом. Согласно существующему у племени сенека преданию, первоначальными родами, от которых произошли другие, были роды «медведь» и «олень». После того как укоренилось это новое установление, оно видоизменялось в зависимости от потребности; если вымирали роды одной фратрии, то нередко для пополнения в нее переводились целые роды из других фратрий. Поэтому мы у различных племен находим роды с одинаковыми названиями, различно группирующиеся во фратриях.

Функции фратрии у ирокезов — отчасти общественного, отчасти религиозного порядка. 1) В игре в мяч фратрии выступают одна против другой; каждая выдвигает своих лучших игроков, остальные следят за игрой, разбившись по фратриям, и держат пари за победы своих игроков. 2) В совете племени сахемы и военачальники каждой фратрии сидят вместе, одна группа против другой, каждый оратор говорит, обращаясь к представителям каждой фратрии как к особой корпорации. 3) Если в племени случалось убийство, причем убийца и убитый принадлежали не к одной и той же фратрии,

то пострадавший род часто апеллировал к своим братским родам; они созывали тогда совет фратрии и обращались к другой фратрии как к целому, чтобы та, в свою очередь, собрала свой совет для миролюбивого улажения дела. Здесь, таким образом, фратрия снова выступает как первоначальный род— и с большей надеждой на успех, чем более слабый отдельный род, от нее происшедший. 4) В случае смерти выдающихся лиц претивоположная фратрия брала на себя организацию похорон и похоронных торжеств, тогда как члены фратрии умершего участвовали в похоронах в качестве скорбящих близких покойника. Когда умирал сахем, противоположная фратрия доводила до сведения союзного совета ирокезов об освобождении должности. 5) При выборах сахема также выступал на сцену совет фратрии. Утверждение выбора братскими родами считалось как бы само собою разумеющимся, но роды другой фратрии могли представлять возражения. В таком случае собирался совет этой фратрии; если он поддерживал протест, выборы признавались недействительными. 6) Раньше у ирокезов существовали особые религиозные мистерии, названные белыми *medicine-lodges* [ложи колдунов]. Эти мистерии у племени сенека устраивались двумя религиозными братствами, которые обставляли прием новых членов особым церемониалом посвящения; на каждую из обеих фратрий приходилось по одному такому братству. 7) Если, что почти несомненно, четыре *linages* [рода], населявшие ко времени завоевания Америки четыре квартала Тласкалы¹, были четырьмя фратриями, то это доказывает, что фратрии, как у греков, и подобные же родовые союзы у германцев имели также значение военных единиц; эти четыре *linages* выступали в бой, каждая

¹ Область и город старой Мексики. — *Ред.*

отдельным строем, в особой форме и с собственным знаменем, под начальством собственного вождя.

Как несколько родов образуют фратрию, так несколько фратрий, в классической форме родового строя, образуют племя; в некоторых случаях у значительно ослабленных племен недостает среднего звена — фратрии. Какие же черты отличают отдельное индейское племя в Америке?

1. Собственная территория и собственное имя. Каждое племя владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой последней лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до владений ближайшего племени; у племен с родственными языками эта полоса была уже; у племен, чуждых друг другу по языку, — шире. Эта полоса — то же самое, что пограничный лес германцев, пустыня, которую создали вокруг своей территории свевы Цезаря; это то же, что между датчанами и германцами *isarnholt* (по-датски — *jarnved*, *limes Danicus*), между германцами и славянами — саксонский лес и *braniobor* (по-славянски «защитный лес»), от которого получил свое название Бранденбург¹. Область, отделенная такого рода не совсем определенными границами, составляла общую землю племени, признавалась таковою соседними племенами, им самим защищалась от захватов. Неопределенность границ большей частью оказывалась практически неудобной только тогда, когда население сильно разрасталось. — Название племени, повидимому, в большинстве случаев скорее возникало случайно, чем сознательно выбиралось; с течением времени часто случалось, что соседние племена давали племени имя, отличное от того, которым называло себя

¹ Область в Пруссии. — *Ред.*

само племя, подобно тому как немцам их первое историческое общее название «германцы» дали кельты.

2. Особый, свойственный лишь этому племени *диалект*. В действительности племя и диалект по существу совпадают; новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось в настоящее время. Там, где два ослабевших племени сливаются в одно, бывает, что в виде исключения в одном и том же племени говорят на двух близких родственных диалектах. Средняя численность американских племен ниже 2 000 душ; однако племя ирокезов насчитывает 26 000 душ — наибольшее в Соединенных Штатах число индейцев, говорящих на одном диалекте.

3. Право торжественно вводить в должность избранных родами сахемов и военачальников.

4. Право смещать их, даже против желания их рода. Так как эти сахемы и военачальники состоят членами племенного совета, то эти права племени по отношению к ним объясняются сами собою. Там, где образовался союз племен и все вошедшие в него племена представлены в союзном совете, указанные права переходят к последнему.

5. Общие религиозные представления (мифология) и обряды культа. «Индейцы на свой варварский манер были религиозным народом». Их мифология до сих пор еще критически далеко не изучена; свои религиозные представления — всякого рода духов — они уже воплощали в человеческом образе, но низшая ступень варварства, на которой они находились, не знает еще осязательных изображений, так называемых идолов. То был культ природы и стихий, находившийся на пути развития к многобожию. Различные племена имели свои регулярные празднества с определен-

ными формами культа, а именно, танцами и играми; танцы в особенности были существенной составной частью всех религиозных торжеств; каждое племя справляло свои празднества отдельно.

6. Совет племени для обсуждения общих дел. Он состоял из всех сахемов и военачальников отдельных родов, их подлинных представителей, потому что они в любое время могли быть смещены; он заседал публично, окруженный прочими членами племени, которые имели право участвовать в прениях и быть заслушанными; решение выносил совет. Как правило, каждый присутствующий мог, по желанию, высказаться, женщины также могли представлять свои соображения через уполномоченного ими оратора. У ирокезов для окончательного решения требовалось единогласие, как это было и в германских сельских общинах (мэрках) при решении некоторых вопросов. В круг ведения племенного совета входило регулирование отношений к другим племенам; он принимал и отправлял посольства, объявлял войну и заключал мир. Если дело доходило до войны, то в ней в большинстве случаев участвовали лишь добровольцы. В принципе каждое племя считалось состоящим в войне со всяким другим племенем, с которым оно не заключало специального мирного договора. Военные выступления против таких врагов организовывались большей частью отдельными выдающимися воинами; они устраивали военный танец, и всякий, принявший в нем участие, заявлял тем самым о своем участии в походе. Отряд немедленно организовывался и выступал. Защита подвергшейся нападению племенной области также большей частью осуществлялась дружинами добровольцев. Выступление в поход и возвращение из похода таких дружин всегда служили поводом для общественных торжеств. Соголасия племенного совета на такие походы не тре-

бывалось, его не испрашивали и не давали. Это те же частные походы германских дружин, как их нам рисует Тацит, только у германцев дружины уже приобрели более постоянный характер, составляли устойчивое ядро, которое организуется уже в мирное время и вокруг которого в случае войны группируются остальные добровольцы. Такие военные дружины редко бывали многочисленны; самые значительные экспедиции индейцев, даже на большие расстояния, совершались с незначительными боевыми силами. Когда несколько таких дружин соединялось для какого-нибудь крупного предприятия, каждая из них подчинялась только своему собственному вождю; единство плана похода так или иначе обеспечивалось советом вождей. Таков же был способ ведения войны аламаннов [алеманнов] в IV веке в верхнем течении Рейна, согласно описанию Аммиана Марцеллина.

7. У некоторых племен мы встречаем верховного вождя (Oberhäuptling), полномочия которого, однако, весьма невелики. То был один из сахемов, который в случаях, требующих немедленного действия, временно принимает соответствующие меры до того, как соберется совет и примет окончательное решение. Тут мы видим слабый, но в дальнейшем развитии остававшийся большей частью бесплодным, зачаток должности с исполнительной властью; последняя, наоборот, как мы увидим, в большинстве случаев, если не везде, развилась из должности верховного военачальника (oberster Heerführer).

Дальше объединения в племя значительное большинство американских индейцев не пошло. Немногочисленные племена их, отделенные друг от друга обширными пограничными полосами, ослабленные вечными войнами, занимали небольшим числом людей громадное пространство. Союзы между родственными племенами заключались местами в

случае временной нужды и с ее устранением распадалась. Но в отдельных местностях первоначально родственные, но разобщенные племена вновь сплачивались в длительные союзы, делая таким образом первый шаг к образованию наций. В Соединенных Штатах мы встречаем наиболее развитую форму такого союза у ирокезов. Выйдя из мест своего поселения к западу от Миссисипи, где они, вероятно, составляли ветвь большой родственной группы дакота, они после долгих странствований осели в нынешнем штате Нью-Йорк, разделившись на пять племен: сенека, кайюга, онеондага, онейда и могаук. Они занимались рыбной ловлей, охотой и примитивным огородничеством; жили в деревнях, большей частью защищенных частоколами. Число их никогда не превышало 20 000 человек; во всех пяти племенах было несколько общих родов; они говорили на родственных диалектах одного и того же языка и населяли сплошную область, которая была поделена между пятью племенами. Так как область эта была вновь завоевана, то естественным являлось вошедшее в обычай сплочение этих племен против племен, вытесненных ими. Самое позднее в начале XV столетия развился, таким образом, подлинный «вечный союз», федерация, которая в сознании приобретенной ею силы немедленно приняла наступательный характер и на вершине своего могущества, около 1675 г., завоевала окружавшие ее значительные пространства, частью прогнав, частью обложив данью их население. Союз ирокезов представляет самую развитую общественную организацию, какую только создали индейцы, поскольку они не переступали низшую ступень варварства (следовательно, исключая мексиканцев, новомексиканцев и перуанцев). Основные черты союза были таковы:

1. Вечный союз пяти кровнородственных племен на основе полного равенства и самостоятельности

во всех внутренних делах племени. Это кровное родство составляло действительную основу союза. Три из пяти племен назывались отцовскими и были между собой братьями; два других назывались сыновними племенами и также были братскими племенами между собой. Три рода — старшие — были еще представлены живыми членами во всех пяти племенах, три других рода — в трех племенах; члены каждого из этих родов считались все братьями во всех пяти племенах. Общий язык, различавшийся только диалектами, был выражением и доказательством общего происхождения.

2. Органом союза был союзный совет, состоявший из 50 сахемов, равных по положению и почету; этот совет выносил окончательные решения по всем делам союза.

3. Эти 50 сахемов были при учреждении союза распределены по племенам и родам в качестве носителей новых должностей, специально учрежденных для целей союза. При освобождении должности соответствующие роды выбирали заместителя, которого могли во всякое время сместить; но право утверждения в должности принадлежало союзному совету.

4. Эти союзные сахемы были также сахемами своих племен и обладали правом участия и голоса в племенном совете.

5. Все постановления союзного совета должны были приниматься единогласно.

6. Голосование производилось по племенам, так что каждое племя и в каждом племени все члены совета должны были одинаково голосовать, чтобы решение считалось действительным.

7. Каждый из пяти племенных советов мог созвать союзный совет, тогда как последний не мог собраться по собственному почину.

8. Заседания происходили перед собравшимся на-

родом; каждый прокез мог взять слово; решение выносил только совет.

9. В союзе не было такого лица, которое стояло бы во главе исполнительной власти.

10. Но союз имел двух верховных военачальников с равными полномочиями и равной властью (два «царя» спартанцев, два консула в Риме).

Таков был общественный строй, при котором прокезы прожили свыше 400 лет и еще живут до сих пор. Я подробно описал этот строй, следуя Моргану, так как здесь мы имеем возможность изучить организацию общества, еще не знающего *государства*. Государство предполагает особую общественную власть, отделенную от всей массы составляющих его членов. Поэтому Маурер, который, руководствуясь верным чутьем, признает германскую марку чисто общественным учреждением, существенно отличным от государства, хотя большей частью и служившим позже основой для последнего, — Маурер во всех своих работах исследует постепенное возникновение общественной власти из первоначальной организации марки, деревни, поместья и города и рядом с ней. На северо-американских индейцах мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному матерiku, как племена, разделяясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только непонятными один для другого, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства, как наряду с этим внутри племен отдельные роды распадаются на несколько родов, старые первоначальные роды (*Muttergentes*) сохраняются в виде фратрий, а названия этих старейших родов остаются все же одинаковыми у отдаленных и давно отделившихся друг от друга племен — «волк» и «медведь» остаются родовыми названиями еще у большинства всех индейских племен. И для всех них

в общем и целом подходящим является вышеописанный общественный строй, — только многие из них не дошли до союза родственных племен.

Но мы видим также, что раз в качестве основной общественной ячейки дан род, то почти с непреодолимой необходимостью (потому, что это вполне естественно) развивается из этой ячейки вся структура родов, фратрий и племени. Все три группы представляют различные степени кровного родства, причем каждая из них замкнута в себе и сама управляет своими делами, но служит также дополнением для другой. Круг дел, подлежащих их ведению, охватывает всю совокупность общественных дел варвара, стоящего на низшей ступени. Поэтому, встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы можем искать у него и организации племени, подобной той, которая здесь описана; и там, где есть достаточно источников, как у греков и римлян, мы не только найдем ее, но и убедимся, что при отсутствии источников все труднейшие, сомнительные случаи и загадки нам объяснят сравнение с американским общественным устройством.

И какая чудесная организация этот родовой строй при всей ее наивной простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов и судей, без тюрем, без процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и недоразумения разрешаются коллективом тех, кого они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собою; только как крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть; наша смертная казнь представляет только ее цивилизованную форму со всеми положительными и отрицательными сторонами цивилизации. Хотя общих дел существует гораздо больше, чем в настоящее время, домашнее хозяйство

ведется у ряда семейств сообща и коммунистически, земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам, — тем не менее у них и следа нет нашего широко разветвленного и сложного аппарата управления. Участники решают, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, не исключая женщин. Для рабов еще нет места; как правило, нет его и для порабощения чужих племен. Когда ирокезы около 1651 г. победили племя ири и «нейтральную нацию», они предложили им вступить полноправными членами в свой союз; только после того как побежденные отказались от этого, они были прогнаны из своей области. А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывает восхищение всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, перед чувством собственного достоинства, прямодушием, силой характера и храбростью этих варваров.

Примеры этой храбрости мы видели совсем недавно в Африке. Кафры-зулусы несколько лет тому назад, как и нубийцы несколько месяцев назад¹, — племена, у которых родовые учреждения еще не исчезли, — сделали то, чего не может выполнить ни одно европейское войско. Вооруженные только копьями и дротиками, не имея огнестрельного оружия, они под градом пуль скорострельных ружей английской пехоты, — по общему призна-

¹ Речь идет о войне Англии против африканских зулусов в 1879 г и о подавлении Англией в 1882 г. национального движения в Египте. — *Ред.*

нию, первой в мире в сомкнутом строю, — доводили дело до штыкового боя, не раз расстраивали ее ряды и даже опрокидывали, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении, несмотря на то, что они не отбывают воинской повинности и не знают, что такое военное обучение. О том, что в состоянии они выдержать и выполнить, свидетельствует жалоба англичан, что кафр в сутки проходит больше, чем лошадь, и быстрее ее. «У него выделяется мельчайший мускул, крепкий и закаленный, как сталь», — говорит один английский художник.

Так выглядели люди и человеческое общество до того, как произошло разделение на различные классы. И если мы сравним их положение с положением громадного большинства современных цивилизованных людей, то разница между нынешним пролетарием или крестьянином и древним свободным членом рода окажется огромной.

Это одна сторона дела. Но не забудем, что эта организация была обречена на гибель. Дальше племени она не пошла; союз племен означает уже начало ее разрушения, как мы это увидим и как это уже сказалось в попытках ирокезов поработать другие племена. Все, что было вне племени, было вне закона. При отсутствии определенного мирного договора царила война между племенами, и эта война велась с жестокостью, которая отличает человека от остальных животных и которая только впоследствии несколько смягчилась, поскольку этого потребовали интересы. Родовой строй, находившийся в полном расцвете, как мы наблюдали его в Америке, предполагал крайне неразвитое производство, следовательно, крайне редкое население на обширном пространстве, следовательно, почти полное подчинение человека чуждой, противостоящей ему, непонятной внешней природе, что и находит свое отражение в наивных религиозных представлениях.

Племя оставалось границей человека как по отношению к чужаку из другого племени, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. Как ни импонируют нам люди этой эпохи, они, тем не менее, совсем не отличаются друг от друга, не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытного общества. Власть этого первобытного общества должна была быть сломлена — и была сломлена. Но она была сломлена под такими влияниями, которые с самого начала оказываются регрессом, упадком, грехопадением с простой моральной высоты старого родового строя. Самые низменные интересы — пошлая жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния — являются восприимчивыми для нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, обман, измена — подкапывают старый бесклассовый родовой строй и приводят его к падению. А само новое общество за все время своего существования в течение целых двух с половиной тысяч лет всегда было только развитием небольшого меньшинства за счет эксплуатируемого и угнетенного громадного большинства, и теперешнее общество остается таким же в еще большей степени, чем когда бы то ни было прежде.

IV. ГРЕЧЕСКИЙ РОД

Греки, подобно пелазгам и другим соплеменным народам, уже в доисторическое время были организованы сообразно той же органической последовательности, что и американцы: род, фратрия, племя, союз племен. Фратрии могло не быть, как у дорян, союз племен мог возникнуть не везде, но во всех случаях основной ячейкой был род. К моменту своего появления на исторической арене греки стояли на пороге цивилизации; между ними и американскими племенами, о которых была речь выше, лежат почти целых два больших периода развития, на которые греки героической эпохи опередили ирокезов. Род греков поэтому уже отнюдь не архаический род ирокезов, печать группового брака начинает заметно стираться. Материнское право уступило место отцовскому; с помощью этого последнего возникающее частное богатство пробивает первую брешь в родовом строе. Вторая брешь была естественным следствием первой: так как после введения отцовского права имущество богатой наследницы переходило бы при ее замужестве к ее мужу, следовательно, в другой род, то сломали основу всего родового права и не только допустили, но и сделали для такого случая *обязательным*, чтобы девушка выходила замуж внутри своего рода в интересах сохранения за последним ее имущества.

Согласно греческой истории Грота, афинский род, в частности, покоился на следующих основаниях:

1. Общие религиозные празднества и исключительное право совершать священные обряды в честь определенного бога, предполагаемого родоначальника рода, который в качестве такового обозначался особым прозвищем.

2. Общее место погребения (ср. «Эвбулид» Демосфена).

3. Право взаимного наследования.

4. Взаимная обязанность оказывать друг другу в случае насилия помощь, защиту и поддержку.

5. Взаимное право и обязанность в известных случаях вступать в брак внутри рода, особенно когда дело касалось девушек-сирот или наследниц.

6. Владение, по крайней мере в некоторых случаях, общим имуществом с собственным архонтом (старшиной) и казначеем.

Затем несколько родов объединялись во фратрию, но менее тесными узами; однако и здесь мы видим подобного же рода взаимные права и обязанности, в особенности совместное отправление определенных религиозных церемоний и право преследования в случае убийства члена фратрии. Все фратрии одного племени имели, в свою очередь, общепе, регулярно повторявшиеся священные празднества под председательством избранного из среды благородных (эвпатридов) филобазилевса (племенного старшины).

Так говорит Грот. Маркс замечает по этому поводу: «Сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь (например, прокез)». Его можно будет разглядеть еще лучше, если мы продолжим наше исследование.

В самом деле, греческому роду свойственны еще следующие черты:

7. Происхождение считается по отцовскому праву.

8. Запрещение браков внутри рода, кроме бра-

ков с наследницами. Это исключение и его формулировка в качестве закона подтверждают, что старое правило было еще в силе. Это вытекает также из общеобязательного правила, что женщина, выходя замуж, отказывалась от участия в религиозных обрядах своего рода и переходила к обрядам мужа, во фратрию которого она и зачислялась. Согласно этому и известному месту у Дикеарха, брак вне своего рода был правилом, а Беккер в «Харикле» прямо считает, что никто не мог вступать в брак внутри своего рода.

9. Право усыновления родом; оно осуществлялось посредством усыновления семей, но с соблюдением публичных формальностей, и только в виде исключения.

10. Право набирать и смещать старшин. Мы знаем, что каждый род имел своего архонта. Что эта должность переходила по наследству в определенных семьях, об этом не говорится нигде. До конца варварства всегда надо предполагать отсутствие строгой наследственности, совершенно несовместимой с порядком, при котором богатые и бедные внутри рода пользовались полным равноправием.

Не только Грот, но и Нибур, Моммзен и все другие историки классической древности не справились с вопросом о роде. Как ни верно обрисовали они многие его признаки, они всегда видели в нем *группу семей* и в силу этого не могли понять природу и происхождение рода. При родовом строе семья никогда не была и не могла быть организационной единицей, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам. Род целиком входил во фратрию, фратрия — в племя; семья входила наполовину в род мужа и наполовину в род жены. Государство в своем публичном праве также не признает семьи, и она до сих пор существует только в гражданском праве. И, несмотря на все это,

вся наша историческая наука исходит до сих пор из целого предположения, ставшего неоспоримым, особенно в XVIII веке, что моногамная индивидуальная семья, которая едва ли древнее периода цивилизации, была тем ядром, вокруг которого постепенно кристаллизовалось общество и государство.

«Г-ну Гроту следует далее заметить, — прибавляет Маркс, — что, хотя греки и выводят свои роды из мифологии, эти роды древнее, чем созданная ими самими мифология с ее богами и полубогами».

Морган любит ссылаться на Грота, так как он авторитетный и все же вполне заслуживающий доверия свидетель. Грот рассказывает далее, что каждый афинский род носил имя, перешедшее к нему от его предполагаемого родоначальника, что до Солона во всех случаях, а после Солона при отсутствии завещания сородичи (*gennêtes*) умершего наследовали его имущество и что в случае убийства преследование преступника перед судом было правом и обязанностью в первую очередь ближайших родных, затем остальных сородичей и, наконец, членов фратрии убитого: «Все, что мы знаем о древнейших афинских законах, основано на подразделении на роды и фратрии».

Происхождение родов от общих предков доставило «ученым филистерам» (*Маркс*) головоломную работу. Считая, разумеется, этих предков чистым мифом, они просто никак не могут объяснить себе происхождение рода из семей, существующих друг подле друга, первоначально даже не родственных между собою, а между тем им приходится справиться с этим, чтобы только объяснить существование рода. Из заколдованного круга своего пустословия они не могут уйти дальше положения: родословная, конечно, — миф, но род существует в действительности, и, в конце концов, у Грота получается следующее (в скобках — вставки Маркса): «Об этой

родословной мы слышим лишь изредка, потому что о ней публично упоминают только в известных, особенно торжественных случаях. Но и менее значительные роды имели общие религиозные обряды (странное дело, г. Грот!), и общего сверхчеловеческого родоначальника, и общую родословную совершенно так же, как и роды, пользующиеся большей известностью (как все это странно, г. Грот, у *менее значительных* родов!); основной план и идейная основа (милостивый государь, *не идейная*, а карнальная, попросту — *плотская!*) были одинаковы у всех родов».

Ответ Моргана на этот вопрос Марке резюмирует в следующих словах: «Система кровного родства, соответствующая роду в его первобытной форме, — а у греков, как и у других смертных, была когда-то такая форма, — обеспечивала знание родственных отношений всех членов родов друг к другу. Они с детских лет на практике усваивали эти чрезвычайно важные для них сведения. С возникновением многоамной семьи это забылось. Родовое имя создало родословную, наряду с которой представлялась лишенной значения родословная отдельной семьи. Это родовое имя теперь свидетельствовало о факте общего происхождения его носителей; но родословная рода уходила так далеко в глубь времен, что его члены не могли уже точно устанавливать степень своего действительного родства, за исключением немногочисленных случаев, когда имелись более поздние общие предки. Самое имя было доказательством общего происхождения, и доказательством бесспорным, не считая случаев усыновления. Напротив, фактическое отрицание всякого родства между членами рода, как это делают Грот и Нибур, превращающие род в продукт чистого вымысла и поэтического творчества, достойно только «идеальных», т. е. чисто кабинетных ученых. Вследствие

того, что связь поколений, особенно с возникновением моногамии, уходит в глубь времен и минувшая действительность находит свое отражение в фантастических творениях мифологии, благонамеренные филистеры приходили и приходят к выводу, что фантастическая родословная создавала действительные роды».

Фратрия, как и у американцев, была первоначальным родом, объединяющим несколько выделившихся из него дочерних родов, и часто еще все их выводила от общего родоначальника. Так, по Гроту, «все современники, члены фратрии Гекатея, признавали одного и того же бога своим родоначальником в шестнадцатом колене»; все роды этой фратрии были поэтому буквально братскими родами. Фратрия встречается еще у Гомера в качестве военной единицы в знаменитом месте, где Нестор советует Агамемнону: «Построй людей по племенам и фратриям так, чтобы фратрия помогала фратрии, племя племени». Фратрия, кроме того, имела право и была обязана преследовать за убийство члена фратрии; следовательно, в более раннюю эпоху на ней лежала также обязанность кровной мести. У нее, далее, были общие святыни и празднества, и развитие всей греческой мифологии из принесенного ею с собой древне-арийского культа природы в основном обязано родам и фратриям, и внутри их это развитие продолжалось. Далее, фратрия имела старшину (фратриарха) и, согласно де-Куланжу, общие собрания, принимала обязательные решения, обладала судебной и административной властью. Даже позднейшее государство, игнорировавшее род, оставило за фратрией некоторые общественные функции административного характера.

Несколько родственных фратрий образуют племя. В Аттике было четыре племени; в каждом племени — по три фратрии и в каждой фратрии — по тридцати

родов. Такое точное определение группы предполагает сознательное и планомерное вмешательство в естественно создавшийся порядок вещей. Как, когда и почему это произошло, — об этом умалчивает греческая история, о которой и у самих греков не сохранилось воспоминаний, шедших в глубь времен далее героической эпохи.

Различия в диалектах у греков, тесно расположившихся на сравнительно небольшой территории, развились гораздо меньше, чем в обширных американских лесах; однако и здесь мы видим, что в одно большое целое соединились лишь племена с одинаковым основным наречием, и даже в маленькой Аттике встречаем особый диалект, который впоследствии приобрел господство в качестве общего языка для всей греческой прозы.

В поэмах Гомера мы находим греческие племена в большинстве случаев уже объединенными в небольшие народности, внутри которых, однако, еще вполне сохраняют свою самостоятельность роды, фратрии и племена. Они жили уже в городах, укрепленных стенами; численность населения возрастала вместе с ростом стад, расширением земледелия и появлением ремесла; вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и аристократический элемент внутри древней первобытной демократии. Отдельные народцы вели непрерывные войны из-за лучших земельных участков и военной добычи; рабство военнопленных было уже признанным учреждением.

Общественный строй этих племен и народцев был следующий:

1. Постоянным органом власти был *совет*, *bulê*, первоначально, повидимому, состоявший из старшин родов, позднее же, когда число их слишком возросло, — из особых избранных, которые и послужили основой для образования и укрепления

аристократического элемента; так именно и Дионисий изображает нам совет героической эпохи состоящим из знатных (*kratistoi*). В важных вопросах совет принимает окончательные решения; так, например, у Эсхила фиванский совет принимает постановление, которое при данных обстоятельствах имеет решающее значение, постановление устроить Этеоклу почетные похороны, а труп Полиника выбросить на съедение собакам. Впоследствии, когда было создано государство, этот совет превратился в сенат.

2. *Народное собрание* (*agora*). У ирокезов мы видели, что народ, мужчины и женщины, окружают собрание совета и, в установленном порядке участвуя в обсуждении, влияют таким образом на его решения. У гомеровских греков этот «Umstand» [стоящие вокруг люди], употребляя древне-германское судебное выражение, развился уже в настоящее народное собрание, как это имело место также у древних германцев. Оно созывалось советом для решения важных вопросов; каждый мужчина мог брать слово. Решение принималось поднятием рук (у Эсхила в «Молящих защиты») или криком. Собранию принадлежала в последней инстанции верховная власть, ибо, как говорит Шёман («Греческие древности»), «когда идет речь о деле, для выполнения которого требуется участие народа, Гомер не указывает нам никакого способа, которым можно было бы принудить к этому народ против его воли». Ведь в это время, когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа общественной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена. Первобытная демократия находилась еще в полном расцвете, и из этого мы должны исходить при суждении о власти и роли как совета, так и базилевса.

3. *Военачальник* (*Basileus*). Маркс замечает по

этому поводу: «Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают базилевса в монарха в современном смысле слова. Против этого протестует республиканец-янки Морган. Он говорит с иронией, но вполне справедливо о елейном г. Гладстоне и его «Juventus Mundi» [«Юности Мира»]: «Г-н Гладстон изображает нам греческих предводителей героической эпохи в виде королей и князей, добавляя в придачу, что они были также джентльменами; но он сам должен признать, что обычай или право первородства мы находим у них как будто достаточно, но не слишком отчетливо выраженным». Надо полагать, что право первородства с такими оговорками самому г. Гладстону покажется достаточно, хотя и не слишком отчетливо, лишенным всякого значения.

Мы видели уже, как обстояло дело с наследственностью должностей старшин у ирокезов и других индейцев. Все должности были выборными в большинстве случаев внутри рода и постольку были наследственными в пределах рода. При замещении освободившихся должностей стали мало-помалу отдавать предпочтение ближайшему сородичу — брату или сыну сестры, если не было причин обойти его. Поэтому, если у греков при господстве отцовского права должность базилевса обычно переходила к сыну или к одному из сыновей, то это лишь доказывает, что сыновья могли рассчитывать на наследование в силу народного избрания, но отнюдь не служит доказательством законного наследования помимо такого избрания. В данном случае мы находим у ирокезов и греков первый зародыш особых знатных семей внутри рода, а у греков к тому же еще и первый зародыш будущего наследственного предводительства, или монархии. Поэтому следует предположить, что у греков базилевс или избирался народом, или же должен был утверждаться его при-

знанными органами — советом или агорой, как это практиковалось по отношению к римскому «царю» (rex).

В «Илиаде» «владыка мужей» Агамемнон выступает не как верховный царь греков, а как верховный вождь союзного войска перед осажденным городом. На это его положение указывает в известном месте Одиссей, когда среди греков возникли раздоры: Нехорошо многовластие, один должен быть вождем и т. д. (далее еще излюбленный, позднее добавленный стих с упоминанием о скипетре). «Одиссей не читает здесь лекции о форме правления, а требует повиновения верховному вождю на войне. У греков, которые под Троей представляли из себя только войско, на собрании (агора) царят довольно демократические порядки: Ахиллес, говоря о подарках, т. е. о дележе добычи, эту задачу всегда возлагает не на Агамемнона или какого-нибудь другого базилевса, но на «сынов ахейн», т. е. на народ. Эпитеты: «Зевсом рожденный», «Зевсом вскормленный», ничего не доказывают, так как *каждый* род ведет свое происхождение от одного из богов, а род главы племени уже от «более благородного» бога, в данном случае — от Зевса. Даже лично несвободные, как, например, свинопас Эвмей, являются «божественными» (dīoi и theiōi), и это в «Одиссее», следовательно, значительно позднее, чем время «Илиады». В той же «Одиссее» название «герой» дается еще герольду Милию, так же как и слепому певцу Демодокку. Одним словом, выражение basileia, которое греческие писатели употребляют для обозначения гомеровского так называемого царства (потому что его главный отличительный признак — военное предводительство), наряду с советом и народным собранием, означает только военную демократию» (Маркс).

У базилевса, помимо военных, были еще жреческие и судейские полномочия; последние не были

точно определены, первые были присвоены ему как верховному представителю племени или союза племен. О полномочиях по гражданскому управлению никогда нет и речи, но, повидимому, базилевс по должности состоял членом совета. Таким образом, этимологически совершенно правильно переводить слово «базилевс» немецким словом «König» (kuning), так как слово «König» происходит от Kuni, Künne и означает «старшина рода». Но современному значению слова «король» древнегреческое «базилевс» совершенно не соответствует. Фукидид определенно называет древнюю *basileia* — *patrikê*, т. е. происходящей от родов, и говорит, что она обладала точно установленными, следовательно, ограниченными полномочиями. И Аристотель говорит, что *basileia* героической эпохи была предводительством над свободными, а базилевс был военачальником, судьей и верховным жрецом; правительственной властью в позднейшем смысле он поэтому не обладал¹.

Мы видим, таким образом, в греческом общественном строе героической эпохи еще в полной силе древнюю родовую организацию, но, вместе с тем, и начало ее разрушения: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствует накоплению богатств в семье и усиливает семью в проти-

¹ Как греческого базилевса, так и ацтекского военачальника подменяли современным владетельным князем. Морган впервые подвергает исторической критике первоначально основанные на недоразумении и преувеличенные, а затем и прямо лживые сообщения испанцев и доказывает, что мексиканцы стояли на средней ступени варварства, но несколько опередили в своем развитии новомексиканских индейцев пуэбло, и что их общественный строй, насколько можно заключить по искаженным сообщениям, соответствовал следующему: союз трех племен, подчинивший себе и обязавший данью несколько других племен и управлявшийся союзным советом и союзным военным вождем, которого испанцы превратили в «императора».

вовес роду; влияние имущественных различий на общественный строй путем образования первых начатков наследственного дворянства и монархии; рабство, сперва одних только военнопленных, но уже подготавливающее возможность порабощения собственных соплеменников и даже сородичей; совершающееся уже вырождение былой войны между племенами в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение ее в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств. Недоставало только одного: учреждения, которое обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц не только от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного призывания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, следовательно, и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатства; не хватало учреждения, которое увековечивало бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последними.

И такое учреждение появилось. Было изобретено *государство*.

V. ВОЗНИКНОВЕНИЕ АФИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

В древних Афинах мы лучше всего можем проследить, по крайней мере для начальной стадии, как развилось государство, частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их и внедряя на их место новые органы и, наконец, полностью заменяя их настоящими органами государственной власти. При этом место подлинного «вооруженного народа», создающего себе защиту в своих родах, фратриях и племенах, заняла вооруженная «общественная власть», подчиненная этим государственным органам, а следовательно, применимая и против народа. Смена форм в основном изображена Морганом, экономическое содержание, порождающее эту смену форм, приходится мне большей частью добавлять.

В героическую эпоху четыре племени афинян занимали еще отдельные области Аттики; даже составлявшие их двенадцать фратрий, повидимому, жили отдельно в двенадцати городах Кекропса. Общественный строй был тот же, что и в героическую эпоху: народное собрание, народный совет, базилевс. Насколько помнит писанная история, земля была уже поделена и перешла в частную собственность, как это и свойственно товарному произ-

водству, сравнительно уже развитому к концу вышней ступени варварства, и соответствующей ему торговле товарами. Наряду с хлебом производилось также вино и растительное масло; морская торговля по Эгейскому морю все более уходила из рук финикиян и попадала большею частью в руки аттических греков. Благодаря купле и продаже земельных участков, благодаря дальнейшему развитию разделения труда между земледелием и ремеслом, торговлей и судоходством члены родов, фратрий и племен должны были весьма скоро перемешаться; в округе фратрии и племени селились жители, которые, будучи соотечественниками, все же не принадлежали к этим группировкам, следовательно, были чужаками в своем собственном месте жительства. Ведь каждая фратрия и каждое племя в спокойные времена сами управляли своими делами, не обращаясь в Афины, к народному совету или базиликусу. Но те, кто жил на территории фратрии или племени, не принадлежа к ним, не могли, разумеется, принимать участия в этом управлении.

Это так нарушило нормальное функционирование органов родового строя, что уже в героическую эпоху потребовалось принять меры для устранения этого. Была введена приписываемая Тезею конституция. Перемена состояла прежде всего в том, что в Афинах было учреждено центральное управление, т. е. часть дел, до того находившихся в самостоятельном ведении племен, была объявлена имеющей общее значение и передана в ведение заседающего в Афинах общего совета. Благодаря этому нововведению афиняне продвинулись в своем развитии дальше, чем какой-либо из туземных народов Америки: вместо простого союза живущих рядом племен произошло их слияние в единый народ. В связи с этим возникло общее афинское народное право, стоявшее выше правовых обычаев отдельных племен и родов;

афинский гражданин получил также, как таковой, определенные права и новую правовую защиту и на той территории, где он был пришельцем из чужого племени. Но этим был сделан первый шаг к уничтожению родового строя, ибо это было первым шагом к тому, что позднее допускались граждане, являвшиеся чужестранцами во всей Аттике, целиком находившиеся и остававшиеся вне афинского родового строя. Второе, приписываемое Тезею, нововведение состояло в разделении всего народа, независимо от рода, фратрии или племени, на три класса: эвпатридов, или благородных, геоморов, или земледельцев, и демиургов, или ремесленников, и в предоставлении благородным исключительного права на замещение должностей. Впрочем, это подразделение, если не считать связанного с ним замещения должностей благородными, оставалось без последствий, так как оно, кроме этого, не установило никаких правовых различий между классами. Но оно имеет важное значение, так как обнаруживает перед нами новые, незаметно развивающиеся общественные элементы. Оно показывает, что вошедшее в обычай замещение родовых должностей членами определенных семей превратилось уже в мало оспариваемое право этих семей на общественные должности, что эти семьи, и без того могущественные благодаря своему богатству, начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс и что эти их притязания были освящены государством, которое еще только зарождалось. Оно, далее, показывает, что разделение труда между крестьянами и ремесленниками упрочилось настолько, что умалило общественное значение прежнего деления на роды и племена. Оно, наконец, провозглашает непримиримое противоречие между родовым обществом и государством; первая попытка образования государства стоит в разрыве родовых связей путем разделения

членов каждого рода на привилегированных и простых граждан, а последних, в свою очередь, на два класса соответственно их промыслу, и таким образом противопоставляет их один другому.

Дальнейшая политическая история Афин вплоть до Солона далеко не достаточно известна. Должность базилевса утратила свое значение; во главе государства стали избранные из среды благородных архонты. Власть благородных все более и более усиливалась, пока, приблизительно в 600 г. до нашего летосчисления, она не сделалась невыносимой. Главным средством для подавления народной свободы служили при этом деньги и ростовщичество. Главное местопребывание благородных было в Афинах и их окрестностях, где морская торговля, а вместе с ней морская разбой, все еще при случае практикуемый, обогащали их и сосредоточивали в их руках денежные богатства. Отсюда развивающееся денежное хозяйство проникало, точно разъедающая кислота, в основанный на натуральном хозяйстве исконный образ жизни сельских общин. Родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством; разорение мелких крестьян Аттики совпало с ослаблением охранявших их старых родовых уз. Долговая расписка и заклад земли (ипотеку афиняне уже изобрели) не считались ни с родом, ни с фратрией. А старый родовой строй не знал ни денег, ни задатков, ни денежных долгов. Поэтому все пышнее расцветавшее денежное господство благородных выработало также новое обычное право, для того чтобы обеспечить кредитора против должника, для того чтобы освятить эксплуатацию мелких крестьян владельцами денег. На полях Аттики всюду торчали столбы с надписями на них, в которых сообщалось, что данный участок заложен тому-то и тому-то за такую-то сумму денег. Поля, свободные от таких надписей, были уже большей частью проданы вслед-

ствие неуплаты в срок закладной суммы или процентов и перешли в собственность благородного ростовщика; крестьянин мог быть доволен, если ему позволяли оставаться на участке в качестве арендатора и жить на *шестую часть* продукта своего труда, уплачивая остальные *пять шестых* новому хозяину в виде арендной платы. Более того. Если сумма, вырученная при продаже участка, не покрывала долга или если заем не был обеспечен залогом, то должник *бынужден* был продавать своих детей за границу в рабство, чтобы расплатиться с кредитором. Продажа детей отцом — таков был первый плод отцовского права и моногамии! А если и в таком случае кровопийца не был вполне удовлетворен, он мог продать в рабство и самого должника. Такова была светлая заря цивилизации у афинского народа.

Прежде, когда условия жизни народа еще соответствовали родовому строю, такой переворот был невозможен; а теперь он совершился, и никто не знал, как он произошел. Вернемся на минуту к нашим ирокезам. Там было немыслимо положение, навязанное теперь афинянам, так сказать, без их участия и несомненно против их воли. Там остающийся из года в год неизменным способ добывания средств к жизни никогда не мог породить таких словно извне навязанных конфликтов, такого антагонизма между богатыми и бедными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Ирокезы были еще весьма далеки от власти над природой, но в известных, доступных для них границах они были господами своего производства. Если не считать неурожая на их небольших огородах, истощения рыбных запасов в их озерах и реках и исчезновения дичи в их лесах, они знали заранее, на что могут рассчитывать при своем способе добывания средств к жизни. Они знали, что получают средства к существованию — когда в скудном объеме, когда в изобилии; но непредви-

денные общественные перевороты были тогда невозможны, невозможны были разрывы родовых связей, разделение сородичей и соплеменников на противоположные, борющиеся друг с другом классы. Производство вращалось в самых узких рамках, но продукт находился целиком во власти производителей. Это было громадным преимуществом варварского производства, преимуществом, которое с появлением цивилизации было утрачено. Задачей ближайших поколений будет обратное завоевание его, но уже на основе ныне приобретенного могучего господства человека над природой и на основе ставшего теперь возможным свободного товарищества (*freien Association*).

Иначе обстояло дело у греков. Появившаяся частная собственность на стада и роскошную утварь вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в *товары*. И в этом — зародыш всего последующего переворота. Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже не знали, что станется с продуктом. Возникла возможность воспользоваться продуктом против производителя, для его эксплуатации и угнетения. Поэтому ни одно общество не может сохранить надолго власть над своим собственным производством и контроль над социальными последствиями своего процесса производства, если оно не уничтожит обмена между отдельными лицами.

Как быстро после возникновения обмена между отдельными людьми и вместе с превращением продуктов в товары начинает проявляться власть продукта над его производителем — это афинянам пришлось испытать на собственном опыте. Вместе с товарным производством появилась обработка земл. и отдельными лицами за собственный счет, а вскоре

затем и земельная собственность отдельных лиц. Потом появились деньги, всеобщий товар, на который обменивались все другие товары. Но, изобретая деньги, люди не подозревали, что они вместе с тем создают новую общественную силу, единую, имеющую всеобщее значение, силу, перед которой должно будет склониться все общество. И эта новая сила, внезапно возникшая без ведома и против воли своих собственных творцов, дала почувствовать свое господство афинянам со всей грубостью своей молодости.

Что было делать? Древний родовой строй не только оказался бессильным против победного шествия денег, он был также абсолютно неспособен найти в своих пределах хотя бы место для таких вещей, как деньги, кредиторы и должники, принудительное взыскание долгов. Но новая общественная сила существовала, и благочестивые пожелания, стремления вернуть доброе старое время были не в состоянии сжить со света ни денег, ни ростовщичества. Сверх того, в родовом строе был пробит ряд других второстепенных брешей. От поколения к поколению все больше перемешивались между собою члены различных родов и фратрий по всей территории Аттики и особенно в самом городе Афинах, хотя и теперь еще афинянин мог, правда, продавать нечленам своего рода земельные участки, но не свое жилище. С дальнейшим развитием промышленности и торговых сношений все полнее развивалось разделение труда между различными отраслями производства: земледелием, ремеслом, а в ремесле — между бесчисленными разновидностями его, торговлей, судоходством и т. д.; население разделялось теперь по своим занятиям на довольно устойчивые и определенные группы, и каждая из них имела ряд новых общих интересов, интересов, которым не было места внутри рода или фратрии и для обслуживания ко-

торых требовались, следовательно, новые должности. Количество рабов значительно возросло, и в ту пору, вероятно, уже на много превышало число свободных афинян; родовой строй первоначально совсем не знал рабства и не знал поэтому, как держать в узде эту массу несвободных. И, наконец, торговля привлекала в Афины множество чужестранцев, которые селились здесь ради легкой наживы; они, в силу старых порядков, также были бесправными и незащитными и, несмотря на традиционную терпимость, оставались чуждым элементом в народе.

Одним словом, родовой строй приходил к концу. Общество с каждым днем все более выросло из его рамок; даже худшие отрицательные явления, которые возникали у всех на глазах, он не мог ни ослабить, ни устранить. А тем временем незаметно развилось государство. Новые группы, созданные разделением труда сперва между городом и деревней, а затем между различными городскими отраслями труда, породили новые органы для ограждения своих интересов; были учреждены всякого рода должности. И кроме того, молодому государству потребовалась прежде всего собственная сила, которая у ведущих морскую торговлю афинян могла быть главным образом только морской силой для ведения отдельных небольших войн и для охраны торговых судов. Были учреждены, неизвестно за сколько времени до Солона, навкрарии, небольшие территориальные округа, по двенадцати в каждом племени; каждая навкрария должна была поставить, вооружить и укомплектовать экипажем одно военное судно и, кроме того, выставяла еще двух всадников. Это учреждение разлагало родовой строй двояким образом. Во-первых, оно создавало общественную власть, уже не совпадавшую со всем вооруженным народом; во-вторых, оно впервые разделяло народ для общественных целей не по родственным груп-

нам, а по *территориальному сожительству*. Какое это имело значение, будет видно из последующего.

Так как родовой строй не мог оказывать эксплуатируемому народу никакой помощи, то оставалось только возникающее государство. И оно действительно оказало помощь, введя конституцию Солон и в то же время снова усилившись за счет старого строя. Солон, — нас здесь не интересует способ, каким была проведена его реформа, относящаяся к 594 г. до нашего летосчисления, — открыл ряд так называемых политических революций, и притом с вторжением в отношения собственности. Все происходившие до сих пор революции были революциями для защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Они не могут защищать один вид собственности не посягая на другой. В Великую французскую революцию была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников. Долги были попросту объявлены недействительными. Подробности нам точно неизвестны, но Солон похваляется в своих стихах, что убрал залоговые столбы с обремененных долгами земельных участков и вернул обратно проданных за долги и бежавших за границу. Это можно было сделать только посредством открытого нарушения прав собственности. И действительно, все так называемые политические революции, от первой до последней, были совершены ради защиты собственности *одного* рода и проводились путем конфискации, называемой также кражей, собственности *другого* рода. Таким образом, совершенно неоспоримым является то, что в течение двух с половиной тысяч лет частная собственность могла сохраняться только благодаря нарушениям права собственности.

Но теперь необходимо было помешать повторению

такого порабощения свободных афинян. Это достиглось, прежде всего, общими мерами, как, например, запрещением таких долговых обязательств, по которым закладывалась самая личность должника. Затем были установлены максимальные размеры земельной собственности, которою могло владеть отдельное лицо, чтобы положить хоть некоторые пределы ненасытной жадности благородных к крестьянской земле. Но потом последовали изменения и в государственном строе; для нас важнейшими представляются следующие:

Совет был сведен к четыремстам членам, по сто от каждого племени; здесь, таким образом, основой еще оставалось племя. Но это был единственный пункт старого порядка, воспринятый новым государством. Что касается остального, то Солон разделил граждан на четыре класса по размерам землевладения и его доходности; 500, 300 и 150 медимнов зерна (1 медимн равен приблизительно 41 литру) были минимальными размерами дохода для первых трех классов; имевшие меньшие участки или совсем не владевшие земельной собственностью попадали в четвертый класс. Все должности могли замещаться лишь представителями высших трех классов, а высшие должности — только представителями первого класса; четвертый класс имел лишь право выступать и голосовать в народном собрании, но здесь выбирались все должностные лица, здесь они должны были давать отчет в своей деятельности, здесь вырабатывались все законы, и здесь четвертый класс составлял большинство. Аристократические привилегии были частью возобновлены в форме привилегий богатства, но народ сохранял за собой решающую власть. Далее, четыре класса послужили основой для новой организации войска. Первые два класса поставляли кавалерию, третий должен был служить в качестве тяжело вооруженной пехоты, чет-

вертый — в качестве легко вооруженной, подвижной пехоты или во флоте и притом получал, вероятно, за свою службу также жалование.

Здесь, таким образом, введен в конституцию совсем новый элемент — частная собственность. Права и обязанности граждан государства стали устанавливаться соразмерно величине их земельной собственности, и поскольку стали приобретать влияние имущественные классы, постольку стали вытесняться старые кровно-родственные группы; родовой строй потерпел новое поражение.

Однако отмеривание политических прав соответственно имуществу вовсе не было одним из таких установлений, без которых не может существовать государство. Хотя эта мера и играла большую роль в конституционной истории государств, все же очень многие государства, и как раз наиболее развитые, обходились без нее. Да и в Афинах она сыграла только преходящую роль; со времени Аристиды доступ ко всем должностям был открыт каждому гражданину.

В течение ближайших восьмидесяти лет развитие афинского общества постепенно приняло направление, по которому оно развивалось далее на протяжении следующих столетий. Процветавшим в до-солоновскую эпоху ростовщическим операциям с землей был положен предел, равно как и безмерной концентрации землевладения. Торговля и ремесло вместе с художественным ремеслом, развивавшиеся на рабском труде во все более крупных размерах, сделались господствующими промыслами. Люди стали более просвещенными. Вместо того чтобы по-старому жестоким образом эксплуатировать собственных сограждан, стали теперь эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей не-афинян. Движимое имущество, богатство, состоявшее в деньгах, рабах и кораблях, все более возрастало, но теперь оно уже

не служило только средством для приобретения земельной собственности, как это было в первоначальные малокультурные времена, — оно стало самоцелью. Это, с одной стороны, создало в лице нового класса богатых промышленников и купцов победоносную конкуренцию старой власти благородных, а с другой стороны, отняло последнюю почву у остатков старого родового строя. Роды, фратрии и племена, члены которых были рассеяны теперь по всей Аттике и перемешаны между собой, стали совсем непригодными для роли политических единиц; значительное число афинских граждан не принадлежало ни к какому роду; это были переселенцы, которые хотя и получили права гражданства, но не были приняты ни в один из старых родовых союзов; наряду с этим еще имелась непрерывно возрастающая масса пользовавшихся лишь покровительством чужеземных переселенцев.

Между тем борьба партий продолжалась; благородные пытались вернуть себе прежние привилегии и на короткое время одержали верх, пока революция Клисфена (509 г. до нашего летосчисления) не низвергла их окончательно, а с ними вместе и последние остатки родового строя.

В своей новой конституции Клисфен игнорировал четыре древних племена, основанных на родах и фратриях. Их место заняла совершенно новая организация на основе уже испытанного в навкратриях разделения граждан только по месту их жительства. Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства; не народ подвергался делению, а территория; жители в политическом отношении превращались в простую принадлежность территории.

Вся Аттика была разделена на сто самоуправляющихся общинных территориальных округов

(Gemeindebezirke) — демов. Живущие в каждом деме граждане (демоты) избирали своего старшину (демарха) и казначея, а также тридцать судей, которым были подсудны мелкие тяжбы. Демы получили также собственный храм и бога-покровителя или героя, для которого они выбирали священнослужителей. Высшая власть в деме принадлежала собранию демотов. Как справедливо замечает Морган, это — прообраз самоуправляющейся американской городской общины. Нарождающееся государство начало в Афинах с той же самой единицы, к которой приходит современное государство в результате своего высшего развития.

Десять таких единиц, демов, составляли племя, которое, однако, в отличие от старого родового племени стало называться теперь племенем местным (Ortsstamm). Оно было не только самоуправляющейся политической, но также и военной организацией; оно выбирало филарха, или племенного старшину, который командовал конницей, таксиарха, командовавшего пехотой, и стратега, стоявшего во главе всех вооруженных сил, набранных на территории племени. Оно, далее, снаряжало пять военных судов с экипажем и начальником и получало в качестве своего покровителя какого-нибудь аттического героя, по имени которого и называлось. Наконец, оно выбирало пятьдесят представителей в афинский совет.

Завершалось все это афинским государством, которое управлялось советом, состоявшим из пятисот избранных представителей десяти племен, а в последней инстанции — народным собранием, куда имел доступ и где пользовался правом голоса каждый афинский гражданин; наряду с этим архонты и другие должностные лица ведали различными отраслями управления и судебными делами. Главы исполнительной власти в Афинах не было.

С введением этого нового строя и с допущением очень большого числа неполноправных жителей, — частью вселившихся чужеземцев, частью вольноотпущенных рабов, — органы родовой организации были вытеснены из общественной жизни: они выродились в союзы частного характера и в религиозные товарищества. Но моральное влияние, унаследованные взгляды и способ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях и только постепенно отмирали. Это сказалось на одном из позднейших государственных учреждений.

Мы видели, что главной отличительной чертой государства является общественная власть, отделенная от массы народа. Афины располагали в ту пору лишь народным войском и флотом, который выставлял непосредственно народ; войско и флот были защитой от внешних врагов и держали в повиновении рабов, которые уже тогда составляли значительное большинство населения. По отношению к гражданам общественная власть первоначально существовала только в качестве полиции, которая так же стара, как государство, почему наивные французы XVIII столетия и говорили не о народах цивилизованных, а о *nations policées* [о народах с полицией]. Афиняне учредили одновременно со своим государством также и полицию, настоящую жандармерию из конных и пеших лучников — ландъегерей, как их называют в Южной Германии и в Швейцарии. Но эта жандармерия формировалась из *рабов*. Эта полицейская служба представлялась свободному афинянину столь унижительной, что он предпочитал дать себя арестовать вооруженному рабу, чем самому заниматься таким позорным делом. В этом сказывался еще образ мыслей старого родового быта. Государство не могло существовать без полиции, но оно было молодо и не пользовалось еще таким моральным авторитетом, чтобы внушить ува-

жение к ремеслу, которое бывшим членам родового общества неминуемо должно было казаться гнусным.

В какой степени сложившееся в главных своих чертах государство оказалось приспособленным к новому общественному положению афинян, свидетельствует быстрый расцвет богатства, торговли и промышленности. Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизм между аристократией и простым народом, а между рабами и свободными, между неполноправными жителями и гражданами. Во время наивысшего расцвета Афин общее количество свободных граждан, считая женщин и детей, состояло приблизительно из 90 000 душ наряду с 365 000 рабов обоего пола и 45 000 неполноправных жителей — иностранцев и вольноотпущенных.

На каждого взрослого гражданина мужского пола приходилось, таким образом, по меньшей мере 18 рабов и свыше 2 неполноправных. Большое число рабов объясняется тем, что многие из них, под надзором надсмотрщиков, работали вместе в больших мануфактурах, в обширных помещениях. Но с развитием торговли и промышленности происходило накопление и концентрация богатств в немногих руках, обнищание массы свободных граждан, которым только оставалось или, занявшись ремеслом, вступить в конкуренцию с рабским трудом, что считалось постыдным, позорным занятием и не сулило к тому же большого успеха, или же превратиться в нищих. Они шли — при данных условиях неизбежно — по последнему пути, а так как они составляли массу, то тем самым привели к гибели и все Афинское государство. Не демократия погубила Афины, как это утверждают европейские школьные учителя, вилляющие хвостом перед монархами, а рабство, которое сделало труд свободного гражданина презренным.

Возникновение государства у афинян вообще является в высшей степени типичным примером образования государства, потому что оно, с одной стороны, происходит в чистом виде, без всякого вмешательства внешнего или внутреннего насилия, — захват власти Пизистратом ¹ не оставил никаких следов своего короткого существования, — с другой стороны, потому, что в данном случае очень развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества, и, наконец, потому, что мы в достаточной степени знаем все существенные подробности образования этого государства.

¹ В 540 г. до нашей эры Пизистрат, захватив власть в Афинах, стал так называемым тираном, т. е. самодержцем этого города. Он царствовал 12 лет. После его смерти сыновья его были изгнаны из Афин. — *Ред.*

VI. РОД И ГОСУДАРСТВО В РИМЕ

Из сказания об основании Рима видно, что первыми поселенцами был ряд объединившихся в одно племя латинских родов (согласно сказанию — сто), к которым вскоре присоединилось одно сабельское племя, также будто бы насчитывавшее сто родов, а затем и третье племя, состоявшее из различных элементов, также имевшее, по преданию, сто родов. Весь рассказ с первого взгляда свидетельствует о том, что здесь ничего не было естественно сложившегося, кроме рода, да и последний в некоторых случаях был лишь ветвью первоначального рода, продолжавшего суще твовать на старой родине. На племенах лежит печать искусственного образования, однако большей частью из родственных элементов и по образцу древнего, естественно выросшего, а не искусственно созданного племени; при этом не исключена возможность, что основным ядром каждого из трех племен могло служить подлинное старое племя. Промежуточное звено, фратрия, состояло из десяти родов и называлось курией; их было, таким образом, тридцать.

Общепризнано, что римский род был таким же учреждением, как и род греческий; и если греческий род представляет дальнейшее развитие той общественной единицы, первобытную форму которой мы видим

у американских краснокожих, то это целиком относится и к римскому роду. Мы можем поэтому быть здесь краткими.

Римский род, по крайней мере в древнейшую пору существования города, имел следующее устройство:

1. Взаимное право наследования членов рода; имущество оставалось внутри рода. Так как в римском роде, как и в греческом, господствовало уже отцовское право, то потомство по женской линии исключалось из наследования. По закону Двенадцати таблиц, древнейшему известному нам писанному памятнику римского права, наследовали в первую очередь дети как прямые наследники, за их отсутствием — агнаты (родственники по *мужской* линии), а за их отсутствием — сородичи. Во всех случаях имущество оставалось внутри рода. Мы видим здесь постепенное проникновение в родовой обычай новых, порожденных ростом богатства и моногамией правовых норм: первоначально равное право на наследование всех сородичей сначала — и, как указывалось выше, очень рано — ограничивается на практике агнатами и, наконец, детьми и их потомством в мужской линии; в Двенадцати таблицах это, само собою разумеется, появляется в обратном порядке.

2. Обладание общим местом погребения. Патрицианский род Клавдиев при переселении из Регилла в Рим получил участок земли и кроме того в городе общее место погребения. Еще при Августе привезенная в Рим голова погибшего в Тевтобургском лесу Вара была погребена в *gentilitius tumulus* [родовом кургане] — род (Квинтилиев), следовательно, имел еще особый могильный курган.

3. Общие религиозные празднества. Эти *sacra gentilitia* общеизвестны.

4. Обязательство не вступать в брак внутри рода. Это, повидимому, никогда не претворялось в Риме в писанный закон, но оставалось обычаем. Из огром-

ной массы римских супружеских пар, имена которых сохранились для нас, ни одна не имеет одинакового родового имени для мужа и жены. Наследственное право также подтверждает это правило. Женщина с выходом замуж утрачивает свои агнатические права, выходит из своего рода; ни она, ни ее дети не могут наследовать ее отцу или братьям последнего, так как в противном случае утрачена была бы наследственная часть отцовского рода. Это имеет смысл только при предположении, что женщина не может выйти замуж за сородича.

5. Общее землевладение. Последнее в первобытную эпоху всегда существовало с тех пор, как начали производить раздел земли, принадлежащей племени. Среди латинских племен мы находим землю частью во владении племени, частью рода, частью отдельных хозяйств, которыми тогда вряд ли являлись отдельные семьи. Ромулу приписывается первый раздел земли между отдельными лицами, приблизительно по гектару (два югера) на каждого. Однако мы еще позднее застаем владение землей сосредоточенным в руках рода, не говоря уже о государственной земле, вокруг чего и вращается вся внутренняя история республики.

6. Обязанность сородичей оказывать друг другу защиту и помощь. Писанная история показывает нам одни лишь обломки этого; римское государство с самого начала выступило на сцену такой преобладающей силой, что право защиты от оскорблений и несправедливостей перешло к нему. Когда Аппий Клавдий был арестован, весь его род облекся в траур, даже те, кто были его личными врагами. Во время второй Пунической войны ¹ роды объеди-

¹ Пуническими назывались войны Рима с торговым городом Карфагеном (Северная Африка). Были три такие войны; вторая происходила в III веке (в 218—201 гг.) до нашей эры. — *Ред.*

нились для выкупа своих пленных сородичей; сенат запретил им это.

7. Право носить родовое имя. Оно сохранилось вплоть до времен империи; вольноотпущенникам дозволялось принимать родовое имя своих бывших господ, однако без приобретения родовых прав.

8. Право принимать в род чужаков. Это совершалось путем усыновления одною из семей (как у индейцев), что вело за собою прием в род.

9. О праве избирать и смещать старшину нигде не упоминается. Но так как в первый период существования Рима все должности замещались по выбору или по назначению, начиная с выборного царя, и так как жрецы курий также выбирались куриями, то мы можем предположить для старшин (principes) родов то же самое, хотя избрание из одной и той же семьи в роде могло уже стать правилом.

Таковы были права римского рода. За исключением уже завершившегося перехода к отцовскому праву, они точно воспроизводят права и обязанности прокезского рода; и здесь «явно проглядывает прокез».

Покажем на одном только примере, какая путаница понятий о римском родовом строе господствует еще в настоящее время даже среди наших самых известных историков. В работе Моммзена о римских собственных именах республиканской и августовской эпох («Römische Forschungen» [«Римские исследования»], Берлин, 1864, т. I) говорится следующее: «Помимо всех сородичей мужского пола, исключая, конечно, рабов, но включая усыновленных родом и находящихся под его покровительством, родовое имя распространяется также на женщин... Племя (Stamm, как Моммзен переводит здесь слово gens) представляет группу... которая происходит от общего — действительного, или предполагаемого, или даже выдуманного — предка, объединена общими

празднествами, кладбищем и наследованием и к которой могут и должны причислять себя все лично свободные индивидуумы, а следовательно, также и женщины. Затруднение представляет только определение родового имени замужних женщин. Этого затруднения, конечно, не было, пока женщина могла выходить замуж не иначе, как за члена своего рода; как известно, долгое время женщине труднее было выйти замуж за пределами своего рода, чем внутри его, что подтверждается правом *gentis enuptio* [вступления в брак вне рода], которое еще в VI столетии давалось в награду в качестве личной привилегии... Но там, где имели место такие браки вне рода, женщина в древнейшую эпоху, повидимому, должна была переходить в племя мужа. Нет никакого сомнения в том, что женщина через древний религиозный брак вступает в правовую и сакральную общину мужа и выходит из своей. Кто не знает, что замужняя женщина утрачивает активное и пассивное право на наследование в своем роде, но входит в наследственный союз со своим мужем, детьми и его сородичами? И если она как бы усыновляется мужем и вступает в его семью, то как же может она оставаться чуждой его роду?» (стр. 9—11).

Моммзен, таким образом, утверждает, что римские женщины, принадлежавшие к какому-нибудь роду, могли первоначально вступать в брак только *внутри* своего рода, что римский род, следовательно, был эндогамный, а не экзогамный. Этот взгляд, противоречащий всему, что известно об этом у других народов, опирается главным образом, если не исключительно, на одно единственное, вызывавшее много споров место у Ливия (книга XXXIX, гл. 19), согласно которому сенат в 568 г. с основания города, т. е. в 186 г. до нашего летосчисления, постановил, *uti Feceniae Hispaniae datio, deminutio, gentis enuptio, tutoris optio item esset quasi ei vir testa-*

mento dedisset; utique ei ingenuo nubere liceret, neu quid ei qui eam duxisset, ob id fraudi ignominiaeve esset — чтобы Фецения Гиспалла имела полное право располагать своим имуществом, уменьшать его, выйти замуж вне рода и избрать себе опекуна, как если бы ее [умерший] муж передал ей это право по завещанию; чтобы она могла выйти замуж за полноправного гражданина и чтобы того, кто возьмет ее в жены, не считали совершившим плохой или постыдный поступок.

Нет сомнения, что здесь Фецении, вольноотпущенной, предоставляется право выйти замуж вне рода. Столь же несомненно отсюда следует, что муж имел право по завещанию передать своей жене право выйти после его смерти замуж вне рода. Но вне *какого* рода?

Если женщина обязана была выходить замуж внутри своего рода, как предполагает Моммзен, то она и после замужества оставалась в этом роде. Но, во-первых, именно это утверждение об эндогамии рода и требуется доказать. А во-вторых, если женщина должна была вступить в брак внутри своего рода, то, естественно, также и мужчина, так как иначе он не нашел бы себе жены. Но тогда оказывается, что муж мог передать своей жене по завещанию право, которым он сам и для самого себя не располагал; это с юридической точки зрения бессмыслица. Моммзен также чувствует это и потому делает следующее предположение: «для брака вне рода требовалось юридически, вероятно, не только согласие имеющего власть, но и всех сородичей» (стр. 10, примечание). Это, во-первых, очень смелое предположение, а во-вторых, оно противоречит ясному тексту приведенного места; сенат дает ей это право *вместо мужа*, он определенно дает ей не больше и не меньше того, что мог бы дать ей ее муж, но уж дает он ей право *абсолютное*, никакими другими ограниче-

ниями не связанное, так что если она воспользуется этим правом, то и ее новый муж не должен страдать от этого; сенат даже поручает нынешним и будущим консулам и преторам позаботиться о том, чтобы для нее от этого не произошло никаких неприятностей. Таким образом, предположение Моммзена представляется совершенно необоснованным.

Или же женщина выходила замуж за мужчину из другого рода, но сама оставалась в своем прежнем роде. Тогда, согласно вышеприведенному месту, ее муж имел бы право позволить жене вступить в брак вне ее собственного рода. Это значит, что он имел бы право распорядиться в делах, касавшихся рода, к которому он вовсе не принадлежал. Это такая нелепость, о которой и говорить не стоит.

Остается только предположить, что женщина в первом браке вышла за мужчину из другого рода и через этот брак перешла безоговорочно в род мужа, как это Моммзен фактически и допускает для подобных случаев. Все взаимоотношения сразу становятся ясными. Женщина, порвавшая своим замужеством связи со своим старым родом и принятая в новый родовой союз мужа, занимает там совершенно особое положение. Хотя она и член рода, но не связана с ним кровным родством; самый характер ее принятия заранее исключает ее из общего запрета вступать в брак внутри рода, в который она вошла именно путем замужества; она, далее, принята в брачный союз рода, наследует в случае смерти мужа его имущество, т. е. имущество члена рода. Что может быть естественнее правила, чтобы в целях сохранения имущества в роде она была обязана выйти замуж за сородича своего первого мужа и ни за кого другого? И если должно быть сделано исключение, то кто может быть достаточно компетентным для того, чтобы уполномочить ее на это, как не ее первый муж, который передал ей это имущество?

В тот момент, когда он передает ей часть имущества и одновременно разрешает передать эту часть имущества путем брака или в силу брака в чужой род, это имущество еще принадлежит ему; он, следовательно, распоряжается буквально только своей собственностью. Что касается самой жены и ее отношения к роду мужа, то в этот род ввел ее именно муж актом своей свободной воли — браком; поэтому равным образом представляется естественным, что именно он имел право уполномочить ее выйти из этого рода посредством второго брака. Одним словом, дело оказывается простым и само собою понятным, как только мы отбросим удивительное представление об эндогамности римского рода и вместе с Морганом признаем его первоначально экзогамным.

Остается еще последнее предположение, которое также нашло своих сторонников и, пожалуй, наиболее многочисленных: цитата будто говорит лишь о том, «что вольноотпущенные служанки (*libertae*) не могли без специального разрешения *e gente e nubere* (вступать в брак вне рода) или совершить какой-либо другой акт, который, будучи связан с *capitis deminutio minima* [утратой семейных прав], повлек бы за собой выход *liberta* из родового союза» (Lange, «Römische Altertümer» [«Римские древности»], Berlin, 1856, I, стр. 195, где по поводу цитируемого нами места из Ливия делается ссылка на Гуске). Если это предположение правильно, то цитата уже решительно ничего не доказывает относительно положения полноправных римлянок, и тогда еще меньше оснований говорить об обязанности последних вступать в брак только внутри рода.

Выражение *enuptio gentis* встречается только в этом единственном месте у Ливия и нигде больше во всей римской литературе; глагол *e nubere* (вступить в брак на стороне) встречается только три раза тоже у Ливия, и притом без отношения к роду. Фантазия,

будто римлянки могли вступать в брак только внутри рода, обязана своим возникновением одному этому месту. Но она абсолютно не выдерживает критики. В самом деле, или это место относится к особым ограничениям для вольноотпущенниц, и тогда оно ничего не доказывает для полноправных (*ingenuae*); или же оно действительно и для полноправных, и тогда оно скорее доказывает, что женщина, по общему правилу, выходила замуж вне своего рода, но с замужеством переходила в род мужа, — следовательно, против Моммзена и за Моргана.

Еще почти триста лет спустя после основания Рима¹ родовые узы были настолько прочны, что один патрицианский род, именно род Фабиев, мог с разрешения сената собственными силами предпринять военный поход против соседнего города Вейи. 306 Фабиев будто бы выступили в поход и все были убиты в засаде; единственный оставшийся в живых мальчик продолжил род.

Десять родов, как сказано, составляли фратрию, которая здесь называлась курией и получила более важные общественные функции, чем греческая фратрия. Каждая курия имела собственные религиозные церемонии, святыни и жрецов; последние в своей совокупности составляли одну из римских жреческих коллегий. Десять курий составляли племя, которое, вероятно, имело первоначально, подобно остальным латинским племенам, своего выборного старшину — военачальника и верховного жреца. Все три племена, взятые вместе, составляли римский народ, *populus romanus*.

К римскому народу, таким образом, мог принадлежать только тот, кто был членом рода, а через свой род — членом курии и племени. Первоначальный общественный строй этого народа был следующий.

¹ Т. е. в V столетии до нашей эры. — *Ред.*

Общественными делами ведал сначала сенат, который, как это впервые верно подметил Нибур, составлялся из старшин трехсот родов; именно поэтому они, в качестве родовых старшин, назывались отцами, *patres*, а их совокупность — сенатом (совет старейших, от слова *senex* — старый). Вошедшее в обычай избрание старшин всегда из одной и той же семьи рода создало и здесь первую племенную знать; эти семьи назывались патрициями и претендовали на исключительное право вступления в сенат и на право замещать все другие должности. Тот факт, что народ со временем примирился с этими притязаниями, которые превратились в действующее право, нашел свое выражение в сказании о том, что Ромул пожаловал первым сенаторам и их потомству патрициат с его привилегиями. Сенат, как и афинская *bulê*, имел решающий голос во многих вопросах и предварительно обсуждал наиболее важные дела, в особенности новые законы. Последние принимались народным собранием, которое называлось *comitia curiata* (собрание куриий). Народ собирался, группируясь по куриям и в каждой курии, вероятно, по родам; при решении вопросов каждая из тридцати куриий имела по одному голосу. Собрание куриий принимало или отвергало все законы, избирало всех высших должностных лиц, в том числе так называемого царя (*rex*), объявляло войну (но мир заключал сенат) и в качестве высшей судебной инстанции выносило окончательное решение по апелляции сторон во всех случаях, когда дело шло о смертном приговоре римскому гражданину. Наконец, рядом с сенатом и народным собранием стоял *rex*, который точно соответствовал греческому базилевсу и отнюдь не был почти самодержавным царем, каким его изображает Моммзен¹. Он тоже был военачальником,

¹ Латинское *rex* — то же, что кельтско-ирландское *righ* (племенной старшина) и готское *reiks*; что последнее слово,

верховным жрецом и председателем в некоторых судах. Правами в области гражданского управления или властью над жизнью, свободой и собственностью граждан он отнюдь не обладал, поскольку они не вытекали из дисциплинарной власти военачальника или власти председателя суда по приведению приговора в исполнение. Должность царя (rex) не была наследственной; напротив, он сперва избирался, вероятно, по предложению предшественника, собранием курий, а затем во втором собрании торжественно вводился в должность. Что он мог также быть смещен, доказывает судьба Тарквиния Гордого ¹.

Так же, как и у греков в героическую эпоху, у римлян во время так называемых царей была военная демократия, основанная на родах, фратриях и племенах и из них развившаяся. Курии и племена были, правда, отчасти искусственными образованиями, но они были созданы по настоящим, естественно выросшим образцам общества, из которого они возникли и которое еще окружало их со всех сторон. Правда, естественно развившаяся патрицианская знать уже приобрела твердую почву под ногами, цари старались расширить мало-по-малу свои полномочия, но все это ничуть не меняет основного характера общественного строя, а в нем вся суть дела.

.....
как первоначально и наше Fürst (то же самое, что по-английски — first, по-датски — förste, первый), означало, равным образом, родового или племенного старшину, явствует из того, что готы уже в IV веке имели особое слово для короля последующего времени, военачальника всего народа: thiudans. Артаксеркс и Ирод в переводе библии Ульфила никогда не называются reiks, а только thiudans, государство императора Тиберия — не reiki, а thiudinassus. В имени готского тиуданса или, как мы не точно переводим, короля Тиударейка, Теодориха, т. е. Дитриха, оба эти обозначения слились воедино.

¹ По преданию—последний римский царь, изгнан в 510 г. до нашей эры.— *Ред.*

Между тем, население города Рима и римской области, расширившейся благодаря завоеванию, возросло; этот рост происходил отчасти за счет новых поселенцев, отчасти — за счет населения покоренных, по преимуществу латинских, округов. Все эти новые граждане (вопроса о клиентах мы здесь не касаемся) стояли вне старых родов, курий и племен и, следовательно, не составляли части *populus romanus*, собственно римского народа. Они были лично свободные люди, могли владеть земельной собственностью, должны были платить налоги и отбывать военную службу. Но они не могли занимать никаких должностей и не могли участвовать ни в собрании курий, ни в дележе завоеванных государственных земель. Они составляли лишенный всех общественных прав плебс. Благодаря своей все возрастающей численности, своей военной выучке и вооружению они сделали грозной силой, противостоящей старому *populus*, теперь прочно огражденному от всякого прироста извне. В добавок к этому земля была, повидимому, почти равномерно распределена между *populus* и плебсом, тогда как торговое и промышленное богатство, впрочем еще не сильно развившееся, преимущественно было в руках плебса.

Из-за густого мрака, окутывающего всю легендарную древнейшую историю Рима и еще значительно усиленного рационалистически-прагматическими попытками толкования и сообщениями позднейших юридически образованных писателей, произведения которых служат нам источниками, — из-за этого мрака невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни о причинах революции, которая положила конец древнему родовому строю. Несомненно только одно, что причина ее коренилась в борьбе между плебсом и *populus*.

Новая конституция, приписываемая царю Сервию Туллию и опиравшаяся на греческие образцы, осо-

бенно на Солона, создала новое народное собрание, в котором участвовали или из которого исключались без различия *populus* и плебеи, в зависимости от того, несли ли они воинскую повинность или нет. Все военнообязанное мужское население было разделено по своему имуществу на шесть классов. Минимальный размер имущества для каждого из пяти классов составлял: I—100 000 ассов, II—75 000, III—50 000, IV—25 000, V—11 000, что, по Дюро де-ла-Маллю, составит приблизительно 14 000, 10 500, 7 000, 3 600 и 1 570 марок. Шестой класс, пролетарии, состоял из малоимущих, свободных от службы и налогов. В новом народном собрании *центурий* (*comitia centuriata*) граждане выстраивались по-военному, *центуриями* по 100 человек в каждой, причем каждая *центурия* имела 1 голос. Но первый класс выставлял 80 *центурий*, второй—22, третий—20, четвертый—22, пятый—30, шестой, для приличия, — также 1 *центурию*. Кроме того, всадники, набравшиеся из наиболее богатых граждан, выставляли 18 *центурий*; всего 193 *центурии*; большинство голосов—97. Но всадники и первый класс вместе имели 98 голосов, т. е. большинство; при их единодушии остальных даже не спрашивали, решение считалось принятым.

К этому новому собранию *центурий* перешли теперь все политические права прежнего собрания *курий* (кроме некоторых номинальных прав); *курии* и составлявшие их роды были тем самым низведены, как и в Афинах, к роли простых частных и религиозных объединений и еще долгое время прозябали в качестве таковых, тогда как собрание *курий* вскоре совсем прекратило свое существование. Для того чтобы и три старых родовых племени устранить из государства, были по месту жительства созданы четыре племени, каждое из них жило в отдельном квартале города и имело ряд политических прав.

Так был разрушен и в Риме, еще до отмены так называемой царской власти, древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него создано было новое, действительное государственное устройство, в основу которого были положены территориальное деление и имущественные различия. Общественная власть сосредоточилась здесь в руках граждан, обязанных отбывать военную службу, и была направлена не только против рабов, но и против так называемых пролетариев, не допущенных к военной службе и лишенных вооружения.

В рамках этого нового строя, который лишь получил свое дальнейшее развитие, когда был изгнан последний царь Тарквиний Гордый, узурпировавший подлинную царскую власть, и царь был заменен двумя военачальниками (консулами) с одинаковой властью (как у ирокезов), — в рамках этого строя развивается вся история римской республики со всей ее борьбой между патрициями и плебеями за доступ к должностям и за участие в пользовании государственными землями, с растворением в конце концов патрицианской знати в новом классе крупных землевладельцев и денежных магнатов, которые постепенно поглотили все землевладение разоренных военной службой крестьян, обрабатывали в зникшие таким образом громадные поместья при помощи рабов, обезлюдили Италию и тем самым положили дорогу не только императорской власти, но и ее преемникам — германским варварам.

VII. РОД У КЕЛЬТОВ И ГЕРМАНЦЕВ

Место не позволяет нам подробно рассмотреть родовые учреждения, существующие еще поныне у самых различных диких и варварских народов в более или менее чистой форме, или их следы в древней истории азиатских культурных народов. Те или другие встречаются повсюду. Достаточно нескольких примеров. Еще до того как узнали, что такое род, Мак-Леннан, который больше всех приложил усилий к тому, чтобы не понять его, доказал его существование и в общем правильно описал его у калмыков, черкесов, самоедов и у трех индийских народов — варали, магаров и муннипури. Недавно М. Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, хевсуров, сванетов и других кавказских племен. Здесь мы ограничимся некоторыми краткими замечаниями о существовании рода у кельтов и германцев.

Древнейшие из сохранившихся кельтских законов показывают нам род еще полным жизни; в Ирландии он живет, по крайней мере инстинктивно, в народном сознании еще в настоящее время, после того как англичане насильственно разрушили его; в Шотландии он был в полном расцвете еще в середине прошлого столетия и здесь был также уничтожен только оружием, законодательством и судами англичан.

Древне-уэльские законы, записанные за много столетий до английского завоевания, самое позднее в XI столетии, показывают еще совместную обработку земли целыми селами, хотя и в виде только редкого остатка общераспространенного ранее обычая; у каждой семьи было пять акров для самостоятельной обработки; наряду с этим один участок обрабатывали сообща, и урожай подлежал дележу. По аналогии с Ирландией и Шотландией, не подлежит сомнению, что эти сельские общины представляют роды или подразделения родов, если даже новая проверка уэльских законов, для которой у меня нет времени (мои выдержки относятся к 1869 г.), прямо не подтвердит этого. Но уэльские источники, а с ними и ирландские прямо доказывают, что у кельтов в XI столетии парный брак отнюдь не был еще вытеснен моногамией. В Уэльсе лишь по истечении семи лет брак нельзя было расторгнуть или, вернее, предупредить о его расторжении. Если недоставало только трех ночей до семи лет, то супруги могли разойтись. Тогда производился раздел имущества: жена делила, муж выбирал свою часть. Мебель делилась по определенным, очень курьезным правилам. Если брак расторгался мужем, то он должен был вернуть жене ее приданое и некоторые другие предметы; если женою, то она получала меньше. Из детей муж получал двух, жена — одного ребенка, именно — среднего. Если жена после развода вступала в новый брак, а первый муж снова брал ее к себе, то она должна была следовать за ним, если бы даже и ступила уже *одной* ногой на новое супружеское ложе. Но если они прожили вместе семь лет, то они становились мужем и женой даже и в том случае, когда брак не был раньше оформлен. Целомудрие девушек до брака отнюдь не соблюдалось строго и не требовалось; относящиеся сюда пра-

вила—весьма фривольного свойства и совсем не соответствовали буржуазной морали. Если женщина нарушала супружескую верность, муж мог избить ее (один из трех случаев, когда это ему дозволялось, в других случаях он подлежал взысканию), но уже затем он не имел права требовать другого удовлетворения: «за один и тот же проступок полагается либо искупление, либо месть, но не то и другое вместе». Причины, в силу которых жена могла требовать развода, ничего не теряя из своих прав при разделе, были весьма широкого свойства: достаточно было дурного запаха у мужа изо рта. Выплачиваемые главе племени или королю выкупные деньги за право первой ночи (*gobr merch*, откуда средневековое название *marcheta*, по-французски — *marquette*) играют значительную роль в этом сборнике законов. Женщины пользовались правом голоса в народных собраниях. Добавим к этому, что в Ирландии доказано существование подобных же отношений; что там также широко распространены браки на время и что жене при разводе обеспечиваются точно установленные, большие преимущества, даже вознаграждение за ее работу по домашнему хозяйству; что там встречается «первая жена» наряду с другими женами и не делается никакого различия при дележе наследства между брачными и внебрачными детьми. Таким образом, перед нами картина парного брака, по сравнению с которым существующая в Северной Америке форма брака кажется строгой, что, впрочем, в XI столетии не удивительно у народа, который еще в эпоху Цезаря жил в групповом браке ¹.

Существование ирландского рода (*sept*, племя, называлось *clainne*, *clan*) удостоверено, и он описан не только в древних сборниках законов, но и английскими юристами XVII столетия, которые были при-

¹ Т. е. непосредственно перед началом нашей эры. — *Ред.*

сланы в Ирландию для превращения земель кланов в коронные владения английского короля. Земля вплоть до этого времени была общей собственностью клана или рода, если только не была уже превращена вождами в свое частное владение. Когда умирал какой-нибудь член рода и, следовательно, одно из хозяйств прекращалось, старшина (*capit cognationis*, как называли его английские юристы) принимал передел всей земли между остальными хозяйствами. Последний производился, вероятно, в общем по правилам, принятым в Германии. Еще в настоящее время кое-где встречаются сельские поля в так называемых рандэйлях (*rundale*), сорок или пятьдесят лет тому назад таких полей было очень много. Крестьяне, одиночные арендаторы земли, ранее принадлежавшей всему роду, затем захваченной английскими завоевателями, платят каждый аренду за свой участок, но соединяют все пахотные и луговые полосы своих участков, делят их в зависимости от положения и качества на кону, «*Gewanne*», как они называются на Мозеле, и дают каждому его долю в каждом кону; болота и выгоны находятся в общем пользовании. Еще пятьдесят лет тому назад время от времени, иногда ежегодно, производились переделы. Межевой план такого села — рандэйля — выглядит совершенно так же, как карта какой-нибудь немецкой земельной общины (*Gehöferschaft*) на Мозеле или в Гохвальде. Род продолжает жить также и в «*factions*». Ирландские крестьяне часто делятся на партии, которые основываются на различиях, по видимости, совершенно бессмысленных или нелепых и для англичан совершенно непонятных; эти партии как будто не преследуют никакой другой цели, кроме излюбленных торжественных потасовок, устраиваемых ими друг другу. Это — искусственное возрождение, позднейшая замена уничтоженных родов, своеобразно свидетель-

ствующая о живучести унаследованного родового инстинкта. Впрочем, в некоторых местностях сородичи еще живут вместе на своей старой территории; так, еще в 30-х годах значительное большинство жителей графства Монэгэн состояло всего из четырех фамилий, т. е. вело свое происхождение от четырех родов или кланов ¹.

В Шотландии гибель родового строя совпадает с подавлением восстания 1745 г. Остается еще невыясненным, какое именно звено этого строя представляет шотландский клан, но что он составляет такое звено, не подлежит сомнению. В романах Вальтера Скотта перед нами, как живой, встает этот клан горной Шотландии. Этот клан, — говорит Морган, — «превосходный образец рода по своей организации и по своему духу, разительный пример власти родовой жизни над членами рода... В их распрях и в

¹ К четвертому изданию 1891 г. За несколько дней; проведенных в Ирландии, я снова живо осознал, как глубоко еще сельское население живет там представлениями родовой эпохи. Помещик, у которого крестьянин арендует землю, для последнего все еще нечто вроде вождя клана, на котором лежит заведывание землей в интересах всех; крестьянин уплачивает ему дань в форме арендной платы, но в случае нужды должен получить от него помощь. Там считают также, что всякий состоятельный человек обязан помогать своим менее состоятельным соседям, когда они оказываются в нужде. Такая помощь — не милостыня, она по праву полагается менее состоятельному сородичу от богатого члена или от вождя клана. Понятны жалобы экономистов и юристов на невозможность вдолбить ирландскому крестьянину понятие о современной буржуазной собственности; понятие о собственности, у которой одни только права и никаких обязанностей, просто не умещается в голове ирландца. Но понятно также, как ирландцы, внезапно попадающие со столь наивными представлениями родового строя в большие английские или американские города, в среду с совершенно иными нравственными и правовыми понятиями, — как легко такие ирландцы оказываются совершенно сбитыми с толку в вопросах морали и права, теряют всякую почву под ногами и часто массами становятся жертвами полной деморализации.

их «кровной мести, в разделе территории по кланам, в их общинном землепользовании, в верности членов клана вождю и друг другу мы встречаем всюду вновь проявляющиеся черты родового общества... Происхождение считалось по отцовскому праву, так что дети мужчины оставались в клане, тогда как дети женщин переходили в кланы своих отцов». Но что в Шотландии раньше господствовало материнское право, доказывает тот факт, что, по словам Беды, в королевской фамилии пиктов наследование шло по женской линии. Даже пережиток семьи «пуналуа» сохранился как у уэльсцев, так и у шотландцев вплоть до средних веков в виде права первой ночи, которым мог воспользоваться, если оно не было выкуплено, по отношению к каждой невесте вождь клана или король как последний представитель прежних общих мужей.

* * *

Не подлежит сомнению, что германцы вплоть до переселения народов ¹ были организованы в роды. Они, повидимому, заняли область между Дунаем, Рейном, Вислой и северными морями только за несколько столетий до нашей эры; кимвры и тевтоны были еще только кочевниками, а свевы прочно осели только во времена Цезаря. О последних Цезарь определенно говорит, что они расселились родами и родственными группами (*gentibus cognationibusque*), а в устах римлянина из рода Юлиев (*gens Julia*) это слово *gentibus* имеет вполне определенное и бесспорное значение. Это относилось ко всем германцам; даже в завоеванных римских провинциях они еще селились, повидимому, родами. В «Аламанской Правде» подтверждается, что на завоеванной земле к

¹ Крупные передвижения народов, происходившие от второй половины IV до VI столетия нашей эры. — *Ред.*

югу от Дуная народ расселился родами (*genealogiae*); *genealogia* употреблено здесь совершенно в том же смысле, как позднейшая марка или сельская община. Недавно Ковалевский высказал взгляд, что эти *genealogiae* представляли собою крупные большие семьи (*Hausgenossenschaften*), между которыми была разделена земля и из которых лишь впоследствии развилась сельская община. То же самое относится тогда и к *faqa*, каковым выражением у бургундов и лангобардов, — следовательно, у готского и герминонского или верхне-германского племени, — обозначается почти, если и не совсем, то же самое, что и словом *genealogia* в «Аламанской Правде». Действительно ли перед нами род или большая семья — подлежит еще дальнейшему исследованию.

Памятники языка не дают нам положительного ответа на вопрос относительно того, существовало ли у всех германцев общее выражение для обозначения рода — и какое именно. Этимологически греческому *genos*, латинскому *gens* соответствует готское *kuni*, средне-верхне-германское *künne*, и употребляется это слово в том же самом смысле. На времена материнского права указывает то, что название женщины происходит от того же корня: греческое *gune*, славянское *zēna* [жена], готское *qvinō*, древнескандинавское *kona*, *kuna*. — У лангобардов и бургундов мы встречаем, как уже сказано, слово *faqa*, которое Grimm выводит от гипотетического корня *fisan* — рождать. Я предпочел бы исходить из более очевидного происхождения от *faqan* — ездить, кочевать, возвращаться, как обозначения определенной части кочевого обоза, почти что, само собой разумеется, состоящей только из родственников, — обозначения, которое за время многовековых скитаний сперва на восток, затем на запад постепенно было перенесено на самый род. Далее, готское *sibja*,

англо-саксонское *sib*, древне-верхне-германское *sipra*, *sipra* — род (*Sippe*). В древне-скандинавском языке встречается лишь множественное число *sifjar* — родственники; в единственном числе — только как имя богини *Sif*. И, наконец, в песне о Гильдебранде попадает еще другое выражение, именно в том месте, где Гильдебранд спрашивает Гадубранда: «Кто твой отец среди мужчин в народе... или какого ты рода?» (*eddo huêihhes stiosles du siz*). Если только вообще существовало общее германское обозначение для рода, то оно, очевидно, звучало по-готски *kuni*; за это говорит не только тожество с соответствующим выражением родственных языков, но и то обстоятельство, что от него происходит слово *kuning* — король, которое первоначально обозначает родового или племенного старшину. *Sibja* (родственник, родня) не приходится, по видимому, принимать в расчет; по крайней мере, *sifjar* означает на древне-скандинавском языке не только кровных родственников, но и свойственников, т. е. включает членов по меньшей мере *двух родов*: самое слово *sif*, таким образом, не могло служить обозначением рода.

Как у мексиканцев и греков, так и у германцев эскадрой конницы и клиновидная колонна пехоты выстраивались в боевой порядок по родовым группам; если Тацит говорит: по семьям и родственным группам, то это неопределенное выражение объясняется тем, что в его время род в Риме давно перестал быть живым объединением.

Решающее значение имеет одно место у Тацита, где говорится, что брат матери смотрит на своего племянника как на сына; некоторые даже считают кровные узы, связывающие дядю с материнской стороны и племянника, более священными и тесными, чем связь между отцом и сыном, так что, когда требуют заложников, сын сестры признается большей гаран-

тней, чем собственный сын человека, которого хотят связать поручительством. Здесь мы имеем живой пережиток рода, организованного на материнском праве, следовательно, первоначального, и притом как нечто специально отличающее германцев¹. Если член такого рода давал собственного сына в залог какого-либо обязательства и сын становился жертвой нарушенного отцом договора, то это было делом только самого отца. Но если жертвой оказывался сын сестры, то этим нарушалось священнейшее родовое право; ближайший кровный родственник мальчика или юноши, предпочтительно перед другими обзанный охранять его, оказывался виновником его смерти; этот родственник или не должен был делать его заложником, или обязан был выполнить договор. Если бы мы не обнаружили никаких других следов родового строя у германцев, то было бы достаточно одного этого места.

Еще более решающее значение имеет одно место из древнескандинавской песни «Völuspá» о сумерках богов и гибели мира как источник на 800 лет более

¹ Особенно тесная по своей природе связь между дядей с материнской стороны и племянником, ведущая свое происхождение от эпохи материнского права и встречающаяся у многих народов, известна грекам только в мифологии героического периода. Согласно Диодору (IV, 34), Мелеагр убивает сыновей Тестия, братьев своей матери Альтии. Последняя видит в этом поступке столь непростительное преступление, что проклинает убийцу, своего собственного сына, и вызывает на него смерть. «Боги, как рассказывают, вняли ее желаниям и положили конец жизни Мелеагра». По словам того же Диодора (IV, 44), аргонавты под предводительством Геракла высаживаются во Фракии и находят там, что Финей, подстрекаемый своей новой женой, истязает своих двух сыновей, рожденных от первой прогнанной жены, Бореады Клеопатры. Но среди аргонавтов оказываются также Бореады, братья Клеопатры, т. е. братья матери истязаемых. Они тотчас же вступаются за своих племянников, освобождают их и убивают стражу.

поздней. В этом «Видении пророчицы», в которое, как доказано теперь Бангом и Бугге, вплетены также и элементы христианства, при описании эпохи всеобщего вырождения и нравственного упадка, предшествующей катастрофе, говорится следующее:

Broedhr munu herjask ok át hönum verdask,
munu *sustringar* sífjum spilla.

«Братья будут между собой враждовать и станут убивать друг друга, *дети сестер* порвут союз родства».

Sustringar — значит сын сестры матери, и то обстоятельство, что они не будут признавать взаимного кровного родства, представляется поэтому еще большим преступлением, чем братоубийство. Это усугубление выражено в слове *sustringar*, которое подчеркивает родство с материнской стороны; если бы вместо этого стояло *syskina-börn* — дети братьев и сестер — или *syskina-synir* — сыновья братьев и сестер, то вторая строка означала бы по отношению к первой не усиление, а ослабление. Таким образом, даже во время викингов, когда возникла «*Völuspá*», в Скандинавии еще не исчезло воспоминание о материнском праве.

Впрочем, во время Тацита, по крайней мере у ближе известных ему германцев, материнское право уступило уже место отцовскому праву; дети наследовали отцу; при отсутствии дегей наследовали братья и дяди с отцовской и материнской стороны. Допущение к участию в наследстве брата матери связано с сохранением только что упомянутого обычая и также доказывает, как ново еще было тогда отцовское право у германцев. Следы материнского права обнаруживаются также вплоть до позднейшего средневековья. Еще в ту пору, повидимому, не очень полагались на происхождение от отца, в особенности у крепостных; так, когда феодал требовал обратно от какого-нибудь города сбежавшего крепостного,

то крепостное состояние ответчика, например в Аугсбурге, Базеле и Кайзерслаутерне, должны были под клятвой подтвердить шесть ближайших кровных родственников, и притом исключительно с материнской стороны (Maurer, «Städteverfassung» [«Городской строй»], I, стр. 381).

Еще один пережиток отмирающего материнского права можно видеть в том уважении германцев к женскому полу, которое для римлян было совсем непонятно. Девушки из благородной семьи признавались самыми надежными заложниками при договорах с германцами; мысль о том, что их жены и дочери могут попасть в заточение и рабство, для них ужасна и больше всего другого возбуждает их мужество в бою; нечто священное и пророческое видят они в женщине; они считаются с ее советом даже в важнейших делах; так, Велета, бруктерская жрица ¹ на Липпе, была душой всего восстания батавов, во время которого Цивилис во главе германцев и белгов поколебал римское владычество в Галлии. Внутри дома господство жены, повидимому, бесспорно; правда, на ней, на стариках и детях лежат все домашние работы, муж охотится, пьет или бездельничает. Так говорит Тацит; но так как он не говорит, кто обрабатывает поле, и определенно заявляет, что рабы только вносили подати, но были свободны от барщины, то, очевидно, масса взрослых мужчин все же должна была выполнять ту небольшую работу, какую требовало земледелие.

Формою брака был, как уже сказано выше, постепенно приближающийся к моногамии парный брак. Строгой моногамией это еще не было, так как допускалось многоженство знатных. Целомудрие девушек в общем соблюдалось строго (в противополож-

¹ *Бруктеры* — германское племя, жившее на берегах реки Липпе. — *Ред.*

ность кельтам), и равным образом Тацит с особой теплотой отзываясь о ненарушимости брачного союза у германцев. Только прелюбодеяние жены он приводит как основание для развода. Но его рассказ оставляет здесь много пробелов, и, кроме того, он слишком явно служит зеркалом добродетели для развратных римлян. Несомненно одно: если германцы и были в своих лесах этими удивительными рыцарями добродетели, то достаточно было только малейшего соприкосновения с внешним миром, чтобы низвести их на уровень остальных европейских средних людей; последний след строгости нравов исчез среди римского мира еще значительно быстрее, чем германский язык. Достаточно почитать Григория Турского. Само собою разумеется, что в германских девственных лесах не могла, как в Риме, господствовать изощренная утонченность в чувственных наслаждениях, и, таким образом, за германцами и в этом отношении остается достаточное преимущество перед римским миром, если даже мы не будем приписывать им того воздержания в плотских делах, которое нигде и никогда не было общим правилом для целого народа.

Из родового строя вытекало обязательство наследовать, так же как и дружбу, и враждебные отношения отца или родственников; равным образом наследовалась вира, т. е. выкупной штраф, вместо кровной мести за убийство или изувечие. Эта вира, признававшаяся еще в прошлом поколении специфически германским учреждением, теперь установлена у сотен народов как общая форма смягчения кровной мести, вытекающей из родового строя. Бирю, как и обязательное гостеприимство, мы встречаем также, между прочим, и у американских индейцев; описание гостеприимства у Тацита («Германия», глава 21) почти до мелочей совпадает с рассказом Моргана о гостеприимстве его индейцев,

Горячий и бесконечный спор о том, окончательно ли поделили уже германцы времен Тацита свои поля или нет и как понимать относящиеся сюда места, — принадлежит теперь прошлому. Едва ли стоит даже упоминать о нем, после того как почти у всех народов доказана совместная обработка земли родом, а впоследствии коммунистическими семейными общинами, существование которых Цезарь устанавливает еще у свевов; после того как доказано сменяющее эту совместную обработку распределение земли между отдельными семьями с периодическими переделами ее, после того как установлено, что этот периодический передел земли местами сохранился в самой Германии до наших дней. Если германцы за 150 лет, отделяющие рассказ Цезаря от Тацита, перешли от совместной обработки земли, которую Цезарь определенно приписывает свевам (разделенной или частной пашни у них совсем нет, говорит он), к обработке отдельными хозяйствами с ежегодным переделом земли, то это действительно довольно значительный прогресс; переход от совместной обработки земли к полной частной собственности на землю за такой короткий промежуток времени и без всякого воздействия извне представляется просто невозможным. Я просто читаю поэтому у Тацита только то, что он на самом деле говорит; они меняют (или снова переделывают) обработанную землю каждый год, и при этом остается достаточно свободной общинной земли. Это та ступень земледелия и землеустройства, которая вполне соответствует тогдашнему родовому строю германцев.

Предыдущий абзац я оставляю без изменений, таким, каким он был в прежних изданиях ¹. За это время вопрос принял другой оборот. После того как

¹ Далее три абзаца вставлены Энгельсом в 4-м издании, вышедшем в 1891 г. — *Ред.*

Ковалевский (см. выше, стр. 40) доказал широкое, если не повсеместное, распространение патриархальной большой семьи как промежуточной ступени между коммунистической семьей, основанной на материнском праве, и современной изолированной семьей, вопрос уже стоит не так, как ставили его Маурер и Вайц, — общая или частная собственность на землю; теперь вопрос стоит *о форме* общей собственности на землю. Нет никакого сомнения, что во время Цезаря у свевов существовала не только общая собственность, но и совместная обработка земли за общий счет. Еще долго можно будет спорить о том, были ли хозяйственной единицей род, или большая семья, или промежуточная между ними коммунистическая родственная группа, или же, в зависимости от почвенных условий, существовали все три группы. Но вот Ковалевский утверждает, что описанное Тацитом положение предполагает существование не марки или сельской общины, а большой семьи; только из этой последней много позднее, в результате роста населения, развилась сельская община.

Согласно этому взгляду, поселения германцев на землях, занятых ими во времена римлян, как и на отнятых ими впоследствии у римлян, состояли не из сел, а из больших семейных общин, включавших в свой состав несколько поколений, занимавших под обработку соответствующую полосу земли и пользовавшихся окружающими пустошами, вместе с соседями, как общей маркой. Место у Тацита о перемене обработанной земли следует тогда действительно понимать в агрономическом смысле: община каждый год запахивала другой участок, а пашню прошлого года оставляла под паром или совсем давала ей зарастить. При редком населении всегда оставалось достаточно свободных пустошей, так что всякие споры из-за земли были излишни. Только спустя

целые столетия, когда число членов общин так возросло, что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, они распались; находившиеся до того в общем владении поля и луга стали подвергаться разделу известным уже образом между возникшими теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее — раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими.

Для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным. Что же касается Германии и, во вторую очередь, остальных германских стран, то нельзя отрицать, что это предположение во многих отношениях лучше объясняет источники и легче разрешает трудности, чем господствовавшая раньше точка зрения, которая существование сельской общины отодвигала еще ко времени Тацита. Большая семья в общем гораздо лучше объясняет, чем сельская община, древнейшие документы, как, например, *Codex Laureshamensis* [поземельную книгу города Лорх]. С другой стороны, это объяснение, в свою очередь, открывает новые трудности и новые вопросы, которые еще требуют своего разрешения. Здесь могут привести к окончательному решению только новые исследования; я, однако, не могу отрицать, что большая семья, как промежуточная ступень, весьма вероятно также для Германии, Скандинавии и Англии.

Тогда как у Цезаря германцы частью только еще осели на землю, частью отыскивали места постоянного поселения, во времена Тацита они имеют уже позади себя целое столетие оседлой живни; в соответствии с этим имеется несомненный прогресс в производстве средств существования. Они живут в бревенчатых домах, одежда их еще очень примитивная, это одежда жителей лесов: грубый шерстяной плащ, звериная шкура; у женщин и знатных людей —

полотняная нижняя одежда. Пищу их составляют молоко, мясо, дикие плоды и, как добавляет Плиний, овсяная каша (еще и поныне кельтское национальное блюдо в Ирландии и Шотландии). Их богатство заключается в скоте, но плохой породы: быки и коровы — низкорослые, невзрачные, без рогов; лошади — маленькие пони и плохие скакуны. Деньги употреблялись редко и мало, притом только римские. Золота и серебра они не обрабатывали и не пенили, железо было редко и, по крайней мере у племен по Рейну и Дунаю, повидимому, преимущественно ввозилось, а не добывалось самостоятельно. Рунические письма (подражание греческим или латинским буквам) были известны лишь как тайное письмо и служили только для религиозного колдовства. Еще не вышли из обычая человеческие жертвы. Одним словом, здесь перед нами народ, только что поднявшийся со средней ступени варварства на высшую. Но в то время как у граничивших непосредственно с римлянами племен развитие самостоятельного металлического и текстильного производства встретило препятствие в большой легкости ввоза продуктов римской промышленности, такая промышленность, вне всякого сомнения, развилась на северо-востоке, на побережьи Балтийского моря. Найденные в Шлезвигских болотах предметы вооружения — длинный железный меч, кольчуга, серебряный шлем и т. п. — вместе с римскими монетами конца II столетия, а также распространившиеся благодаря переселению народов германские металлические изделия являются продуктами довольно развитого и совершенно своеобразного искусства даже в тех случаях, когда они подражают первоначально римским образцам. Переселение в цивилизованную Римскую империю положило конец этой самостоятельной промышленности всюду, кроме Англии. Как единообразно возникла и дальше развилась эта

промышленность, показывают, например, бронзовые запястья; запястья, найденные в Бургундии, в Румынии, на берегах Азовского моря, могли выйти из той же мастерской, что английские и шведские, и они столь же несомненно — германского происхождения.

Высшей ступени варварства соответствует и общественный строй. Повсеместно существовал, по Тациту, совет старшин (*principes*), который решал более мелкие дела, а более важные подготовлял для решения их в народном собрании; последнее на низшей ступени варварства, по крайней мере там, где мы его знаем, у американцев, существует только для рода, но не для племени или союза племен. Старшины (*principes*) еще резко отличаются от военачальников (*duces*), совсем как у ирокезов. Первые живут уже отчасти за счет почетных приношений скотом, хлебом и пр. от членов племени; их выбирают, как в Америке, большей частью из одной и той же семьи; переход к отцовскому праву, как в Греции и Риме, благоприятствует постепенному превращению выборного начала в наследственное право и тем самым возникновению знатной семьи в каждом роде. Эта древняя, так называемая племенная знать в большинстве своем погибла при переселении народов или же вскоре после него. Военачальники избирались независимо от происхождения, исключительно по соображениям пригодности. Они обладали небольшой властью и должны были влиять своим примером; собственно дисциплинарную власть в войске Тацит определенно приписывает жрецам. Действительная власть сосредоточивалась в руках народного собрания. Король или племенной старшина председательствует; народ выносит свое решение: отрицательное — ропотом, утвердительное — возгласами одобрения, бряцанием оружия. Народное собрание служит вместе с тем и судом; сюда прино-

сят и здесь же разрешают жалобы, здесь выносятся смертные приговоры, причем смерть полагается только за трусость, измену и противоестественный разврат. В родах и других подразделениях суд правят также все члены под председательством старшины, который, как и во всех германских первоначальных судах, мог быть только руководителем процесса и ставить вопросы; приговор у германцев всегда и повсюду выносился всем коллективом.

Со времени Цезаря образовались союзы племен; у некоторых из них были уже короли; верховный военачальник, как у греков и римлян, уже домогался тиранической власти и иногда достигал ее. Такие счастливые узурпаторы, однако, отнюдь не были неограниченными властителями; но они уже начинали разбивать оковы родового строя. Между тем как раньше вольноотпущенные рабы занимали подчиненное положение, так как не могли принадлежать ни к какому роду, у новых королей такие любимцы часто достигали высоких постов, богатства и почета. То же самое происходило после завоевания Римской империи с военачальниками, которые становились королями больших стран. У франков¹ рабы и вольноотпущенники короля играли большую роль сперва при дворе, а затем в государстве; большая часть нового дворянства ведет свое происхождение от них.

Одно учреждение содействовало возникновению королевской власти — дружины. Уже у американских краснокожих мы видели, как наряду с родовым строем создаются частные объединения для ведения войны за свой страх и риск. Эти частные объединения стали у германцев уже постоянными союзами. Военный вождь, приобревший славу, собирал вокруг себя толпу жаждавших добычи моло-

¹ Франки — германское племя. — *Ред.*

дых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Вождь содержал их и награждал, устанавливал известную иерархию между ними; для незначительных походов служили отряд телохранителей и всегда готовое к бою войско, для более крупных существовал готовый кадр офицеров. Как ни слабы должны были быть эти дружины и как ни слабы они действительно оказываются, например позже у Одоакра в Италии, все же в них был уже зародыш упадка старинной народной свободы, и такую именно роль они сыграли во время переселения народов и после него. Потому что, во-первых, они содействовали появлению королевской власти. Во-вторых, как уже замечает Тацит, их организацию можно было сохранить только путем постоянных войн и разбойных набегов. Грабеж стал целью. Если вождю дружины нечего было делать в ближайших окрестностях, он направлялся со своим отрядом к другим народам, у которых происходила война и можно было рассчитывать на добычу; вспомогательные войска, составленные из германских племен, которые большими массами сражались под римским знаменем даже против германцев, состояли отчасти из таких дружин. Система военного наемничества, позор и проклятие германцев, была уже здесь налицо в своей первой форме. После завоевания Римской империи эти дружинники королей образовали, наряду с несвободными и римскими придворными, вторую из главных составных частей позднейшего дворянства.

Таким образом, в общем, у объединившихся в народы германских племен существует такое же общественное устройство, как и у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей: народное собрание, совет родовых старшин, военачальник, стремящийся уже к подлинной королевской власти. Это был наиболее развитой общественный

строй, какой вообще мог развиться при родовом устройстве; это был образцовый общественный строй высшей ступени варварства. Стоило обществу выйти из рамок, внутри которых этот строй удовлетворял своему назначению, наступал конец родовому устройству; оно разрушалось, его место заступало государство.

VIII. ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ГЕРМАНЦЕВ

Германцы, по свидетельству Тацита, были очень многочисленным народом. Приблизительное представление о численности отдельных германских народов мы получаем у Цезаря; он определяет число появившихся на левом берегу Рейна узипетов и тенктеров в 180 000 душ, включая женщин и детей. Следовательно, около 100 000 на каждый народ¹, что уже значительно больше, чем, например, число всех ирокезов в период их расцвета, когда они, не превышая 20 000 душ, были грозой всей страны, от Великих озер до Огайо и Потомака. Если мы попытаемся наметить на карте, как, согласно дошедшим до нас рассказам, были расположены более известные народы, поселившиеся вблизи Рейна, то каждый такой народ в отдельности займет в среднем приблизительно площадь прусского административного

¹ Принятая здесь цифра подтверждается одним местом у Диодора о галльских кельтах: «В Галлии живет много народностей неодинаковой численности. У крупнейших из них численность населения достигает приблизительно 200 000 душ, у самых малых—50 000» (Diodorus Siculus, V, 25). В среднем, следовательно,—125 000; галльские отдельные народы, ввиду более высокой степени их развития, безусловно следует считать более крупными, чем германские.

округа, т. е. около 10 000 кв. километров, или 182 кв. географические мили. Но Великая Германия (Germania Magna) римлян, вплоть до Вислы, охватывает в круглых цифрах 500 000 кв. километров. При средней численности отдельных народов в 100 000 душ общая численность населения всей Великой Германии должна была доходить до пяти миллионов душ; для варварской группы народов — цифра значительная, для наших условий — 10 душ на квадратный километр, или 550 на квадратную географическую милю, — крайне малая. Но этим отнюдь не исчерпывается число живших в то время германцев. Мы знаем, что вдоль Карпат до самых устьев Дуная жили германские народы готского племени — бастарны, певкины и другие, столь многочисленные, что Плиний считал их за пятое основное племя германцев, и что эти народности, о которых нам известно, что за 180 лет до нашего летосчисления они состояли на службе у македонского царя Персея, еще в первые годы царствования Августа прорвались до окрестностей Адрианополя. Если мы определим их численность только в один миллион, то вероятное число германцев к началу нашего летосчисления составит, по меньшей мере, шесть миллионов.

После того как они поселились в Германии, население должно было увеличиваться со все возрастающей быстротой; одни вышеупомянутые промышленные успехи доказывают это. Находки в Шлезвигских болотах, судя по обнаруженным в них римским монетам, относятся к III столетию. Таким образом, к этому времени на побережье Балтийского моря уже существовала развитая металлическая и текстильная промышленность, велись оживленные торговые сношения с Римской империей и среди богатых была известная роскошь — все это признаки более густого населения. Около этого же времени начинается

общее наступление германцев по всей линии Рейна, римского пограничного вала и Дуная, от Северного до Черного моря — прямое доказательство все большего роста населения, стремящегося к расширению за своими пределами. Триста лет длилась борьба; в это время все основное племя готских народов (исключая скандинавских готов и бургундов) двинулось на юго-восток и образовало левое крыло растянувшейся линии наступления, в центре которой верхне-германцы (герминоны) прорвались на верхний Дунай, а на правом крыле исевоны, теперь называемые франками, — на Рейн; на долю ингевонов выпало завоевание Британии. В конце V столетия путь в Римскую империю, обессиленную, обескровленную и беспомощную, для вторжения германцев был открыт.

Выше мы стояли у колыбели античной греческой и римской цивилизации. Здесь мы стоим у ее могилы. По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий наструг римского владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченному латинскому; исчезли все национальные различия, уже не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они превратились в римлян. Римское управление и римское право повсеместно разрушили древние родовые союзы, а вместе с ними и последние остатки местной и национальной самостоятельности. Новоиспеченное римское гражданство ничего не предлагало взамен; оно не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальной самостоятельности. Элементы новых наций были повсюду налицо; латинские диалекты различных провинций все больше и больше отличались друг от друга; естественные границы, сделавшие когда-то Италию, Галлию, Испанию, Африку самостоятель-

ными областями, еще существовали и также давали себя чувствовать. Но нигде не было налицо силы, способной создать из этих элементов новые нации; нигде еще не было и следа способности к развитию, силы сопротивления, не говоря уже о творческих способностях. Для громадной массы людей на огромной территории единственной объединяющей связью служило Римское государство, которое со временем сделалось ее злейшим врагом и угнетателем. Провинции уничтожили Рим; Рим сам превратился в провинциальный город, подобный другим, — привилегированный, но уже переставший господствовать, переставший быть центром мировой империи, утративший свое значение резиденции императоров и их заместителей, которые жили теперь в Константинополе, Трире, Милане. Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства заместителей, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему привело римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей.

Состояние общества было не менее отчаянным. Уже начиная с последних времен республики римское владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций; империя не только не устранила этой эксплуатации, а, напротив, превратила ее в систему. Чем более империя приходила в упадок, тем выше становились налоги и повинности, тем бесстыднее грабили и вымогали

чиновники. Торговля и промышленность никогда не были делом господствовавших над народами римлян; только в сфере ростовщичества они превзошли все, что было до и после них. Существовавшая раньше и еще сохранявшаяся торговля погибла из-за вымогательства чиновников; уцелевшие остатки ее приходится на восточную, греческую часть империи, которая лежит вне сферы нашего рассмотрения. Всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового господства.

Земледелие во всем древнем мире было решающей отраслью производства, теперь оно снова, более чем когда-либо, приобрело прежнее значение. В Италии громадные комплексы имений (латифундии), с конца республики охватывавшие почти всю территорию, использовались двояким образом: или для пастбищ, где население было заменено овцами и быками, надзор за которыми требовал лишь небольшого числа рабов, или в качестве вилл, где при помощи массы рабов велось садоводство в больших размерах — отчасти как роскошь для владельца, отчасти для сбыта на городских рынках. Крупные пастбища сохранились и были даже расширены; поместья-виллы и их садоводство пришли в упадок вместе с обеднением их владельцев и запустением городов. Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестало приносить доход; но в ту эпоху оно было единственно возможной формой крупного земледелия. Мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия. Одна вилла за другой подвергались разбивке на мелкие парцеллы, которые передавались наследственным арендаторам, уплачивающим определенную сумму, или дольщикам — *partiarum*, которые были скорее управи-

телями, чем арендаторами, получая за свой труд одну шестую, а то и всего лишь девятую часть годового продукта. Преобладала же сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей parcelлой; они, правда, не были рабами, но и не считались свободными, не могли вступать в брак со свободными, и их браки между собою не считались законными, а рассматривались, так же как и браки рабов, как простое сожителство (*contubernium*). Они были предшественниками средневековых крепостных.

Античное рабство пережило себя. Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфактурах оно уже не приносило дохода, оправдывающего затраченный труд, — рынок для его продуктов исчез. А в мелком земледелии и мелком ремесле, к которым свелось громадное производство времен расцвета империи, не было места для большого числа рабов. Только для рабов, занятых в домашнем хозяйстве богачей, и для таких рабов, которые служили богачам предметами роскоши, оставалось еще место в обществе. Но отмирающее рабство все еще было в силах заставить признавать всякий производительный труд делом рабов, недостойным свободных римлян, а таковыми теперь были все. В результате, с одной стороны — возрастающее число освобожденных рабов, излишних и ставших обузой, а с другой стороны — увеличение числа колонов и обнищавших свободных (напоминавших *poor whites* [белых бедняков] бывших рабовладельческих штатов Америки). Христианство совершенно неповинно в постепенном отмирании античного рабства. Оно в течение целых столетий уживалось в Римской империи с рабством и впоследствии никогда не препятствовало работоторговле христиан ни у германцев на севере, ни у венецианцев на Средиземном море, ни поздней-

шей торговле неграми¹. Рабство перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в презрении свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально презирался. Первое *уже* не могло, второй *еще* не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция.

В провинциях положение было не лучше. Больше всего сведений мы имеем относительно Галлии. Наряду с колонами здесь были еще свободные мелкие крестьяне. Чтобы обеспечить себя от насилий чиновников, судей и ростовщиков, они часто прибегали к защите, патронату какого-нибудь влиятельного лица; так поступали не только отдельные крестьяне, но и целые общины, так что императоры в IV столетии неоднократно издавали указы о запрещении этого. Но находили ли защиту искавшие ее? Патрон ставил им условие, чтобы они передавали ему право собственности на их участки, а он взамен этого обеспечивал им пожизненное пользование последними. Эту уловку усвоила святая церковь и усердно пользовалась ею в IX и X столетиях в целях расширения царства божьего и увеличения своих собственных земельных владений. Тогда, правда, около 475 г., епископ Сальвиан Марсельский еще возмущенно громит такой грабеж и рассказывает, что гнет римских чиновников и крупных землевладельцев сделался столь невыносимым, что многие «римляне» бегут в местности, уже занятые варварами, а посе-

¹ По словам епископа Лиутпранда Кремонского, в X веке в Вердене, следовательно, в Священной германской империи, главной отраслью промышленности была фабрикация евунов, которые с большой прибылью вывозились в Испанию для мавританских гаремов.

лившиеся там римские граждане ничего так не боятся, как очутиться снова под римским владычеством. О том, что родители из-за бедности тогда часто продавали своих детей в рабство, свидетельствует изданный против этого закон.

Германские варвары в награду за то, что освободили римлян от их собственного государства, отняли у них две трети всей земли и поделили ее между собой. Раздел произошел согласно порядкам родового строя; ввиду сравнительно небольшой численности завоевателей обширные земли оставались неразделенными во владении частью всего народа, частью отдельных племен и родов. В пределах каждого рода пахотная земля и луга были по жребию поделены поровну между отдельными хозяйствами; происходили ли в дальнейшем переделы, нам неизвестно, во всяком случае они скоро вышли из употребления в римских провинциях, и отдельные участки превратились в отчуждаемую частную собственность — аллод. Лес и выгоны оставались неразделенными в общем пользовании; это пользование ими, а также способ обработки разделенной пашни регулировались древним обычаем и постановлениями всей общины. Чем дольше жил род в своем селе и чем больше постепенно сливались германцы и римляне, тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род исчезал в марке¹, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из родственных отношений членов общины. Так незаметно, по крайней мере в странах, где удержалась

¹ *Марка* — земельная община, основанная на территориальном принципе; жившие на известной территории крестьяне, независимо от родства, образовывали общину, которая и называлась маркой. См. *Энгельс*, *Марна*. Приложение к «Развитию социализма от утопии к науке», стр. 66—80, ИМЭЛ, 1932 г. — *Ред.*

марка, — на севере Франции, в Англии, Германии, Скандинавии, — родовой строй переходил в территориальный и был поэтому в состоянии приспособиться к государству. Но он все же сохранил свой первобытный демократический характер, отличающий весь родовой строй, так что даже при его дальнейшем навязанном ему вырождении еще уцелели его остатки, служившие оружием в руках угнетенных и дожившие до новейшего времени.

Если, таким образом, в роде скоро исчезло сознание кровной связи, то это было следствием того, что в племени и во всем народе его органы тоже выродились в результате завоевания. Мы знаем, что господство над покоренными несовместимо с родовым строем. Здесь мы видим это в крупном масштабе. Германские народы, ставшие господами римских провинций, должны были организовать это свое завоевание. Но не представлялось возможным ни впитать массы римлян в родовые организации, ни господствовать над ними посредством последних. Во главе римских местных органов управления, большею частью продолжавших вначале существовать, надо было поставить вместо Римского государства какую-то новую власть, и такой властью могло быть лишь другое государство. Органы родового строя должны были поэтому превратиться в государственные органы, и притом, под давлением обстоятельств, весьма быстро. Но ближайшим представителем народа-завоевателя был военный вождь. Защита завоеванной области внутри и во-вне требовала усиления его власти. Наступил момент для превращения власти военного вождя в королевскую власть, и это превращение совершилось.

Остановимся на Франкском государстве. Здесь победоносному народу салических франков достались не только обширные римские государственные владения, но также и все обширные земельные уча-

стки, еще не разделенные между более крупными и более мелкими областными и сельскими общинами, именно все более крупные лесные массивы. Первым делом франкского короля, превратившегося из простого верховного военачальника в настоящего монарха, было превратить это народное достояние в королевское имущество, украсть его у народа и раздать его в виде подарков или в виде пожалований своей дружине. Эта дружина, первоначально состоявшая из его личных боевых дружинников и остальных низших начальников войска, скоро пополнилась не только римлянами, т. е. романизированными галлами, которые вскоре стали для него необходимы своим умением писать, своим образованием, своим знанием романского разговорного и латинского литературного языка, а также и местного права; дружина пополнилась также рабами, крепостными и вольноотпущенниками, которые составляли его придворный штат и из среды которых он выбирал своих любимцев. Сначала всем им большей частью дарились участки народной земли, позднее отдавались в пользование в форме бенефициев, сперва в большинстве случаев на все время жизни короля, и таким образом за счет народа создавалась основа нового дворянства.

Мало того. Ввиду обширных размеров государства нельзя было управлять, пользуясь средствами старого родового строя; совет старшин, если он давно не исчез, не мог бы собираться, и был вскоре заменен постоянными приближенными короля; старое народное собрание продолжало для вида существовать, но также становилось все более и более собранием лишь низших военных начальников и вновь нарождающейся знати. Свободные, владевшие землей крестьяне, составлявшие массу франкского народа, были истощены и разорены вечными междоусобными и завоевательными войнами, последними

особенно при Карле Великом, точно так же как раньше были разорены римские крестьяне в последние времена республики. Эти крестьяне, которые первоначально составляли все войско, а после завоевания франкской земли — его основное ядро, так обеднели к началу IX столетия, что едва только один из пяти крестьян в состоянии был выступить в поход. Место созываемого непосредственно королем ополчения свободных крестьян заняло войско, составленное из служилых людей вновь народившейся знати, в том числе и из крепостных крестьян, потомков тех, кто прежде не знал другого господина, кроме короля, а еще раньше вообще не знал никакого господина, даже и короля. При преемниках Карла Великого разорение франкского крестьянского сословия было довершено внутренними войнами, слабостью королевской власти и соответственными захватами знатных, к которым прибавились еще назначенные Карлом графы областей, стремившиеся сделать свои должности наследственными, наконец, набегами норманнов. Через пятьдесят лет после смерти Карла Великого франкское королевство столь же беспомощно лежало у ног норманнов, как за четыре столетия до того Римская империя лежала у ног самих франков.

И не только внешнее бессилие, но и внутренний общественный порядок или, скорее, беспорядок был почти такой же. Свободные франкские крестьяне очутились в том же положении, что и их предшественники, римские колонны. Разоренные войнами и грабежами, они должны были прибегать к покровительству народившейся знати или церкви, так как королевская власть была слишком слаба, чтобы защитить их; но это покровительство им приходилось покупать за дорогую цену. Как прежде галльские крестьяне, они должны были передавать покровителю право собственности на свой земельный участок, получая последний от него обратно в аренду на раз-

личных и меняющихся условиях, но всегда только взамен выполнения повинностей и уплаты оброков; раз попав в такого рода зависимость, они мало-помалу теряли и свою личную свободу; через несколько поколений они уже в большинстве своем превращались в крепостных. Как быстро исчезало свободное крестьянское сословие, показывает составленная Ирминоном опись земельных владений аббатства Сен-Жермен де-Прэ, находившегося тогда близ Парижа, а теперь — в самом Париже. В обширном владении этого аббатства, разбросанном на значительном пространстве, находились тогда, еще при жизни Карла Великого, 2 788 дворов, заселенных почти исключительно франками с германскими именами. В это число входило 2 080 колонов, 35 литов, 220 рабов и только 8 свободных поселенцев! Получивший распространение обычай, согласно которому покровитель заставлял крестьянина передавать свой земельный участок ему в собственность, а затем давал этот участок крестьянину лишь в пожизненное пользование, был объявлен Сальвианом безбожным деянием, тем не менее теперь эта практика в отношении крестьян была у церкви в большом ходу. Все более и более распространялись теперь барщинные повинности, прообразом которых были, с одной стороны, римские «ангари», принудительные работы для государства, с другой стороны — повинности членов германской марки по сооружению мостов, дорог и для других общих целей. Таким образом, масса населения спустя четыреста лет, повидимому, вернулась к своему исходному пункту.

Но это лишь доказывало, что, во-первых, общественное расслоение и распределение собственности в Римской империи периода упадка вполне соответствовали тогдашнему уровню производства в земледелии и промышленности, следовательно, были неизбежны; что, во-вторых, этот уровень производства

В течение последующих четырехсот лет существенно не понизился и не повысился, а потому с такой же необходимостью вновь вызвал такое же распределение собственности и те же самые классы населения. Город утратил в последние столетия существования Римской империи свое прежнее господство над деревней и не вернул его себе в первые столетия владычества германцев. Это предполагает низкую ступень развития как земледелия, так и промышленности. Такое общее положение с необходимостью порождает крупных землевладельцев, обладающих властью, и зависимых мелких крестьян. Как трудно было навязать такому обществу, с одной стороны, хозяйство римских латифундий с рабами, с другой стороны — новейшее крупное хозяйство с барщинным трудом, доказывают громадные, но почти бесследно прошедшие эксперименты Карла Великого с знаменитыми императорскими виллами. Эти опыты продолжали монастыри, и только у них они были плодотворны; но монастыри были ненормальными общественными организмами, в основе их лежало безбрачие; они могли давать исключительные результаты, но должны были именно поэтому сами оставаться исключениями.

И все же за эти четыреста лет был сделан шаг вперед. Если и в конце периода мы встречаем почти те же главные классы, что и в начале, то люди, составлявшие эти классы, стали другими. Исчезло античное рабство, исчезли обнищавшие свободные, презиравшие труд как рабское занятие. Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин. «Бесполезные воспоминания и тщетная борьба» гибнущего римского мира уже умерли и были погребены. Общественные классы IX столетия сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации. Новое поколение — как господа, так

и слуги — в сравнении со своими римскими предшественниками было поколением мужей. Отношения между могущественными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами, эти отношения, которые в Риме вели к безысходной гибели античного мира, становились теперь исходным моментом нового развития. И затем, какими бесплодными ни представляются эти четыреста лет, они оставили *один* крупный результат: современные национальности, новую группировку и расчленение западно-европейского человечества для грядущей истории. Германцы действительно вновь оживили Европу, и поэтому разрушение государств, происходившее в германский период, закончилось не норманно-сарацинским завоеванием, а дальнейшим развитием бенефициев и отношений покровительства (коммендации) в феодализм и столь громадным ростом населения, что менее чем через двести лет были безболезненно перенесены сильные кровопускания крестовых походов.

Но в чем состояло то таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули новую жизненную силу умиравшей Европе? Была ли это особая, прирожденная германскому племени чудодейственная сила, как воображает наша шовинистическая историография? Отнюдь нет. Германцы, особенно тогда, были высоко одаренным арийским племенем, полным жизненных сил для своего дальнейшего развития. Но омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй.

Их личная одаренность, храбрость, их свободолюбие и демократический инстинкт, видевший во всех общественных делах свое собственное дело, — одним словом, все качества, утраченные римлянами, при наличии которых только и можно было образовать из тины римского мира новые государства и вы-

растить новые национальности, — чем было все это, как не характерными чертами варвара, высшей ступени, как не плодами его родового строя?

Если германцы преобразовали античную форму моногамии, смягчили господство мужчины в семье, дали женщине более высокое положение, чем это когда-либо знал классический мир, — что сделало их способными на это, как не их варварство, их родовые обычаи, их еще живые пережитки из эпохи материнского права?

Если они, по меньшей мере в трех важнейших странах, в Германии, Северной Франции и Англии, сумели сберечь в феодальном государстве осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марка) и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средство к сопротивлению, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии, — то, чему следует приписать это, как не их варварству, их исключительно варварскому способу селиться родами?

И, наконец, если они могли развить и сделать господствующей уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости, в которую и в Римской империи все более и более переходило рабство, — форму, которая, как впервые отметил Фурье, дает поработенным средство к постепенному освобождению *как классу* (*fournit aux cultivateurs des moyens d'affranchissement collectif et progressif*), — форму, стоящую благодаря этому высоко над рабством, при котором возможен лишь немедленный отпуск отдельных лиц на волю без переходного состояния (уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает), тогда как крепостные средних веков в действительности постепенно провели свое освобождение как класс, — то чему мы

этим обязаны, если не их варварству, в силу которого они не довели у себя рабства до его высшего развития, ни до античного трудового рабства, ни до восточного домашнего рабства?

Все, что германцы привили жизненного и плодотворного римскому миру, было варварством. Действительно, только варвары способны омолодить мир, страдающий от того, что старая цивилизация умирает. И высшая ступень варварства, на которую поднялись германцы перед переселением народов, была как раз наиболее благоприятной для этого процесса. Этим объясняется все.

IX. ВАРВАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Мы проследили разложение родового строя на трех крупных примерах греков, римлян и германцев. Исследуем в заключение общие экономические условия, которые подрывали родовую организацию общества уже на высшей ступени варварства, а с появлением цивилизации совершенно устранили ее. Здесь «Капитал» Маркса будет столь же необходим, как и книга Моргана.

Возникнув на средней ступени дикости и продолжая развиваться на высшей ее ступени, род, насколько позволяют судить об этом наши источники, достигает своего расцвета на низшей ступени варварства. С этой ступени развития мы и начнем.

Мы находим здесь, где примером должны служить нам американские краснокожие, вполне развившийся родовой строй. Племя разделилось на несколько родов, чаще всего на два; эти первоначальные роды распадаются каждый, по мере роста населения, на несколько дочерних родов, по отношению к которым первоначальный род является фратрией; самое племя раскалывается на несколько племен, в каждом из них мы большей частью вновь встречаем прежние роды; союз объединяет, по крайней мере в отдельных случаях, родственные племена. Эта простая организация вполне соответствует общественным

условиям, из которых она возникла. Она представляет не что иное, как естественную группировку, создающуюся этими условиями; она в состоянии улаживать все конфликты, которые могут возникнуть внутри организованного таким образом общества. Конфликты с внешним миром устраняет война; она может кончиться уничтожением племени, но не порабощением его. Величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность проявляются в том, что здесь нет места для господства и угнетения. Внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями; для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или ее выкуп правом или обязанностью; такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, что такое еда, сон, охота — право или обязанность? Точно так же невозможно расслоение племени и рода на различные классы. И это приводит нас к рассмотрению экономического базиса этого строя.

Население в высшей степени редко; оно гуще только в месте жительства племени, вокруг которого лежит широким поясом прежде всего область охоты, затем нейтральный защитный лес, отделяющий его от других племен. Разделение труда — чисто естественного происхождения; оно существует только между полами. Мужчина воюет, ходит на охоту и рыбную ловлю, добывает пищу и изготавливает необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята приготовлением пищи и одежды — варит, ткёт, шьёт. Каждый из них — хозяин в своей области: мужчина — в лесу, женщина — в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина — собственник оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари. Домашнее хозяйство ведётся на коммунистических началах

для нескольких, часто для многих семей¹. То, что делается и используется сообща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка. Здесь, таким образом, и притом только здесь, на самом деле существует придуманная юристами и экономистами цивилизованного общества «собственность, добытая своим трудом», — последнее ложное правовое основание, на которое еще опирается современная капиталистическая собственность.

Но люди не везде остановились на этой ступени развития. В Азии они нашли животных, которых можно было приручать и разводить в прирученном состоянии. За самкой дикого буйвола нужно было охотиться, прирученная же — она ежегодно приносила теленка и, кроме того, давала молоко. У некоторых наиболее передовых племен — арийцев, семитов, может быть, уже и у туранцев — главной отраслью труда сделалось сначала приручение и только после этого разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров: *первое крупное общественное разделение труда*. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства существования были другие. Они имели, сравнительно с теми, не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен. На ранних ступенях развития мог происходить лишь случайный обмен; особое искусство в изготовлении оружия и орудий может вести к вре-

¹ В особенности на северо-западном побережье Америки — см. у Банкрофта У [племени] хайда на острове королевы Шарлотты встречаются под одной крышей хозяйства, охватывающие до 700 человек. У нутка под одной крышей жили целые племена.

менному разделению труда. Так, например, во многих местах были найдены несомненные остатки мастеровских для изготовления каменных орудий позднейшего периода каменного века; мастера, развивавшие здесь свое искусство, работали, вероятно, за счет всего общества, как это еще делают постоянные ремесленники родовых общин в Индии. На этой ступени развития обмен мог возникнуть только внутри племени и притом как исключительное явление. Здесь, напротив, после выделения пастушеских племен мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного учреждения. Первоначально обмен производился между племенами при посредстве родовых старшин; когда же стада стали переходить в обособленную собственность, все больше стал преобладать и, наконец, сделался единственной формой обмена — обмен между отдельными лицами. Но главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду охотно принимался в обмен, — одним словом, скот стал выполнять функцию денег и уже на этой ступени играл роль денег. С такой необходимостью и быстротой развивалась уже при самом возникновении товарообмена потребность в особом товаре — деньгах.

Огородничество, вероятно не знакомое азиатским варварам низшей ступени, появилось у них не позднее средней ступени, как предтеча обработки полей. В климатических условиях Туранского плоскогорья невозможна пастушеская жизнь без запасов корма на долгую и суровую зиму; луководство и разведение зерновых хлебов было здесь, таким образом, необходимым условием. То же самое относится к степям Черного моря. Но если сначала зерно добывалось для скота, то скоро оно стало пищей и для человека.

Обработанная земля оставалась еще собственностью племени и передавалась в пользование сначала роду, позднее большим семьям, наконец отдельным лицам; они могли иметь на нее известные права владения, но не больше.

Из достижений в области промышленной деятельности на этой ступени особенно важное значение имеют два: первое — ткацкий станок, второе — плавка металлических руд и обработка металлов. Медь и олово и выплавляемая из них бронза имели наибольшее значение: бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это могло сделать только железо, а добывать железо еще не научились. Начали употреблять для украшения и в качестве драгоценностей золото и серебро, которые, повидимому, уже имели большую ценность, чем медь и бронза.

Увеличение производства во всех отраслях — в скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Стоило привлекать новые рабочие силы. Война доставляла их: военнопленных стали обращать в рабов. Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением поля производительной деятельности, при всех данных исторических условиях, с необходимостью влекло за собою рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Как и когда перешли стада из общего владения

племени или рода в собственность глав отдельных семей, об этом мы ничего до сих пор не знаем. Но в основном переход этот должен был произойти на этой ступени. А с появлением стад и прочих новых богатств в семье произошла революция. Промысел всегда был делом мужчины, средства для промысла изготовлялись им и были его собственностью. Стада были новыми промысловыми средствами, их первоначальное приручение и дальнейший уход за ними — делом мужчины. Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. «Дикий» воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, гордясь своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе. И она не могла жаловаться. Разделение труда в семье служило основанием для распределения собственности между мужчиной и женщиной; оно осталось неизменным, и тем не менее оно совершенно перевернуло существовавшие до того домашние отношения исключительно потому, что разделение труда вне семьи стало другим. Та самая причина, которая обеспечивала женщине ее прежнее господство в доме — ограничение ее труда работой по дому, — эта самая причина теперь утверждала господство мужчины в доме: домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком. Уже здесь обнаруживается, что освобождение женщины, ее уравнивание с мужчиной невозможны и остаются таковыми, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и ограничивается домашним частным трудом. Освобождение женщины становится возмож-

ным только тогда, когда она может в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому занимает ее лишь в незначительной степени. А это сделалось возможным только при современной крупной промышленности, которая не только допускает в больших размерах женский труд, но и прямо требует его и частный домашний труд все более и более стремится превратить в общественную промышленность.

С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено падением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. Но это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, и притом грозной силой, противостоящей роду.

Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, на которой все культурные народы пережили свой героический период: период железного меча, но также и железного плуга и топора. Железо стало служить человеку, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории, последнее вплоть до появления картофеля. Железо создало обработку земли на крупных площадях, обеспечило расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов. Все это не сразу; первое железо было часто мягче бронзы. Каменное оружие поэтому исчезало лишь медленно; не только в песне о Гильдебранде¹, но и в сражении при

¹ *Песня о Гильдебранде* — старинная германская народная песня, рисующая борьбу германских племен между собою. — *Ред.*

Гастингсе¹ в 1066 г. еще пользуются каменными топорами. Но прогресс продолжался теперь неудержимо, с меньшими перерывами и быстрее. Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубцами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен, — огромный прогресс в строительном искусстве, но вместе с тем и признак увеличившейся опасности и потребности в защите. Богатство быстро возрастало, но как богатство отдельных лиц; в ткачестве, в обработке металлов и других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, развивалось все в возрастающей степени разнообразие и совершенство производства; земледелие стало теперь давать наряду с хлебом, стручковыми растениями и овощами также масло и вино, изготовлению которых научились. Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия. Непрекращающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда повышал ценность человеческой рабочей силы; рабство, только возникавшее и случайное на предыдущей ступени развития, становится теперь существенной составной частью общественной системы; рабы перестают быть простыми помощниками; десятками их гонят теперь работать на поля и в мастерские. С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская. Все это еще в весьма мало развитом виде; благородные металлы

¹ *Гастингс* — город в Англии, где произошло сражение между норманнами, завоевавшими Англию, и коренным населением — англо-саксами. — *Ред.*

начинают играть роль преобладающего и всеобщего товара — денег, но металл еще не чеканят, а обменивают просто по весу.

Наряду с разделением на свободных и рабов появляется различие между богатыми и бедными — с новым разделением труда новое разделение общества на классы. Имущественные различия между отдельными главами семей разрушают старую коммунистическую общину большой семьи везде, где она еще сохранилась; вместе с ней исчезает и совместная обработка земли за счет этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям — сперва на время, потом раз навсегда, переход к полной частной собственности совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества.

Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью; а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военачальник народа — *rex*, *basileus*, *thiudans* — становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война, которую раньше

вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недало высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. То же самое происходит и внутри общества. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не преобразили общность интересов в антагонизм между членами рода» (*Маркс*) и если бы распространившееся рабство не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться делом, достойным лишь раба, более унижительным, чем грабеж.

Мы подошли теперь к порогу цивилизации. Она начинается новым шагом вперед в разделении труда. На низшей ступени люди производили только непосредственно для собственного потребления; происшедшие отдельные акты обмена были редки, касались только случайно остававшихся излишков. На средней ступени варварства мы уже находим у пастушеских народов скотоводческое хозяйство, которое при известной величине стад регулярно доставляет некоторый излишек над собственным потреблением; одновременно мы застаем разделение труда между пастушескими народами и отсталыми племенами без стад, две рядом стоящие различные ступени производства и вместе с тем условия для регулярного обмена. На высшей ступени варварства происходит дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом, а вместе с тем — производство все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена, превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества. Цивилизация упрочивает и усиливает все эти возникшие до нее виды разделения труда, особенно путем обострения противоположности между городом и деревней (причем экономически господствовать может город над деревней, как это было в древности, или же деревня над городом, как это было в средние века); она присоединяет к этому третье, свойственное ей, весьма важное разделение труда: создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, создает *купцов*. Все бывшие до сих пор тенденции к образованию классов связаны были еще исключительно с производством; они разделяли занятых в производстве людей на руководителей и исполнителей или же на производителей более крупных и менее значительных. Здесь впервые появляется класс, который,

не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей; становится неустрашимым посредником между каждым двумя производителями и эксплуатирует обоих. Под тем предлогом, что производители избавляются от труда и риска, связанных с обменом, что расширяется сбыт их продуктов вплоть до самых отдаленных рынков и тем самым создается якобы самый полезный класс населения, возникает класс паразитов, класс настоящих общественных захребетников, который в вознаграждение за свои в действительности весьма незначительные услуги снимает сливки как с отечественного, так и с иностранного производства, быстро приобретает громадные богатства и соответствующее им общественное влияние и именно поэтому захватывает в период цивилизации все более почетное положение и все более подчиняет себе производство, пока, наконец, сам не производит свой собственный продукт — периодические торговые кризисы.

Впрочем, на рассматриваемой нами ступени развития молодое купечество еще не предчувствует тех великих дел, какие ему предстоят. Но оно формируется и делается необходимым, и этого достаточно. Вместе с ним появляются *металлические деньги*, чеканная монета, а с металлическими деньгами — новое средство господства непродуцирующего класса над производителями и их производством. Был изобретен товар товаров, который в скрытом виде содержит в себе все другие товары, волшебное средство, могущее по желанию превращаться в любую заманчивую и желанную вещь. Кто обладал им, тот властвовал над миром производства. А кто прежде всего обладал им? Купец. Культ денег был у него в надежных руках. Он взял на себя заботу разъяснить, что все товары, а с ними и все товаропроизводители дол-

жны с благоговением повергнуться в прах перед деньгами. Он доказал на практике, что все другие формы богатства являются только видимостью перед этим воплощением богатства как такового. Никогда впоследствии власть денег не выступала в такой первобытной грубости и жестокости, как в этот период их юности. Вслед за покупкой товаров на деньги появилась денежная ссуда, а вместе с ней — процент и ростовщичество. И ни одно законодательство позднейшего времени не бросает должника столь безжалостно и безнадежно к ногам кредитора-ростовщика, как законодательства древних Афин и Рима. А они возникли самопроизвольно, как обычное право, исключительно под давлением экономических условий.

Наряду с богатством, заключающимся в товарах и рабах, наряду с денежным богатством теперь появляется также богатство земельное. Право отдельных лиц на владение земельными участками, предоставленным им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти участки стали принадлежать им на правах наследственной собственности. К чему они за последнее время более всего стремились — так это именно к освобождению парцеллы от прав на нее со стороны родовой общины, прав, которые стали для них оковами. Оковы эти исчезли но вскоре после того исчезла также и их новая земельная собственность. Полная, свободная собственность на землю означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, она означала также возможность отчуждать ее. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но когда новый землевладелец окопательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей. Что это означало, уяснили ему деньги, изобретен-

ные одновременно с частной собственностью на землю. Земля могла теперь стать товаром, который продают и закладывают. Едва была установлена собственность на землю, как была уже придумана ипотека (Афины). Как по пятам моногамии следуют гетеризм и проституция, так по пятам земельной собственности отныне неотступно идет ипотека. Вы искали полной, свободной, отчуждаемой земельной собственности, — так получайте же ее, вот она: «tu l'as voulu, Georges Dandin!» [ты этого хотел, Жорж Данден!]

Так вместе с расширением торговли, вместе с деньгами и денежным ростовщичеством, земельной собственностью и ипотекой быстро происходила концентрация и централизация богатств в руках немногочисленного класса, а наряду с этим росло обнищание масс¹ и возрастала масса бедняков. Новая имущественная аристократия окончательно оттесняла на задний план старую племенную знать (в Афинах, в Риме, у германцев), если она с самого начала не совпадала с последней. И рядом с этим разделением свободных на классы по состоянию имело место, особенно в Греции, громадное увеличение числа рабов¹, принудительный труд которых служил основанием, на котором возвышалась надстройка всего общества.

Посмотрим же теперь, что стало при этом общественном перевороте с родовым строем. Он оказался бессильным перед новыми элементами, выросшими без содействия с его стороны. Его предпосылкой было совместное проживание членов одного рода или племени на одной и той же территории, заселенной исключительно ими. Это давно уже прекратилось.

¹ Число рабов в Афинах см. выше, стр. 156. В Коринфе в эпоху расцвета города оно доходило до 460 000, в Эгине — до 470 000, в обоих случаях в десять раз превышая численность свободного населения.

Повсюду были перемешаны роды и племена, повсюду среди свободных граждан жили рабы, клиенты (Schutzverwandte), чужестранцы. Оседлость, приобретенная только к концу средней ступени варварства, то и дело нарушалась подвижностью и переменой местожительства, что было вызвано торговой деятельностью, переменой занятий, отчуждением земельной собственности. Члены родовых организаций не могли уже сходиться для решения своих общих дел; кое-как обслуживались еще только маловажные дела, как, например, религиозные празднества. Наряду с потребностями и интересами, для обслуживания которых были призваны и приспособлены родовые организации, возникли в результате переворота в условиях производительной деятельности и вызванных им изменений в общественной структуре новые потребности и интересы, не только чуждые древнему родовому строю, но и во всех отношениях противоположные ему. Интересы ремесленных групп, возникших благодаря разделению труда, особые потребности города в противоположность деревне требовали новых органов; но каждая из этих групп состояла из людей различных родов, фратрий и племен, включала даже чужестранцев; эти органы должны были поэтому возникать вне родовой организации, рядом с нею, а вместе с тем и против нее. И в каждой родовой организации сказывалось, в свою очередь, это столкновение интересов, достигавшее своей наибольшей остроты в объединении богатых и бедных, ростовщиков и должников, в одном и том же роде и в одном и том же племени. К этому присоединилась масса нового населения, которое было чуждо родовым группам и могло стать силой в стране, как это было в Риме, к тому же оно было слишком многочисленно, чтобы его можно было постепенно включить в кровнородственные роды и племена. Этой массе родовые группы противостояли

как замкнутые, привилегированные корпорации; первобытная естественная демократия превратилась в ненавистную аристократию. Наконец, родовой строй вырос из общества, не знавшего никаких внутренних противоположностей, и был приспособлен только к такому обществу. У него не было никаких других способов принуждения, кроме общественного мнения. Здесь же возникло общество, которое в силу всех своих экономических условий жизни должно было расколоться на свободных и рабов, эксплуатирующих богачей и эксплуатируемых бедняков, — общество, которое не только не могло примирить эти противоположности, но должно было все больше обострять их. Такое общество могло существовать только в непрекращающейся открытой борьбе между этими классами или же под господством третьей силы, которая, якобы стоя над взаимно борющимися классами, подавляет их открытые столкновения и, самое большее, допускает классовую борьбу только в экономической области, в так называемой законной форме. Родовой строй отжил свой век. Он был разрушен разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Он был заменен *государством*.

* * *

Выше мы рассмотрели в отдельности три главные формы, в которых государство поднимается на развалинах родового строя. Афины представляют самую чистую, наиболее классическую форму: здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоречий, развивающихся внутри самого родового общества. В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию среди многочисленного, вне его стоящего, бесправного, но несущего обязанности плебса; победа плебса разрушает старый родовой строй и на его

развалинах учреждает государство, в котором скоро совершенно исчезают и родовая аристократия и плебс. Наконец, у германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств. Но так как с этим завоеванием не связаны ни серьезная борьба с прежним населением, ни более прогрессивное разделение труда; так как уровень экономического развития покоренных народов и завоевателей почти одинаков, а потому экономическая основа общества остается прежней, то родовой строй может дальше существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме общинного устройства марки и даже на некоторое время обновляться в ослабленной форме в позднейших дворянских и патрицианских родах, даже в рядах крестьянских, как, например, в Дитмаршене¹.

Итак, государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимом противоречии с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, повидимому, над обществом,

¹ Первым историком, который имел хотя бы приблизительное представление о сущности рода, был Нибур, и эгим, — но как и своими почерпнутыми прямо оттуда ошибками, — он обман своему знакомству с дитмаршенскими родовыми общинами.

сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, прбисшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство.

По сравнению со старой родовой организацией государство, во-первых, отличается разделением подданных государства по *территориальным делениям*. Старые родовые союзы, возникшие и державшиеся в силу кровной связи, сделались, как мы видели, недостаточными большею частью потому, что их предпосылка, связь членов рода с определенной территорией, давно исчезла. Территория осталась, но люди сделались подвижными. Поэтому исходным пунктом было принято территориальное деление, и гражданам предоставили осуществлять свои права и обязанности там, где они поселялись, не считаясь с их принадлежностью к тому или другому роду или племени. Такая организация граждан по месту жительства общепринята во всех государствах. Она поэтому нам кажется естественной; но мы видели, какая потребовалась упорная и длительная борьба, пока она могла утвердиться в Афинах и Риме на место старой организации по родам.

Вторая отличительная черта — учреждение *общественной власти*, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим само себя как вооруженная сила. Эта особая общественная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы. Рабы также входят в состав населения: 90 000 афинских граждан по отношению к 365 000 рабов образуют только привилегированный класс. Народное войско афинской демократии было аристократической вооруженной силой против рабов и держало их в повиновении; но для того чтобы держать в повиновении также и граждан, оказалась необходимой, как

рассказано выше, жандармерия. Эта общественная власть существует в каждом государстве; она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому обществу. Эта власть может быть весьма незначительной, почти незаметной в обществах с еще не развитыми классовыми противоречиями и в отдаленных областях, как это наблюдается иногда кое-где в Соединенных Штатах Америки. Но она усиливается по мере того как обостряются классовые противоречия внутри государства и по мере того как соприкасающиеся между собою государства становятся больше и населеннее. Взгляните хотя бы на нашу современную Европу, в которой классовая борьба и конкуренция завоеваний взвинтили общественную власть до такой высоты, что она грозит поглотить все общество и даже государство.

Для содержания этой общественной власти необходимы взносы граждан — *налоги*. Последние были совершенно неизвестны родовому обществу. Но мы теперь их знаем очень хорошо. С развитием цивилизации даже и налогов недостаточно; государство выдает векселя на будущее, делает долги, *государственные долги*. И о них старушка-Европа может порассказать не мало.

Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, *над* обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым относились к органам родового строя, им уже недостаточно, даже если бы они могли это уважение завоевать; носители обособившейся от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они становятся особо священны и неприкосновенны. Самый жалкий полицейский служащий цивилизованного государства имеет больше «автори-

тета», чем все органы родового общества вместе взятые; но самый могущественный князь и величайший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации могли бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, с которым относятся к самому скромному родовому старшине. Последний стоит внутри общества, тогда как они вынуждены представлять собой нечто вне его и над ним.

Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, так как оно в то же время возникло в самых столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подавления и обуздания рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных крестьян, а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая уравнивает друг против друга дворянство и буржуазию; таков бонапартизм первой и особенно второй французской империи, который натравливал пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата. Новейшее достижение в этой области, при котором властитель и подвластные

выглядят одинаково комично, представляет собою новая Германская империя бисмарковской нации: здесь капиталисты и рабочие уравновешены друг с другом и подвергаются одинаковому шантажу в интересах оскудевшего прусского юнкерства.

Кроме того, в большинстве исторических государств предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением, и этим прямо заявляется, что государство — это организация имущего класса для защиты его от неимущего класса. Так было уже в Афинах и Риме с их делением на классы по имуществу. Так было и в средневековом феодальном государстве, где политическое положение определялось размерами землевладения. Это находит выражение в избирательном цензе современных представительных государств. Однако это политическое признание различий в имущественном положении отнюдь не существенно. Напротив, оно характеризует низкую степень государственного развития. Высшая форма государства, демократическая республика, которая в наших современных общественных условиях становится все более и более неизбежной необходимостью и представляет собою форму государства, в которой только и может быть доведена до конца последняя решительная борьба между пролетариатом и буржуазией, — эта демократическая республика официально уже ничего не знает об имущественных различиях. В ней богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее: с одной стороны — посредством прямого подкупа чиновников (классический образец — Америка), с другой стороны — в форме союза между правительством и биржей, который осуществляется тем легче, чем больше возрастают государственные долги и чем больше акционерные общества сосредоточивают в своих руках не только транспорт, но и самое производство и делают своим средото-

чем ту же биржу. Ярким примером этого, кроме Америки, служит новейшая Французская республика. Даже добропорядочная Швейцария внесла свою лепту на этом поприще. Но что для такого братского союза правительства и биржи совсем не требуется демократической республики, доказывает, кроме Англии, новая Германская империя, где нельзя сказать, кого выше вознесло всеобщее избирательное право: Бисмарка или Блейхредера. Наконец, имущий класс господствует непосредственно при помощи всеобщего избирательного права. До тех пор пока угнетенный класс, — в данном случае, следовательно, пролетариат, — еще не созрел для своего самоосвобождения, он будет в большинстве своем признавать существующий общественный порядок единственно возможным и политически будет идти в хвосте класса капиталистов, составлять его крайнее левое крыло. Но, по мере того как он созревает для своего освобождения, он конституируется в собственную партию, избирает своих собственных представителей, а не представителей капиталистов. Всеобщее избирательное право — показатель зрелости рабочего класса. Дать большее оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве; но и этого достаточно. В тот день, когда термометр всеобщего избирательного права будет показывать точку кипения у рабочих, для них, как и для капиталистов, ситуация будет ясна.

Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих клас-

сов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно и государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором.

* * *

Итак, согласно сказанному, цивилизация представляет ту ступень общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе.

Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было по существу общественным, равным образом и потребление шло при прямом распределении продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин. Эта общность производства осуществлялась в весьма узких рамках, но она влекла за собою господство производителей над своим производственным процессом и вырабатываемым продуктом. Они знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не выходит из их рук; и пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить призрачные, чуждые им силы, как это обыкновенно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации.

Но в этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно подрывает общность производства и присвоения, оно делает преобладаю

шим правилом индивидуальное присвоение и вместе с тем порождает обмен между отдельными лицами — как это происходит, мы исследовали выше. Постепенно товарное производство становится господствующей формой.

При товарном производстве, при производстве уже не для собственного потребления, а для обмена, товары по необходимости переходят из рук в руки. Производитель при обмене отдает свой товар; он уже не знает, что с ним станет. Когда же в роли посредника между производителями появляются деньги, а вместе с деньгами купец, процесс обмена становится еще запутаннее, конечная судьба продуктов еще неопределеннее. Купцов много, и ни один из них не знает, что делает другой. Товары теперь уже не только переходят из рук в руки, они передвигаются с одного рынка на другой; производители утратили власть над всем производством условий своей собственной жизни, но эта власть не перешла и к купцам. Продукты и производство попадают во власть случайности.*

Но случайность — это только один полюс взаимоотношения, другой его полюс называется необходимостью. В природе, где также как будто господствует случайность, мы давно уже установили в каждой отдельной области внутреннюю необходимость и закономерность, пробивающуюся сквозь эту случайность. Но что имеет силу для природы, имеет также силу и для общества. Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется предоставленной чистой случайности, тем с большей силой и необходимостью пробиваются сквозь эту случайность свойственные ей внутренние законы. Такие законы господствуют и над случайностями товарного про-

изводства и товарообмена: отдельному производителю и участнику обмена они противостоят как чуждые, вначале даже неведомые силы, природа которых подлeжит еще тщательному изучению и исследованию. Эти экономические законы товарного производства видоизменяются на различных ступенях развития этой формы производства, но в общем и целом весь период цивилизации протекает под знаком их господства. И еще в настоящее время продукт господствует над производителями; и поныне общественное производство в целом регулируется не согласно сообща обдуманному плану, а слепыми законами, которые проявляются со стихийной силой, в конечном счете — в бурях периодических торговых кризисов.

Мы видели, что на сравнительно ранней ступени развития производства рабочая сила человека становится способной давать значительно больше продуктов, чем это необходимо для существования производителя, и что эта ступень развития в главном совпадает с той, на которой появляется разделение труда и обмен между отдельными лицами. И не много потребовалось теперь времени для того, чтобы открыть великую «истину», что человек также может быть товаром, что человеческую силу можно обменивать и потреблять, если превратить человека в раба. Едва люди начали менять, как уже они сами стали предметами обмена. Действительный залог превратился в страдательный, — хотели того люди или нет.

С появлением рабства, достигшего при цивилизации наивысшего развития, произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостное право в средние века, наемный труд в новое время.

Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации; открытое, а с недавних пор замаскированное рабство всегда ее сопровождает.

Ступень товарного производства, с которой начинается цивилизация, экономически характеризуется: 1) введением металлических денег, а вместе с тем и денежного капитала, процента и ростовщичества; 2) появлением купцов как посреднического класса между производителями; 3) возникновением частной собственности на землю и ипотеки и 4) применением рабского труда как господствующей формы производства. Цивилизации соответствует и вместе с нею окончательно утверждает свое господство новая форма семьи — моногамия, господство мужчины над женщиной, и индивидуальная семья как хозяйственная единица общества. Общей связью цивилизованного общества служит государство, которое во все типичные периоды является государством исключительно господствующего класса и остается во всех случаях главным образом машиной для удержания в подчинении угнетенного, эксплуатируемого класса. Для цивилизации характерно еще следующее: с одной стороны, закрепление противоположности города и деревни как основы всего общественного разделения труда; с другой стороны, введение завещаний, с помощью которых собственник может распоряжаться своей собственностью и после своей смерти. Этот институт, прямо противоречивший древнему родовому строю, в Афинах был неизвестен вплоть до Солона; в Риме он уже рано был введен, но мы не знаем точно, когда именно¹; у германцев ввели его попы, для того чтобы честный

¹ «Система приобретенных прав» Лаессаля во второй части посвящена главным образом положению, что римское завещание столь же старо, как и самый Рим, что для римской истории никогда «не существовало времени без завещаний»,

германец мог беспрепятственно завещать церкви свое наследство.

При этом общественном строе цивилизация совершила такие дела, до каких ни в малейшей степени не доросло древнее родовое общество. Но она совершила их, приведя в движение самые низменные стремления и страсти людей и развив их в ущерб всем их остальным задаткам. Грубая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивидуума, было ее единственной, определяющей целью. Если при этом выходило так, что при ней все более развивалась наука и повторялись неоднократно периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого не были бы возможны все достижения нашего времени в области накопления богатств.

Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий прогресс в производстве означает одновременно регресс в положении угнетенного класса, т. е. огромного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением для другого. Наиболее ярким примером этого служит введе-

что завещание возникло скорее в до-римский период из культа умерших. Лассаль в качестве правоверного старогегельянца выводит римские правовые нормы не из общественных отношений римлян, а из «спекулятивного понятия» воли и приходит при этом к указанному, совершенно не историческому утверждению. Это не удивительно в книге, которая на основании того же спекулятивного понятия приходит к выводу, что в римском наследовании передача имущества была только второстепенным делом. Лассаль не только верит в иллюзии римских юристов, в особенности более раннего времени, он еще превосходит их в своих иллюзиях.

ние машин, последствия которого теперь общеизвестны. И если у варваров, как мы видели, едва можно было отличить права от обязанностей, то цивилизация даже круглому дураку разъяснит различие и противоположность между ними, предоставляя одному классу почти все права и взваливая на другой почти все обязанности.

Но так не должно быть. Что хорошо для господствующего класса, должно быть добром и для всего общества, с которым господствующий класс себя отождествляет. Поэтому, чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждена бывает покрывать плащом любви неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, прикрашивать их или лживо отрицать, — одним словом, вводить в практику условное лицемерие, которое не было известно ни прежним формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации и которое приводит, наконец, к утверждению: эксплуатация угнетенного класса производится эксплуатирующим классом единственно и исключительно в интересах самого эксплуатируемого класса; и если последний этого не понимает и даже начинает возмущаться, то это самая постыдная неблагодарность по отношению к благодетелям, эксплуататорам ¹.

В заключение — суждение Моргана о цивилиза-

¹ Я сначала собирался привести рядом с моргановской критикой цивилизации и моей собственной блестящую критику цивилизации, которая встречается в различных местах в сочинениях Шарля Фурье. К сожалению, у меня нет времени заняться этим. Замечу только, что уже у Фурье моногамия и земельная собственность служат главными отличительными признаками цивилизации и что он называет их войною богатых против бедных. Точно так же мы уже находим у него глубокое понимание того, что во всех несовершенных, терзаемых антагонизмами обществах отдельные семьи (*les familles incohérentes*) служат хозяйственными единицами.

ции: «С началом цивилизации рост богатства принял такие громадные размеры, его формы столь разнообразны, его применение столь обширно, а управленные им так умело велось в интересах собственников, что это богатство сделалось силой, которою народ не мог уже овладеть. Разум человеческий стоит бессильный в смятении перед своим собственным творением. Но все же придет время, когда окрепший человеческий разум сумеет овладеть богатством, когда он установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и границы прав собственников. Интересы общества абсолютно важнее интересов отдельных лиц, и между ними должно быть установлено справедливое и гармоническое отношение. Голая погоня за богатством не должна быть конечным призванием человечества, если вообще прогресс и на будущее время остается законом, каким он был в прошлом. Протекшее с начала цивилизации время представляет собою только ничтожную долю протекшей жизни человечества, только ничтожную долю времени, которое ему еще предстоит прожить. Распад общества угрожает нам как завершение исторического периода, единственной конечной целью которого является богатство, потому что такой период содержит в себе элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование украсят следующую, высшую ступень общества, для наступления которой непрерывно работают опыт, разум и наука. Оно будет возрождением, — но в высшей форме — свободы, равенства и братства древних родов» (Морган, «Ancient Society», стр. 552).

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ СЛУЧАЙ ГРУППОВОГО БРАКА

В последнее время у некоторых рационалистических этнографов вошло в моду отрицать существование группового брака. В связи с этим представляет интерес нижеследующий отчет, который я перевозжу из «Русских Ведомостей» (Москва, 14 октября 1892 г. старого стиля). В нем не только вполне определенно устанавливается наличие группового брака, т. е. права взаимных половых сношений между рядом мужчин и рядом женщин, но и приводится такая его форма, которая тесно примыкает к браку-пуналуа у гавайцев, т. е. к наиболее развитой и классической фазе группового брака. В то время как типичная семья-пуналуа состоит из ряда братьев (единоутробных или более отдаленных по родству), которые находятся в брачном сожительстве с рядом единоутробных или более отдаленных по родству сестер, — в данном случае, на острове Сахалине, мы видим, что мужчина находится в брачном сожительстве со всеми женами своих братьев и со всеми сестрами своей жены, что означает, если рассмагривать это явление с женской стороны, что его жена в праве вступать в половые сношения с братьями ее мужа и с мужьями ее сестер. Отличие от типичной формы брака-пуналуа состоит, следовательно, только

в том, что братья мужа и мужья сестер — это не обязательно одни и те же лица.

Следует еще заметить, что и в этом случае подтверждается то, что я писал в «Происхождении семьи», 4-е изд., стр. 28—29 ¹, а именно, что групповой брак выглядит вовсе не так, как рисует его себе фантазия нашего филистера, привыкшая к домам терпимости; что лица, живущие в групповом браке, вовсе не ведут открыто той развратной жизни, которую он практикует втайне, а, напротив, что эта форма брака, судя, по крайней мере, по встречающимся еще теперь примерам, на практике отличается от неустойчивого парного брака или также от многоженства только тем, что ряд таких случаев половых сношений, которые при других условиях подвергаются строгому наказанию, здесь дозволены обычаем. То обстоятельство, что фактическое использование этих прав постепенно вымирает, только доказывает, что в стадии вымирания находится сама эта форма брака, что подтверждается также и редкостью случаев ее существования.

Вообще же все это описание интересно еще тем, что оно лишний раз показывает, как сходны, даже тождественны в своих основных чертах общественные учреждения первобытных народов, находящиеся на почти одинаковой ступени развития. То, что рассказано об этих монголоидах с Сахалина, в большей своей части вполне применимо к дравидийским племенам Индии, к жителям тихоокеанских островов эпохи их открытия, к американским краснокожим. Отчет гласит ²:

«В заседании антропологического отдела Общества любителей естествознания в Москве 10 октября (старого стиля; 22 октября нового стиля)... Н. А. Янчук

¹ См. выше, стр. 58. — *Ред.*

² Отчет воспроизведен по «Русским Ведомостям». — *Ред.*

доложил интересное сообщение г. Штернберга о сахалинских гиляках, племени, мало исследованном и находящемся на степени культуры дикарей. Гиляки не знают земледелия и гончарного искусства, снискивают пропитание главным образом охотой и рыбной ловлей, разогревают воду в деревянном корыте, опуская в него раскаленные камни, и т. п. Особенно любопытны их семейно-родовые учреждения. Гиляк зовет отцом не только своего родного отца, но и всех братьев последнего, а жен этих братьев, как и сестер своей матери, зовет всех матерями, детей же всех перечисленных родственников — своими братьями и сестрами. Такая же терминология существует, как известно, и у прокезов и других индейских племен Северной Америки, равно как и у некоторых племен в Индии, но у них она давно уже не соответствует действительности, тогда как у гиляков она служит для обозначения *до сих пор существующего порядка*. И теперь *каждый гиляк имеет супружеские права* (по крайней мере их осуществление не считается грехом) *на жен своих братьев и на сестер своей жены*. Эти остатки родового брака напоминают знаменитую семью-пуналуа, существовавшую еще в первой половине нашего столетия на Сандвичевых островах. Эта форма семейно-родственных отношений лежит в основании общественной организации гиляков, в основании их родового устройства.

«Род гиляка составляется из всех братьев его отца (всех степеней), из их отцов и матерей, из детей братьев гиляка и из собственных детей гиляка. Понятно, что таким образом составляющийся род может насчитывать в своей среде огромное количество членов. Жизнь рода протекает на следующих началах. Брак внутри рода безусловно воспрещен. Жена умершего гиляка переходит по решению рода одному из братьев (любой степени) покойного. Род:

содержит всех неспособных к труду своих членов. «У нас нет нищих, — говорил ре'ерсенту один гилляк, — если кто беден, того кормит халь» (род). Члены рода связаны общими жертвоприношениями и празднествами, общим кладбищем и пр.

«Халь гарантирует жизнь и безопасность каждого из своих членов от покушения на него лиц другого халя. Средством служит родовая месть. Под влиянием русских действие этого института за последнее время значительно ослабилось. Из действия родовой мести совершенно исключаются женщины. Род в некоторых случаях, впрочем весьма редких, усыновляет лиц чужого рода. По общему правилу, имущество не должно выходить из рода умершего. У гилляков в этом отношении действует буквально известное правило XII таблиц: «*Si suos heredes non habet, gentiles familiam habento*» — если не имеет своих наследников, должны наследовать сородичи. Ни одно чрезвычайное событие в жизни гилляка не обходится без участия рода. Старший в роде сравнительно еще недавно, одно-два поколения тому назад, был общественным главой, старостой рода. Но в настоящее время роль старейших в роде сводится почти только к руководительству религиозными обрядами. Роды бывают часто рассеяны в очень отдаленных друг от друга пунктах, но, разделившись, сородичи продолжают помнить друг друга, ездят друг к другу в гости, оказывают друг другу помощь и покровительство и пр. Впрочем, без особенной нужды гилляк не покинет своих сородичей, гробниц своего рода. Родовой быт налагает резкий отпечаток на весь духовный склад гилляка, на его характер, нравы и учреждения. Привычка все обсуждать сообща, необходимость постоянно вступаться в интересы своих сородичей, круговая порука в делах мести, необходимость и обыкновение жить в больших юртах вместе с десятками себе подобных, так ска-

зять, постоянно на народе, вырастали в гиялке чрезвычайно общительны*, разговорчивый характер. Гиялак чрезвычайно гостеприимен, он любит принимать гостей, любит и сам к ним ездить. Благородный обычай гостеприимства особенно резко проявляет себя в дни невзгоды. В черный год, когда у гиялка нехватает пищи ни для себя, ни для собак, он не протягивает руки за благодеянием: он уверенно отправляется в гости и кормится там иногда довольно долгое время.

«Среди сахалинских гиялков почти совсем не встречается преступлений корыстного характера. Свои драгоценности гиялак хранит в амбаре, который никогда не запирается. Гиялак настолько чувствителен к позору, что, уличенный в совершении чего-либо постыдного, он уходит в тайгу и налагает на себя руки (вешается). Убийства у гиялков довольно редки и совершаются чаще всего в раздражении; во всяком случае, они никогда не имеют корыстной цели. В своих гражданских отношениях гиялак проявляет правдивость, верность слову и добросовестность.

«Несмотря на долгое подчинение окитаившимся манчжурам, несмотря на губительное влияние проходимческого населения Амурского края, гиялки в нравственном отношении сохранили много добродетелей, свойственных первобытному времени. Но участь их строя жизни решена бесповоротно. Еще одно-два поколения, и гиялки материка совершенно обрусуют, и вместе с выгодами культуры они усвоят и все ее пороки. Сахалинские гиялки, как более или менее удаленные от центров русской оседлости, имеют шансы сохраниться в чистоте немного долее. Но и на них русское население уже начинает оказывать свое влияние. Со всех селений ездят за покупками и ходят на заработки в Николаевск, а всякий гиялак, возвращающийся с заработков в родное селе-

ние, приносит с собой такую же атмосферу, какую в русские деревни приносит рабочий из города. Кроме того, заработки в городах с их переменным счастьем все больше и больше уничтожают то первобытное равенство, которое составляет преобладающую черту несложной экономической жизни таких народов, как гиляки.

«В статье г. Штернберга собраны также данные о религиозных воззрениях гиляков, об их обрядах, юридических обычаях и пр. Статья будет напечатана в «*Этнографическом Обзрении*».

Напечатана в «Die neue Zeit».

Jg. XI, 1892, Bd. I. N. 12.

Подпись: Фр. Энгельс.

(К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 321—324).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От издательства	5
Предисловие Энгельса к первому изданию 1884 г.	7
Предисловие Энгельса к четвертому изданию «К истории первобытной семьи» (Бахофен, Мак-Леннан, Морган)	10
<i>Происхождение семьи, частной собственности и госу- дарства</i>	
I. Доисторические ступени культуры	29
1. Дикость	30
2. Варварство	32
II. Семья	38
III. Ирокезский род	110
IV. Греческий род	130
V. Возникновение афинского государства	142
VI. Род и государство в Риме	158
VII. Род у кельтов и германцев	172
VIII. Образование государства германцев	192
IX. Варварство и цивилизация	208
<i>Приложение</i>	
Вновь открытый случай группового брака	237

Наблюдение за изданием редактора *Д Розанова*
Полиграфическое оформление — *Г. Писманник*
Отв. корректор *Е. Николаева*

Сдано в производство 25 марта. Подписано к печати 13 мая. Тираж 150 тыс. экз. Формат $82 \times 110^{1/2}$. $15^{1/4}$ печ. листов. Партиздат № 158. Уполн. Главлита № Б-8288. Зак. № 1269. Бумага Камского бумкомбината.

Фабрика книги «Красный пролетарий»
Партиздата ЦК ВКП(б). Москва, Красно-
пролетарская, 16.

Цена 1 р. 15 к. Ледериновый переплет
1 р. 25 к. Бумажный переплет 50 коп.

Просим при обнаружении де-
фекта в данной книге прислать
ее для обмена с приложением
этого талона—Москва, Красно-
пролетарская, 16, ф-ка книги
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
Фабуправление

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

1 р. 65 к.